

г-жа Лузина

Джек-потрошитель с Крещатика

Свадьба с призраком

Киевские
ведьмы

**Инферральная
г-жа Лузина**

снова поразовала изысканную
публику новой книгой об
ужасах и тайнах города Киева.

**Джек-
потрошитель**

бродит по Крещатику, изны-
вая от животных
страстей. Падшие дамы
трепещут!

**ЗАКАЗЧИКЪ НИЧѢМЪ
НЕ РИСКУЕТЪ,**

НОВОСТЬ!

Тайны подземелий Зеленого
театра исследует путеше-
ственница во времени Мария
Ковалева

Прекрасная
предпринимательница
г-жа **Дображанская**
пытается разгадать
тайну смерти своих
родителей, оставивших
ее горемычной сиротой
еще в малолетстве.

Брак с призраком! Художник-мистик
г-н Котарбинский, известный своими
работами во Владимирском соборе
и особняках г-д Терещенко и Ханенко,
сочетался браком с привидением

Дамы под вуалью.

Впервые — полная биография художника
от известнейшей мемуаристки
мадам Потаниной.

Лада Лузина
Джек-потрошитель
с Крещатика
Серия «Ретродетектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40862803

*Джек-потрошитель с Крещатика / Лада Лузина, Ирина Потанина;
худож.-оформитель Е. Гугалова.: Фолио; Харьков; 2018
ISBN 978-966-03-8375-3*

Аннотация

Лада Лузина, одна из самых продаваемых писательниц Украины, представляет на суд читателя свой новый роман «Джек-потрошитель с Крещатика» – в традиционном мистическом стиле, где причудливо переплелось киевское время: 80-е годы XIX столетия и день сегодняшний, где ночи полны ужаса, а дни – неожиданных открытий. Писательницей с удивительной точностью передана характерная атмосфера старого Киева – города эстетского, богемного, загадочного, полного тайн. Где по Крещатику, нагоняя страх, бродит свой Джек-потрошитель в поисках новых жертв...

Также в данной книге представлены главы из первой полной биографии Вильгельма Котарбинского – от другой известной украинской писательницы Ирины Потаниной.

Содержание

Начало начал	7
Ангел бездны	15
Глава первая	23
Глава вторая	45
Глава третья	68
Глава четвертая	86
Глава пятая	110
Глава шестая	129
Глава седьмая	152
Глава восьмая	175
Глава девятая	198
Глава десятая	213
Конец ознакомительного фрагмента.	226

РЕТРОДЕТЕКТИВ

тагата Лузина

Джек-потрошитель

с Крещатика

Лада Лузина

Джек-потрошитель

с Крещатика

© Л. Лузина, 2018

© И. Потанина, 2018

© Е. Гугалова, художественное оформление, 2018

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

Начало начал

В Лондоне не было тумана. Солнце ласкало камни мостовой и в изобилии лежащие на брусчатке лепешки навоза, стены с содранными афишами, испытые лица мужчин в усыпанных табачными крошками клетчатых жилетах и чахоточные лица женщин в шляпках с увядшими лентами. Лица эмигрантов и шлюх. Пьяниц и отчаявшихся. Брошенных и отверженных.

Уайтчепел был не лучшим местом, чтоб наслаждаться красотами викторианской Англии. Да и сама викторианская Англия была не лучшим местом для наслаждения.

Дорогой четырехколесный кэб подъехал к пристроившемуся неподалеку от Флауэр-и-Дин-стрит кособокому кирпичному домишке с черепичной крышей и чересчур толстой, потемневшей трубой.

Ступенька опустилась, а на ступеньку опустилась нога прибывшего в щегольском ботинке с изящными пуговками. Высокий мужчина в крылатке и цилиндре спрыгнул на грязную, покрытую нечистотами землю, просверлил глазами табличку:

Мадам Заира, предсказание всей вашей жизни, один пенни

– и, убедившись, что прибыл точно по назначению, щедро расплатился с кэбменом.

Из дома мадам как раз вышла клиентка, белокурая девица с мечтательным лицом, и, увидев равнодушный взгляд мужчины под черным цилиндром, поспешно прибрала свои надежды и мечтания с лица, как единственную ценность, которую лучше спрятать подальше от недобрых людей – в карман своей забрызганной грязью юбки, за край чересчур глубокого декольте, выдававшего ее непочтенную профессию.

Проигнорировав висевший у входа молоточек, мужчина в цилиндре зашел в дом мадам Заиры и, миновав пару комнат, оказался в обтянутом синим бархатом кабинете, слыхом не

слыхивавшем про сегодняшний солнечный день.

Внутри было не протолкнуться от маленьких низких столиков с хрустальными шарами, картами, рунами, лампами, покрытыми разноцветными восточными платками... – атрибутов, клятвенно уверявших непосвященных: здесь обитает великая предсказательница! Атрибутов, сразу казавшихся посвященным старательно подобранными декорациями.

Мадам Заира сидела в большом кресле с короной-резьбой за круглым столом, покрытым черной бархатной скатертью, вышитой золотым шнурком.

Золотая чалма, узорная шаль с бахромой, длинные густые черные цыганские волосы – все, чтобы посетители поверили, что попали в экзотический, магический мир.

Киевский Демон звонко бросил пенни на маленькое медное блюдо с чеканкой.

– Не верю глазам, господин Киевицкий собственной персоной! – протянула мадам. – И в моем скромном салоне. Давно вы из Киева? – она говорила как иностранка, с трудом выговаривая буквы. – Не часто увидишь такого как вы... Дух Города в другом городе. Здесь вы намного-намного слабей, – рука мадам потянулась к золотому жезлу.

– Не настолько, чтобы вы могли подчинить меня, – холодно ответил ей гость, снимая цилиндр и усаживаясь в кресло напротив. – И все же вы задумались об этом на миг... значит, у вас много силы!

– Но мне не подчинить целый Город. Тем более, такой, как

наш Киев, – спокойно согласилась она, разглядывая большой, украшенный прозрачно-голубым камнем перстень на руке своего нежданного гостя. – Я и сама родом оттуда. – Ее акцент не исчез, но стал малозаметным, как у человека, не бывшего на родине пару столетий.

– Оттого вы и сильны.

– У меня много силы, – согласилась она. – Но чем вы собираетесь заплатить за нее? – она насмешливо взглянула на его пенни.

– Я не дам вам ничего. Но расскажу вам, как не потерять то, чем вы дорожите превыше всего.

Он не стал уточнять. Она не стала спрашивать, что он имеет в виду – лишь быстро согласно кивнула, будто боялась, что он передумает. Мадам Заира и ее загадочный гость превосходно понимали друг друга.

Киевский Демон положил на черную бархатную скатерть три фото «рубашками» вверх.

– Назовите мне их имена?

– Не может быть! – вспыхнули щеки мадам, и лицо ее стало таким изумленным, будто гость достал из кармана лондонский Тауэр, Биг-Бен и Вестминстерское аббатство в придачу. – Великим Городом правят люди? Трое слепых? Пророчество Великой Киевицы Марины действительно сбудется?

– Еще очень нескоро. Вам не доведется увидеть его.

– Я знаю свой жизненный срок, – с достоинством сказала

мадам.

– Потому я и здесь. Вы – потомок древних волхвиц, все до единого ваши пророчества оказались правдивы. Кабы слепые хоть краем глаза узрели ваш дневник, они бы не носились со своим глупцом Нострадамусом.

– Носились бы. Слепые слепы по определению. И трое из них правят вами? Катерина, Дарья, Мария, – мадам почередно коснулась пальцем трех перевернутых фото. – Ах, господин Киевицкий, Дементий Владиславович, будьте душкой, расскажите мне все! – «цыганка» внезапно обратилась в светскую даму, которая отлично знала людской псевдоним Киевского Демона. – Я столько изучала пророчество Великой Марины, но так и не смогла уразуметь его до конца... Неужели всеми ведьмами Киева, всеми шабашами будут править слепые люди, да еще и воспитанные людьми в мире слепых... неужели ведьмы примут их власть? Примут трех неумех?

– Удовлетворите свое любопытство, прошу, – г-н Киевицкий сделал жест рукой, предлагая ей перевернуть фотографии.

Некоторое время Заира рассматривала изображения трех женщин.

– Интересно... Весьма интересно. Что ж, я охотно расскажу вам про Трех. И мне нет дела до того, что вас интересует только одна.

– Как и мне нет дела до того, что обладательница трех зам-

ков и сокровищ, достойных семи королей, делает в самом вонючем районе Лондона, продавая свои предсказания за пенни, – ответил любезностью на любезность Демон. – В районе, из которого любая благоразумная дама сбежала бы без оглядки.

– Вы говорите о кровавом чудовище Уайтчепела? – настояжилась та. – Полагаете, мне тоже угрожает опасность?

– Вы тоже имеете привычку ходить по ночам... Но я полагаю, что моя оплата воспоследует за вашей услугой, – поторопил ее пророчество Демон.

– О, вы будете довольны мной!

Мадам Заира презрительно сбросила со стола засаленные карты и пододвинула к себе маленький круглый шар, но не хрустальный, а похожий на аквариум без рыбок.

– Вот эта, Катерина, – пророчица взяла в руки фото невероятно красивой брюнетки, – слишком уродлива. Из рода уродов. Она считает, что ее невозможно любить, как урда-горбуна из романа господина Гюго. Она погибнет, если ее никто не полюбит. И в гибели может сгубить многих...

Господин Киевицкий удовлетворенно кивнул.

– Вот эта, Дарья... чем она занимается?

– Она певичка.

– Глупости... она не пела ни разу в жизни. Она не сыщет себя, пока хоть раз не споет. Когда она запоет так, что купол рухнет... она споет впервые в жизни!

Мадам пододвинула к себе третье фото. И ее стеклянный

шар-аквариум вдруг ожил, засветился изнутри белым сиянием.

– Киевица Мария...

– Мария Владимировна.

– Ваша правда, она может овладеть целым миром. Самая сильная... но и самая слабая... Ее беда пострашнее, чем у других. Я вижу рядом с ней мертвеца.

– Продолжайте, – сказал Киевский Демон.

– Даже двух мертвецов. Она родила сына от человека, которого давно нет на ее земле. Нынче же ваша Мария Владимировна живет с привидением... весьма любопытный выбор спутников жизни. Но выбор опасный!

– Продолжайте, – повторил гость, слегка постукивая утяжеленным перстнем пальцем по набалдашнику трости.

– И я вижу вовсе не любовь, а Присуху. Я вижу ее мужчину, который не любил никого, мужчину, который натворил много зла... но однажды он выпил приворотного зелья и влюбился в Киевицу, влюбился так сильно, что не смог даже умереть, – мадам Заира смотрела вовсе не на фото Марии Владимировны, а в свой сияющий шар, – он мертв, но будет жив, пока любит ее. Один лишь вопрос: разве это любовь? Да, это чувство посильнее любви! Но любовь ли это? И однажды некто задаст этот вопрос. И этот вопрос все изменит. И вы боитесь его...

– Вопросы? Или ответа?

– Мертвец, привидение, который сейчас рядом с ней, –

единственное создание в мире, которого вы боитесь. Но вы уже знаете, как его победить, не так ли? Потому вы и здесь.

Демон кивнул.

– Однако я скажу вам то, что вам неизвестно. У вашей Марии Владимировны нет души.

– Нет души? – мадам Заире удалось удивить даже своего невозмутимого гостя.

– Игры с жизнью, смертью, Присухой не проходят зря.

– Где же душа?

– Разорвана. И хоть помочь вам непросто, вы пришли по адресу.

Мадам подняла черную скатерть с золотой бахромой, достала из тайного ящичка стола маленькое круглое зеркало, протерла его краем своей узорной шали и дунула на стекло...

Зеркальце раскололось на две половины.

Ангел бездны

*В земные страсти вовлеченный,
я знаю, что из тьмы на свет
однажды выйдет ангел черный
и крикнет, что спасенья нет.
Но простодушный и несмелый,
прекрасный, как благая весть,
идуций следом ангел белый
прошепчет, что надежда есть.*

Булат Окуджава, 1989 год

Ангел бездны

Начало XX века

Мужчина сделал шаг и замер на пороге – глаза молили о слепоте, сердце застыло, надеясь на безумие. Его девушка лежала на диване в нелепой, неприличной позе – с расставленными ногами, выгнутой спиной, запрокинутой головой. Ее черные чулки были спущены, запертая в корсет грудь тяжело вздымалась, из горла вырывался стон. А рядом с ней лежала прекрасная черноволосая дама. Рука дамы терзала девичью грудь, губы – жадно впились в ее губы.

Он не мог сказать, что испытывает сейчас – ужас, отвращение, восхищение? Он просто стоял и смотрел до тех пор, пока черноволосая не подняла лицо, не взглянула прямо на него.

И в этот миг его сердце остановилось.

Начало XXI века

...свернув на середине Андреевского спуска, женщина поднялась на Лысую Гору.

Киевляне знали Гору как Замковую – но она была Лысой. А женщину в общественном месте наверняка бы окликнули: «Девушка...». Но она была женщиной, и Гора знала об этом.

Гора знала: женщина идет сюда, потому что не может не идти – ее ведет нечто, неподвластное ей. Гора не желала пускать ее, и на литых металлических ступенях многомаршевой лестницы, ведущей на Замковую, сиял охранный узор. Но со временем узорные ступени изнашивались, их заменя-

ли обычными – последних стало больше – и теперь лестница не могла сдержать женщину, идущую на Лысую Гору.

За женщиной шел туман. Туман окутывал ее фигуру как бесплотная белая шуба, как огромный кокон ваты – туман делал ее невидимой для других. Иначе кто-нибудь непременно задал бы вопрос, зачем женщина, взбирающаяся на Лысую Гору, несет с собой лопату и труднообъяснимый продолговатый предмет, завернутый в темную ткань.

Взобравшись на вершину, женщина перешла по узкой тропинке на дальний отрог. Послушный туман рассеялся, и она огляделась. Слева Киев головокружительно падал на двести метров вниз – к засыпающему серому Днепру, справа – взлетал вверх, к подпирающим низкое октябрьское небо Андреевской церкви и тяжеловесному сталинскому ампиру музея истории Украины. За спиной женщины киевскую Лысую Гору обнимала фешенебельная, как крохотный европейский городок, новая элитная улица Воздвиженская, перед пришедшей, на вершине горы, стояли круглый каменный алтарь родноверов и камни с надписями: «Громадський жертovníк», «По жертва ваша хліб і молоко...».

Возвышенное и земное, языческое и святое, гламурное и гранитное – сошлись в древней точке силы. Но женщину не интересовала сила Горы. Не обнаружив вокруг ни единого человека, она пошла дальше – в рыжую рощу, где умирало старое церковное кладбище.

Давным-давно некрополь окружал Троицкую кладбищен-

скую церковь Флоровского монастыря. Но церковь не устояла на Лысой Горе – была разрушена в 30-е годы, и ныне заброшенное дореволюционное кладбище казалось затаившимся и зловещим. Его можно было и не заметить – стволы тонких, оголенных осенью темных деревьев сливались с такими же тонкими, потемневшими металлическими крестами. Лишь на немногих могилах сохранились таблички со съеденными временем буквами, большинство оградок казались пустыми – могилы, которые они защищали, давно сровнялись с землей, землю скрыл ворох листьев. К монастырю бежала узкая дорога, почти стертая с лица ведьмацкой Горы.

Женщина переступила поваленное бурей дерево, остановилась, подняла глаза вверх. Кроны деревьев уже не заслоняли свинцовое небо, а земля во влажных и желтых осенних сугробах стала вязкой от многослойной листвы. Шорох собственных шагов мешал пришедшей на Гору услышать нечто, доступное ей одной... Она замерла, а секунду спустя бросилась, вздымая листья, к оскверненному разноцветным граффити серому склепу.

Рядом с ним стояла косая, утопающая в рыжей листве, сплюснутая временем оградка, – как и во многих других, внутри нее не просматривался даже холмик могилы. Пришедшая перешагнула через тонкие низкие прутья ограждения, расчистила ногой уже потемневшие листья... Постояла, взглядываясь в освобожденную землю.

– Да, – возбужденно сказала она. – Это ты. Как долго я

тебя искала, любимый!

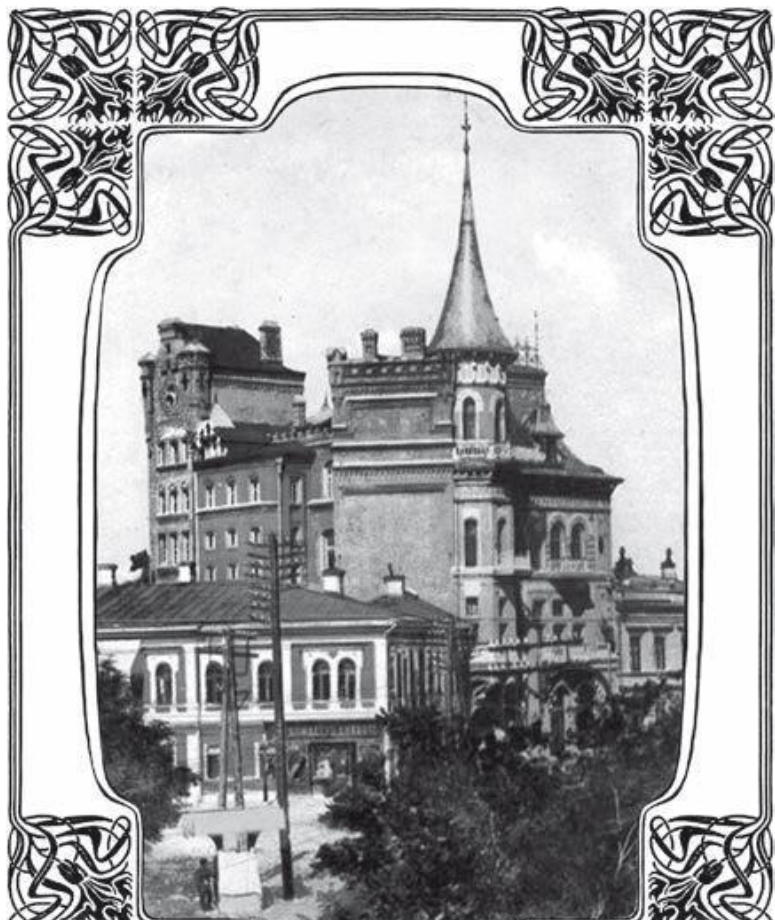
Она воткнула в землю лопату, аккуратно поставила загадочный продолговатый предмет и сдернула с него черную ткань...

У изголовья могилы стояло большое старое зеркало в почерневшей серебряной раме.

Все прочее скрыл туман, рухнувший на Лысую Гору, как громадное, сброшенное с неба одеяло.

Глава первая

Деды

Осень овладела Городом. Погода была по-осеннему сонной. И вроде не туман, а соседний дом за окном казался размытым как акварель. Улица Ярославов Вал точно затихла в предчувствии последнего – смертельного – акта. Природа умирала. Осеннее Макошье должно было вскоре смениться часами Коротуна.

Но двери Башни Киевиц еще были открыты навстречу последнему осеннему теплу. Катерина Дображанская стояла у высокого зеркала, поправляя тяжелый узел темных волос.

Даша Чуб вдохновенно листала газету, периодически оглашая важные новости.

– Ты представляешь, мужу приснилось, что жена изменяет ему... так он проснулся и задушил ее спящей! Вот сволочь! – Даша помолчала, тщетно ожидая реакции. – Или вот... Муж бросил жену после того, как она родила ему тройню. Пока та лежала в роддоме, подал втихаря на развод и слинял в другой город. Ничего себе гад?!

Катерина приподняла руки и, выпрямив пальцы, взыскательно осмотрела свои бесценные кольца-модерн.

– Так того, убийцу, хоть посадили в тюрьму, – добавила Чуб. – А сбежавшему что вообще будет?.. И весь этот беспредел в нашем Городе, Киеве! Тебе не кажется, что мы должны им заняться?

– Кажется, – подала голос Катерина Дображанская. – Кажется, что ты лезешь на стенку от безделья. Ты вроде побе-

маркетов Катя перевоплотилась в Киевицу, властительницу Киева – главным своим достижением она считала не власть, не серебро и не золото, а обретенный ею покой – спокойное осознание собственной силы. Еще большую силу получила Маша...

Но несостоявшаяся певичка, звезда сомнительного счастья Даша Чуб, невзирая на все свои вопиющие и громко поющие таланты, так и осталась какой-то незавершенной, нереализованной, беспокойной. Она давно не вызывала у Кати прежнего раздражения и неприязни, скорее – упрямое отрицание. И хотя рациональная часть Катерины Михайловны подсказывала ей, что их покой нуждается порой в неутомных дрожжах Дашиного энтузиазма, она ничего не могла поделать с собой, Даша была для нее вроде беспокойной навязчивой мухи... которой к тому же следовало похудеть на пять – семь килограмм, прежде чем напяливать мини и декольтированные трикотажные кофты в обтяжку.

– Кстати послушай вот это... – Даша Чуб снова уткнулась в газету.

Белую фигуру толстой Дамы снова видели в окнах Башни на Ярославовом Валу, 1. Городская легенда рассказывает, что первый владелец дома шляхтич Подгорский построил его для своей любовницы. Видимо, он предпочитал крупных женщин. Но любовь вскоре прошла, и с горя женщина наложила на себя руки. С тех пор ее бедный дух бродит по

дому-замку.

– Что за гадость ты читаешь? – не выдержав, Дображанская подошла к Чуб и, вынув газету из ее рук, взглянула на первую полосу.

«Неизвестный Киев» – интриговало название издания. Под ним красовались с десяток мелких и четыре жирных заголовка: «Через неделю начнется застройка Пейзажной аллеи?», «На Замковой горе неизвестные раскопали могилу монаха», «В окне дома на Ярославовом Валу, 1 видели привидение Белой Дамы», – а также фото с призывом «Помогите найти» и сообщением «В свой день рождения пьяная дочь бизнесмена зарезала отца».

– И точно, диагноз, – окончательно уверилась Катя. – Как ты могла купить такую бульварную чушь?

– Как ты носилась с газетой про апокалипсис¹, так это нормально, а как я, так сразу «брось каку»? Мне интересно стало, они же про нашу Башню писали. И почему ты считаешь, что у нас в доме не может жить привидение?

– Достаточно того, что здесь живем мы. Киевицы, ведьмы, черти, Демон. По-моему, жилплощадь занята. – Катерина взглянула на готические окна Башни Киевиц и сощурила глаза.

– И то, что Пейзажную аллею скоро застроят, тебя тоже не волнует? – нанесла Чуб удар слева.

– Нет, раз это не волнует наш Город. – Дображанская

¹ Читаете об этих событиях в книге «Киевские ведьмы. Никола Мокрый».

брезгливо бросила газету обратно на стол и вернулась к высокому зеркалу. – Если бы Киеву грозила беда, он дал бы нам знать. Ой... – Катя положила руку на грудь. – Сердце кольнуло.

– Вот видишь? У нас в Башне происходят паранормальные явления. – Даша, с надеждой завертела головой налево-направо. – Ау, привидения! Белая Дама, ты где? Выходи! Тебе повелевает твоя Киевица!

Солнце за окном мигнуло и погасло – день внезапно стал пасмурным, насупился и недружелюбно покосился на Чуб.

Безмятежно почивавшая в кресле белая кошка Белладонна вскочила, выгнула спину и зашипела, обнажая клыки. Черный кот Бегемот, мирно спавший на каминной полке, издал целую россыпь недовольных звуков, с топотом бросился на балкон и одним махом сиганул на соседний серо-стальной гребень замковой крыши.

– Ты видишь! Видишь! – возликовала Землепотрясная Даша. – Ты в теме, что Кошки всегда реагируют на привидения? Пуфик, ты случайно не видела тут Белую Даму? – обратилась Даша к своей любимице – круглобокой рыжей кошатине.

– Мя-уууу, – недружелюбно сказала Изида Пуфик, хотя обычно предпочитала французскую или, на худой конец, русскую речь. Рыжая кошка нехотя сползла с дивана, бросила на Дашу Чуб обиженный взгляд и, не прощаясь, потрусила на кривоватых лапках в сторону кухни.

– Ждите гостей! – выгнув спину коромыслом, прошипела обычно уравновешенная блондинка Белладонна, прежде чем последовать примеру других представителей местного семейства кошачьих. – Зовите Васю-у-у...

Вслед за Изидой она помчались на кухню – там их обеих поджидала открытая форточка.

– Слыхала я, что крысы бегут с корабля, но чтобы кисы из дома... – проводила их Чуб озадаченно-заинтригованным взглядом. – Это все Белая Дама? Или что тут происходит вообще?

– По-моему, ты что-то опять натворила. Что ж, звони Василисе, пускай объяснит, – равнодушно сказала Катя. – У меня важное дело.

– И куда ты так вырядилась?

Слово было не особо удачным – наряд раскрасавицы Кати был дивно простым: темный костюм с длинной юбкой и приталенным пиджаком. Но блуза с воротником из жемчужно-серых винтажных кружев, пять громоздких колец в магическом стиле модерн, утяжелявших Катины пальцы, делали облик Дображанской почти вызывающе прекрасным.

– Я иду на антикварный аукцион. – Катерина поправила спикировавшую на лацкан ее пиджака современную брошь-бабочку с крылышками из разноцветной эмали.

– Новая? – заценила Даша.

– Только купила, – Дображанская скосила глаза. – Надо же, я и не заметила, что у нее в центре бриллиантик.

– Бриллианты, они вообще такие незаметные, скромные, – активно закивала Чуб. – Дай угадаю, на аукционе продается еще одна ювелирная цаца в стиле модерн?

– Нет, две картины Вильгельма Котарбинского, – с ноткой капризности произнесла Катерина и завершила с сомнением: – Может, куплю одну Маше в подарок. Ты хоть помнишь, что сегодня у нее день рождения?

– Я что, склеротичка? А кто такой Котарбинский?

– Один из художников, расписавший ее любимый Владимирский собор. Маша тебе лучше расскажет.

– И это твое важное дело?

– Ну, если у тебя есть дела поважней...

– Конечно, – Чуб выпрямилась с оскорбленной газетой в руках – загнать уже забурлившие намерения Землетрясней под лавку было непросто, точнее – невозможно вообще. – Я – Киевица. И если у меня по Киеву бродят неучтенные привидения, из дома бегают кошки, а мужики бросают и душат женщин, все это имеет ко мне прямое отношение!

Солнце мигнуло и погасло. И показалось: навек, и мир навсегда останется унылым и серым. Но оно просияло вновь.

Лишь в кронах деревьев университетского ботанического сада напротив гнезвился туман, и туман уже знал, что вечером он проглотит весь Город.

Осенние листья летели так медленно, что казались висящими в воздухе, – Киев получил расцветку в желтый листо-чек.

Упрямо зеленеющая трава у Владимирского собора стала мохнатой от рыжей листвы, и по ней с важным видом прогуливался большой черный ворон. Каштаны на бульваре уже осыпались, но подтянутые, как строй солдат, тополя – упрямо зеленели, не собираясь сдаваться октябрю.

Две слишком светские богомолки подошли к желтым византийским стенам Владимирского и остановились неподалеку от двухсотпудовых двухстворчатых черных дверей с барельефами – узорная княгиня Ольга и пышнобородый, похожий на Илью Муромца, вооруженный мечом святой князь Владимир косо посмотрели на прибывших. Двери-ворота были закрыты, входить следовало через боковой вход.

– Ничего что у меня губы покрашены? – неуверенно спросила одна из богомолок.

– Нормально, – сказала вторая с видом знатока и достала из сумочки нарядный синий платочек с золотыми египетскими иероглифами.

– Ой... туда посмотри. Да сюда не молиться нужно ходить, а с мужиками знакомиться, – первая немного нервозно хихикнула и игриво указала глазами направо.

Богомолки застыли, напрочь забыв про Бога при виде прекрасного, как языческий бог, темноволосого и темноглазого парня, держащего на руках совершенно не похожего на него малыша – полугодовалого голубоглазого и беловолосого мальчика с лицом херувима.

– Я и не знала, что мадонны с младенцами бывают мужского пола! – снова хихикнула первая.

– Я вообще не знала, что такие мужчины бывают, – отозвалась вторая, повязывая на голову бирюзовый платок. – И не голубой вроде – с ребенком!..

– Все голубые теперь тоже с детьми... Даже Киркоров родил себе что-то.

– А эта, рядом с ним, рыжая – кто?

Обе с вопросительным любопытством воззрились на невысокую тонкую девушку в длинной юбке и светлом платке, закабалившем ее огненно-рыжие волосы.

– Жена, наверное, – сказала первая, рассматривая готическое и рыжебровое лицо из коллекции Кранаха Старшего, – красивая... нестандарт.

– Красивая? – возмущенно изумилась вторая. – Вообще никакая. Уродочка. Зуб даю, она его няня. О, черт... – поход во Владимирский собор явно отменялся. – Не поверишь, зуб прихватило, – проныла она, хватаясь за подборок, чувствуя, как с каждой секундой боль нарастает, становится нестерпимой.

Облаченная в узорные одежды тринадцатипудовая Оль-

га на главных дверях на секунду приподняла опущенный взгляд и переглянулась с пятнадцатипудовым князем Владимиром на соседней створке:

«Видел, внучек? Люди, люди... не стоит обижать Киевицу!»

– Иди сама, – говорил тем временем Киевице ее спутник Мир Красавицкий. – Я подожду.

Рыжая Маша кивнула, глядя, как ее сын Миша привычно обвивает шею Мира двумя руками, – как и многие дети, он чувствовал себя куда комфортней на руках у отца. Только Мир не был отцом ему.

– Ты прав. Миша еще слишком маленький, чтобы идти в Прошлое, – в голосе матери звякнула неуверенность.

Она с подозрением покосилась на крупного ворона, прогуливающегося между двух уже заснувших на зиму черных фонтанчиков для питьевой воды.

Ворон наклонил голову набок и внимательно посмотрел прямо на Машу.

И Маша Ковалева решила...

Поднялась по ступеням к боковой левой двери, поклонилась

лась.

– Именем Отца моего велю, дай то, что мне должно знать, – прочитала заклятие Хранительница вечного Города и, сделав шаг, прошла сквозь столетие.

...Владимирский собор был новым и ярким.

...Владимирский еще и не был собором – ему предстояло ждать освящения несколько лет, и часть его стен были расчерчены деревянными лесами.

Но Маша все же перекрестилась, прочитала молитву, но не за упокой – за покой. Здесь, в конце XIX или начале XX века, отец ее сына – художник Серебряного века Михаил Врубель – был еще жив.

Мир знал, что, перешагнув порог собора, Киевица перешагнет сто лет, оказавшись в Прошлом – в еще не законченном Владимирском. Но не знал, что она мечтает встретить здесь другого мужчину. И, оглашая просьбу Отцу-своему-Городу «дай то, что мне должно», надеется: Киев сочтет должным дать ей час, когда расписывавший этот собор Михаил Врубель будет здесь.

Маша привычно обернулась, посмотрела на фреску над

главным входом – суровоглазый чернокрылый ангел с весами в руках разделял своей фигурой рай и ад. Много лет Маша и ангел мерялись взглядами, и она всегда была честна перед ним.

«Ты знаешь мою историю, – сказала она чернокрылому то, что так и не решилась сказать Мирославу, – я вдруг стала Киевицей, волшебницей... совершенно внезапно... и впервые отправилась в Прошлое... такая глупая... я еще даже не целовалась ни с кем... и познакомилась с Врубелем... и влюбилась в него сразу по уши. А потом оказалось, что я беременна. Так сразу... ведь видела его всего два раза в жизни!»

Сейчас Маша почти не помнила своих смятенных чувств к нему – лишь знала, что когда-то любила его и от этой любви появился их сын Миша-младший. Но с тех пор ей довелось прожить еще одну жизнь, обрести равновесие и мудрость... Мудрость и равновесие царили в душе до тех пор, пока ее шестимесячный сын Миша не сказал в первый раз слово «мама». А еще не произнесенное «папа» повисло в воздухе без адресата.

Маша поднялась на хоры. С детства она любила любоваться храмом с «балкона» второго этажа – здесь всегда было тихо, покойно. Здесь она была с Самым прекрасным в мире Владимирским собором один на один. Над головой сияло сотворенное Вильгельмом Котарбинским «Преображение Господне» – стоящий в яйце сверкающего света Иисус являл ученикам свою истинную небесную суть.

Она тоже преобразилась – стала Киевицей, властительницей Вечного Города. И теперь подумала вдруг: «Как это странно...».

Она могла разговаривать с Киевом, воскрешать мертвых, и сама умирала и воскресала, карала и миловала, трижды спасала мир. И любая загадка мироздания, над которой ломали умы сотни лет сотни мудрецов, казалась ей нынче простой в сравнении с вопросом... Кому ее сын должен сказать «папа»?! Миру, который любит ее и всегда будет с ней и с маленьким Мишей? Или своему настоящему отцу, который даже не знает о его существовании? Стоит ли рассказать Мише об отце, умершем за сто лет до его рождения, и должна ли она рассказать отцу о сыне? Отцу, который жил и умер, не подозревая, что у него есть сын и наследник!

Больше всего Маше хотелось, чтоб на ее вопросы ответил кто-то другой, чтобы она случайно столкнулась здесь с Врубелем и не смогла не сказать ему правды.

Но на тайную просьбу Киев ответил ей «нет». Она не знала, какой нынче год и день, но точно знала, что в этот день Михаила Врубеля не было в соборе, – она ощущала его отсутствие кожей. И ей страшно захотелось поступить против воли Отца – по воле своей щелкнуть пальцем, увидеться с Врубелем и открыть ему все. Все!

«Именно так я и сделаю», – Ковалева подняла повелительную руку, машинально подняла глаза вверх, – ее взгляд ласково коснулся щедро изукрашенных раззолоченных стен.

Врубель написал здесь только орнамент, единственную написанную им композицию «5-й день творения» заставили позже переписать Котарбинского! Но теперь собор кичился его именем, и никто из историков не забывал помянуть: Владимирский расписывал не только Васнецов, Нестеров, Котарбинский, Сведомские, но и гений Серебряного века – Михаил Врубель. Хотя на деле его эскизы не приняли. Да и не могли их принять – слишком странными они были, слишком стремными, порой даже страшными...

Маша вспомнила, что здесь, во Владимирском, ночью в крестильне сумасшедший Врубель нарисовал Божью Матерь с изуродованным лицом, с когтями, как у кошки, а потом закричал...

Ковалева вздрогнула: «Нет, я не хочу... Мише не нужно знать, что он сын сумасшедшего! Пусть лучше его отцом будет Мир!»

Она приняла решение. Окончательное – в душе сразу воцарился покой.

Миша-младший не будет расти в осознании, что он – сын безумного гения позапрошлого века. И не нужно знакомить его с подобным отцом – во всяком случае, до тех пор, пока Миша не станет взрослым.

Она с благодарностью погладила мраморные перила балкона хоров, вознаграждая Собор за совет, за то, что ее внутренние «Весы» наконец обрели долгожданное равновесие, и за то, что свой 24-й день рождения 21 октября она сможет

встретить безмятежно счастливой...

– ...Вы уже слышали? – раздался со стороны лестницы чей-то насмешливый голос.

– О чем?

– О явлении его Прекрасной Дамы. Его Вечной Возлюбленной!

Два человека поднимались на хоры.

– Она пришла в собор под черной вуалью. Никому не сказала ни слова. И вуаль не подняла. Так и ушла. Вот такая у него жена – никто даже лица ее ни разу не видел. Ходит повсюду, как черный дух. И он ни с кем ее не знакомит. Быть может, его любезная супруга – такая рожа, что стыдно людям представить? – Голос запел на разудалый бульварный мотивчик:

Жена моя, красавица,
По улицам шатается.
Извозчики ругаются,
Что лошади пугаются...

– Полагаете, она так дурна собой? – откликнулся его спутник.

– Что же еще? Ну, разве эта супруга и впрямь некий незримый дух... Как раз в его вкусе! Влюбиться в привидение – это в духе нашего катара, – засмеялся рассказчик.

Они были совсем близко, и, не желая встречаться с людьми, Маша щелкнула пальцами, чтоб вернуться в свой

– Ты – Киевица! И все беды, происходящие в Киеве, имеют к тебе отношение. И если ты хочешь эту беду поиметь, кто вправе запретить тебе? – поддержала Дашу Акнир.

Дочь предыдущей Киевицы и первая Помощница Главы Киевских ведьм была рада ее приходу. И Даша последнее время все чаще навещала ее дом, поговорить о магии и волшебании. Разговоры с Катей обычно заканчивались бесплодными спорами, Маша и Мир были слишком увлечены своим родительством и друг другом.

Да и квартира Акнирам (в отличие от их башни Киевиц с патриархальным камином и книжными ретро-шкафами) была настоящим домом современной ведьмы – креативной, активной и трендовой!

Белая лягушка Матильда, плавающая в аквариуме. Значки в стиле поп-арт с аббревиатурой практичных заклинаний. Коллекция полудрагоценных камней, собранных на блюде в узор удачи и счастья (каждый день Акнир складывала из камней разный орнамент, в зависимости от задач сего дня!). Многочисленные пяльцы с начатой вышивкой... Акнир рас-

шивала модные юбки и джинсы волшебным узором, беспечно смешивала дешевые и дорогие кремы со смесями магических трав, ежедневно изобретала все новые освежающие маски для привлекательности – и в любой день могла бы стать миллионершей, выпустив любое из своих косметических средств, поскольку ее снадобья привлекали мужчин не на рекламных словах, а на деле.

Истинная ведьма, истинная дочь прежней Киевицы Кылыны – Акнир магичила как дышала, использовала магию вместо соли и сахара и легко решала с помощью подручной магии любую проблему.

– Хочешь, – предложила юная ведьма, – приворожим сбежавшего отца тройни обратно? Сварим Присуху прямо сейчас!

– Присушим к жене? Землепотрясная мысль! – Чуб достала из сумки газету. – Правда, брошенная жена сказала, – она заглянула в статью, чтобы убедиться в собственной памяти: – «...даже если он вернется назад, после такого поступка я его ни за что не приму». Но бабы обычно только говорят так.

– А если и правда не примет, – подпела Акнир, – будет ему по заслугам. Пусть присушенный всю жизнь вокруг бегаёт и все желания ее исполняет. Так и вину искупит, и у детей все же будет отец.

– Здорово, – настроение Чуб мигом улучшилось. Она кокетливо поправила новое хэллоуинское колье с пауком и че-

репами из стразов.

– Возьму Присуху № 16, она легкая, почти без побочки.

– А есть и с побочкой?

– Та, например, которой ты присушила к Маше ее Красавицкого... сразу и насмерть, и навсегда.

Чуб хохотнула, но не особенно весело. Акнир села к столу и тут же, не откладывая, принялась сочинять приворот из ягод, порошков и прочих чудес, разбросанных по ее столу вперемешку с недорогой бижутерией, бесценными артефактами из чистого золота, флешками, резинками для волос, магическими амулетами и разноцветными тенями в потертых коробочках.

Ее узкое вострое личико стало сосредоточенным – из-за светлых глаз и натуральных белых волос с золотым отливом она могла бы казаться Дашиной младшей сестрой. И порой Даша ощущала ее – одновременно и младшей, и старшей. Мало кто в Городе, кроме самих Киевиц, мог сравниться по силе с этой худенькой девочкой с острыми локтями и худыми плечами.

Чуб прошла по квартире, рассматривая разные занятные вещицы: выдавшую виды рабочую прялку, диски с ведьмацкими заговорами и песнопениями, фотографию покойной матери и бабки Акнир – двух предыдущих Киевиц на фоне их Башни.

Интересно, а кем был отец Акнирам? Акнир никогда не говорила о нем. С какими вообще мужчинами сходятся на-

стоящие Киевицы, вроде покойной Кылыны?..

– И помни, – сказала Акнир. – Ты – Киевица. Ты можешь все, что не противоречит 13 Великим запретам.

– Ага, Киевица... – настрой Чуб вновь рухнул вниз. – Мы ща-с даже на Горе не дежурим. Василиса позвонила с утра и сказала, что у нас типа отпуск... Две недели! Это вообще как? Выходит, наш Город дал нам отпуск в подарок ко дню рождения Маши! А почему он не сделал отпуск ко дню рождения мне? Выходит, я хуже?

– Не о том заморачиваешься, – Акнир никогда не нужно было объяснять слишком долго. – Ты тут вообще ни при чем, и твоя Маша тоже. Дело не в ней, а в том, когда она родилась. 21 октября – на Деды́.

– На... кто-кто?

– Деды́. Так слепые называют день поминовения усопших. Мы, ведьмы, называем их Бабы5 или Мамки. Вы празднуете их в ближайшую субботу к 21 октября. Мы в женский день – пятницу. Соблюдение обряда занимает примерно 14 дней. А поддерживать хорошие отношения с родом очень важно – в любую минуту Киевице может понадобиться вся сила предков. Вот почему Город счел себя не вправе отвлекать вас.

– Отвлекать от чего? Что нам нужно делать?

– Сидеть дома, принимать гостей, угощать их ритуальной едой. Да не переживай, Василиса Андреевна зайдет к вам сегодня и все расскажет про кормление Душечек.

– В смысле, хорошеньких девушек? – перестала понимать

ее Чуб.

– В смысле, покойников. Душечки – души милых тебе людей, – растолковала дочь Киевицы.

– Это такой древнеславянский языческий праздник?

– Не только славянский и не только языческий. Многие отмечают дни мертвых в конце октября – начале ноября, хотя и называют по-разному. Христиане празднуют родительскую субботу перед 26 октября. Кельты отмечали в ночь с 31 октября на 1 ноября и называли этот праздник Самхейн. А сейчас его называют Хэллоуином. Ты знаешь, в этот день в Америке дети переодеваются во всякую нежить, ходят по домам и кланчат: «Trick or Treat!»

– «Проделка или угощение!».

– И не знаю, как американцы, а наши предки, славяне, точно знали, если на Бабы5 да Деды не угостить своих Душек, они устроят тебе дурную проделку. Обидятся на невнимание, нашьют на тебя хворь и тоску, беду на дом, падеж на скотину...

– На скотину? – занервничала Даша. – А кошки считаются?

– На Мамки кошек удаляют из дома. Кошки не выносят ни духов, ни призраков, бросаются на них, как на мышь. Это инстинкт.

– То-то наши кошки куда-то сдрыснули утром.

– Значит, к вам уже кто-то пришел...

– Белая Дама! – подорвалась Даша Чуб. – Я сама позвала

ее. А мы ей вместо угощения – дулю. Что же теперь?

– Ничего. Я сказала: на исполнение обряда – 14 дней и Василиса вам поможет. Вы все равно собирались готовить что-то на день рождения Маши. Кстати, – резко умерила пафос Акнир, – что ты ей подаришь?

– Еще не знаю.

– И я. А я ведь Помощница Главы Киевских ведьм, я обязана принести дар Киевице. – обеспокоилась ведьма. – А Катя придумала?

– В процессе пока. Пошла на аукцион покупать картину художника, который расписывал Владимирский.

– Значит, сегодня аукцион «Licorne», – Акнир открыла свой ноутбук.

– А ты откуда знаешь?

– А он у нас только один такой...

Ведьма села к компьютеру, щелкнула мышкой, и Даша увидела на экране небольшой, заставленный стульями зал старинного особняка.

– Это чё, онлайн? – восхитилась Землепотрясная. – О, смотри, смотри, в третьем ряду наша Катя! Вот стерва, какая она у нас все же красивая... А ты в курсе, – повернулась она к Акнир, – что мама ее красивой во-още не была. И папа, и бабушка с дедушкой тоже. А прабабушка – вообще уродина типа. Она одна такая в роду... Везет же некоторым!

– Или наоборот – не везет, – сказала юная ведьма.

Глава вторая

Два ангела

– Рад вас видеть!

Едва Катерина Дображанская взяла со стола каталог, рядом с ней образовался хозяин Аукционного Дома – Вадим Вадимович Водичев. Избранных, посещавших его антикварные аукционы в маленьком дореволюционном особнячке над Подолом, было немного, и он считал своим долгом об-

хаживать каждого:

– Жаль, что вас не было в прошлый раз.

Левый глаз хозяина прикрывала черная шелковая повязка. Одни говорили, что в молодости он чересчур увлекался опасной охотой и в одиночку ходил на медведя, другие – что в 90-е он был далек от антикварного бизнеса и водил близкое знакомство с известным криминальным авторитетом Ангелом, иные судачили, что он просто интересничает, желая привлечь внимание прессы. Но дороговизна вещей, с которыми он имел дело, мешала Кате уличить его в столь дешевом пиаре.

– Однако сегодня я не сомневался, что вы придете, – сказал Вадим Вадимович.

– Отчего же?

– Вильгельм Котарбинский, – хозяин выговорил фамилию так смачно, словно успел облизать языком каждую букву. – Мистическая личность. Один из ярчайших символистов стиля модерн. Модерн, – произнес он так, словно был влюблен в это слово и собирался сделать ему предложение на днях. – Ваше пристрастие.

– Хотите сказать, мой бзик? – саркастично спросила Катерина. – Об этом уже знают все?

– Круг истинных ценителей живописи очень узок.

– Признаюсь, я не жалею живопись, – сказала Дображанская.

– А как же акварель княжны Ольги Романовой, которую

вы купили у нас?

– Просто я знала ее лично. И у меня сохранились хорошие воспоминания о ней.

Хозяин встретил ее шутку² положенной улыбкой и вежливо погладил взглядом Катину золотую бабочку-брошь.

– Отменная вещь. Стрекозы и бабочки – два главных символа модерна. Насколько я знаю, бабочки символизировали женскую душу. Но, боюсь, сегодня у вас есть соперница, – он улыбнулся, приглашая Катю взглядом налево.

У обитой темно-синим шелком стены стояла молодая огненноволосая дама в маленьком черном платье. На ее шее висел заключенный в нарочито простую оправу неприлично огромный бриллиант размером с голубиное яйцо. На придерживающей раскрытый каталог правой руке сиял перстень с бриллиантом цвета утренней зари. Но больше всего Катю пленили ее серьги – 15-каратные бриллианты чистой воды.

До сих пор Катерина не увлекалась камнями, интересуясь сугубо магическим мастерством ювелирной работы. Но сережки огненной дамы произвели на нее странное воздействие. Рыжая стояла в профиль, и в данный момент Дображанская видела лишь одну серьгу – прозрачный сверкающий камень. Он смотрел прямо на Катю, как обращенный к ней глаз живого существа. И этого проникновенного взгляда было достаточно, чтобы понять: она влюбилась!

² О знакомстве Кати с Великой княжной читайте в книге «Киевские ведьмы. Рецепт Мастера».

Получить их... Причем сейчас и немедленно! Купить за любую сумму, отдать за них все, что есть. Желание было слепящим, как вспышка света, острым как желудочный спазм, – неуправляемым.

– Кто она? – хрипло осведомилась Катерина Михайловна. Ей казалось: она знает всех богатых людей страны и их жен. Но, видимо, она ошибалась. Один розовый бриллиант на руке незнакомки тянул на миллионы.

– Виктория Сюрская. Человек мира, – представил хозяин. – Известная художница. Большую часть времени живет за рубежом. Ее картины покупают в Европе, в Америке... Несомненно, что-то в них есть. Возможно, она даже гений... А в промежутках между занятием живописью Виктория меняет богатых мужей и бриллианты. Познакомить вас?

– Нет, – преодолела соблазн Катерина.

Медноголовая дама повернула голову, и Катя заметила, что бриллианты в ее серьгах отличаются по размеру: второй пусть и малозаметно, но все-таки меньше.

– Простите, не буду мешать вам заниматься другими гостями.

Сунув каталог в сумку, Дображанская подошла к небольшому застекленному стенду, демонстрирующему коллекцию черно-белых дореволюционных открыток с полотнами Вильгельма Котарбинского. Она не лгала: живопись, в том числе и эпохи модерн, не была ее профилем. И, выбирая подарок, Дображанская еще не приняла окончательного решения.

– Если хотите знать мое мнение, – послышался презрительный мужской голос сзади, – Котарбинский – это Врубель для бедных.

Голос презрительного был Катерине знаком: на позапрошлом аукционе она увела у его обладателя, генерального директора банка, кофейный сервиз семьи Романовых.

– Взгляните, вроде бы все то же самое... Но Михаил Врубель был гением, а Вильгельм Котарбинский – нет.

И, поразмыслив, Катерина согласится со своим неудачливым соперником. Разглядывая большеглазых Вильгельмовых девушек, муз, души цветов и русалок, она невольно вспоминала врубелевских див: Музу, Сирень, Царевну-лебедь. Фантастические темы, волновавшие их, были похожи, и девушки были порой так похожи, что какую-нибудь не самую яркую работу Врубеля не знатоку можно было легко перепутать с сюжетом Котарбинского. И все же...

Черно-белая открытка, изображавшая двух девушек-стрекоз с тонкими крылышками за спиной. Дева-волна, лобзующая труп утопленника. Разбившийся о землю мертвый ангел и обезглавленная красавица, прекрасная голова которой висела у нее на руке, словно жутковатая сумочка... Котарбинский был, несомненно, талантлив. Но в том, верно, и разница между талантом и гением. Даже если твой гений, как гений Врубеля, засасывает душу в темную бездну.

Вот и еще вопрос: приятно ли Маше напоминание о Врубеле? Понравится ли ей такой печальный подарок? Или кар-

тина Котарбинского напомнит ей лишь о любимом Владимирском соборе?

– Впрочем, Вадим Вадимович может не беспокоиться, – продолжил презрительный директор за Катиной спиной. – Я точно знаю, кто это купит. Тот, кто подбирает весь мусор... если он в стиле модерн.

Неудачливый соперник стоял слишком близко, чтоб не понимать: Дображанская слышит его. И его слова повернули ее мысли иную сторону:

«Любопытно... Он пытается унижить меня из-за прошлой обиды? Или унижить лот с дальним прицелом – чтобы купить “мусор в стиле модерн” самому?»

– А сейчас два долгожданных лота, – объявил ведущий аукциона – облаченный в черный смокинг театральный артист с сединами «благородного отца», – Вильгельм Котарбинский – один из ярчайших символистов модерна, – почти слово в слово продублировал он определение хозяина. – Поляк по происхождению. Окончил художественную Академию в Риме. Жил в Киеве. Участвовал в росписи Владимирского собора. Особенно высоко искусствоведы оцени-

вают его шестикрылых серафимов на хорах. Вместе с Павлом Сведомским написал «Суд Пилата», «Тайную вечерю», «Распятие», «Въезд Господень в Иерусалим». Работы художника хранятся в Национальном музее в Варшаве, Третьяковской галерее, киевском музее Русского искусства. Однако, – «благородный отец от искусств» сменил темпоритм, и его голос стал интригующе томным, – особой популярностью у публики Серебряного века пользовались его работы иного плана – полные магии, символов и фантастических видений. Отпечатанные в киевском издательстве «Рассвет» почтовые карточки с изображением мистических сепий Котарбинского летали по всей Империи. Коллекционеры открыток с его работами знают, что он часто переписывал один и тот же любимейший сюжет много раз, меняя лишь отдельные детали...

– Занимался самоплагиатом, – шепнул своей спутнице Катин соперник – и непосредственно на аукционе генеральный директор банка сел прямо позади Дображанской.

Помимо его дамы, Катерины, рыжей художницы и двух дочек богатых пап, женщин в зале не было – только мужчины. Все держали в руках круглые таблички с номерами.

– Вильгельм Котарбинский был чрезвычайно плодовит, – продолжал «благородный» ведущий, – рисовал много и быстро. Потому точное количество созданных им работ неизвестно до сих пор. Киев постоянно открывает нам новые и новые чудные находки... С тем большим удовольстви-

ем я представляю вам две никому не известные «жемчужины», найденные в городе совсем недавно. Лот № 22. Вариация на тему сюжета «В тихую ночь», начало XX века, бумага на картоне.

Милая девушка в черной юбке и белой блузе вынесла и поставила на возвышение небольшое полотно размером 34×68. Одновременно изображение появилось на киноэкране над головою ведущего. Катерина перевела взгляд на каталог аукциона.

Здесь новоявленная и неизвестная ранее работа «В тихую ночь» была опубликована рядом с известной – растиражированной в виде дореволюционной открытки издательства «Рассвет», Киев. Разница между двумя «ночами» была небольшой. И та и другая представляли собой синее звездное небо над туманным озером. Из водного тумана выплывала облаченная в длинную светлую рубаху дева-душа. Ее принимал в объятия спустившийся с неба темнокудрый ангел. Профиль девы был обращен к нему. Губы ангела касались ее бледного чистого лба.

Но на открытке левая рука девушки плетью свисала вниз, в то время как выставленный на продажу шедевр представлял туманную деву в другой позе – рука красавицы обнимала ангела за шею.

На строгий вкус Катерины Михайловны сюжет был нестерпимо слащавым, и она перевернула страницу, чтобы взглянуть на следующий лот – № 23. Вариация на тему «Дух

Бездны».

Здесь все было наоборот. Ангел был женщиной с огромными черными крыльями, с обращенным анфас страшным и прекрасным лицом – с суровым ртом и большими застывшими глазами. Прижимая к себе полумертвого от страха мужчину, Черный Ангел тянул его вниз – в черную расщелину скал. И что-то в этом сюжете зацепило Катю – первобытная сила, неподдельная вопиющая боль, кричащий ужас и страх. Черный Ангел понравился ей много больше – как работа он был неизмеримо сильнее. Но Маше, влюбленной в темно-волосых серафимов Владимирского, несомненно, подходил столь похожий на них Ангел Белый.

Тем временем аукцион начался.

– Начальная цена тысяча долларов, – оповестил ведущий. – Кто даст тысячу?

Блондинка в первом ряду быстро подняла номер – судя по возбужденному выражению ее лица раздражавшая Катю душевно-ангельская сентиментальность «Тихой ночи» казалась ей воплощением высшего искусства, а розовое платье девы-души было точно такого же цвета, как шторы в ее спальне.

– Тысяча! – радостно подхватил ведущий. – Следующий шаг – тысяча сто, – надбавил он положенные десять процентов. – Кто его сделает? О, вот и тысяча сто...

Огненноволосая дама с голубым бриллиантом на шее махнула номером. Серьга сверкнула... И Катя забыла про торг

– забыла, зачем пришла сюда, забыла о празднике Маши, забыла даже о том, что этот бриллиант не ее. Алмазная се-режка смотрела на Катю, маня ее дивной чистотой родника. Взгляд бриллианта был таким пристальным, что Дображанская растворилась в нем, – камень словно оказывал на нее гипнотическое воздействие... Она очнулась только тогда, когда ведущий воскликнул:

– Двадцать пять тысяч. Кто даст больше? Следующий шаг – двадцать семь тысяч пятьсот. Вижу двадцать семь тысяч пятьсот!

Блондинка не сдавалась. Рыжая – тоже. Имелись и другие соперники. Одни демонстративно тянули руку вверх, иные, желавшие сохранить инкогнито до финала торгов, делали лишь еле заметное движение, видимое одному ведущему, и Катерина не могла понять, с кем еще она ведет торг. Но ей стало заранее жалко потраченных денег.

– Следующий шаг – тридцать тысяч...

Кто б мог подумать, что «самоплагиат» и «мусор в стиле модерн» будет иметь такой спрос?

– Вижу... Тридцать тысяч! – сказал ведущий, ответив тем самым на заданный ею вопрос. Он смотрел прямо за спину Дображанской, туда, где сидел ее соперник – директор банка.

«И ты, Брут?..» – мысленно вздохнула она и качнула своим номером.

– Тридцать три... – седовласый ведущий аукциона не смог сдержать излишне жгучего взгляда на красивую Катю. И в

который раз ее красота немедленно вышла ей боком.

Стоило седовласому выдать ее, сидевший перед Дображанской долговязый и худой бизнесмен, известный взрывным, неуправляемым нравом, быстро обернулся к ней и прошептал:

– Кончай! А то посажу... Поняла?

От неожиданности Катя моргнула. Приняв моргание за знак согласия, тот удовлетворенно вернулся в исходную позицию.

«Он что, угрожает мне? – к щекам Дображанской прилила кровь. – Мне, Киевице?»

– Тридцать шесть, – отреагировал ведущий на движение блондинки. – Сорок тысяч, – его взгляд опять полетел за спину Дображанской. – Сорок четыре, – взгляд переместился вперед.

Рыжая художница уже отпала. Но Кате надоело ждать – решительно сбросив с себя остатки бриллиантового гипноза, хранительница Города встала и крикнула, нарушая все правила.

– Шестьдесят! Есть желающие дать больше? – рука Дображанской, украшенная кольцом с подавляющим волю алмазным цветком одолень-травы, подняла номер.

Возразить ей не смог никто. Со всех сторон на Катю полетели лишь недовольные взоры, гримасы и возмущенное шиканье. Блондинка в первом ряду полоснула ее обозленным взглядом, не скрывая обиды за угнанную картину, которую

она уже никогда не повесит в своей розовой спальне. Сопровождавшая ее не участвовавшая в аукционе шатенка присо-вокупила неприкрытую ненависть – за изумительно красивую Катину внешность, которой не будет обладать никогда. Рыжая художница тоже посмотрела на Катерину Михайловну, быстро, но пристально, – и даже не на нее, а на брошь, кивнула, словно по одной эмалевой бабочке в стиле модерн определила всю Катину суть – и отвернулась.

Видимо, получив знак от хозяина, ведущий провозгласил:
– Шестьдесят тысяч – раз...

Взрывоопасный бизнесмен развернулся к Кате всем телом. Его глаза кипели, тонкие губы змеились. Внезапно он издал краткий невразумительный вскрик, порезавшись о ее взгляд... В прямом смысле слова – по щеке мужчины потекла быстрая кровь. Порез был коротким, но глубоким, горячим. Кровь скользнула на белый воротник рубашки, поползла по груди. Мазнув рукой по щеке, бизнесмен ошарашенно посмотрел на свою ладонь.

– Вы порезались, – сухо сказала Катя, не сводя с него ставших бездонными глаз. – Нужно быть осторожней. Так ведь можно случайно порезать и горло.

«Кто ты????!!! – прочитала она ответный обезумевший взгляд, рука мужчины схватилась за шею. – ...Ведьма!»

«А вы не знали?» – ответила взглядом ведьма.

– Пустите. Я порезался... запонкой, – быстро сказал он соседу и спешно вышел из зала.

– Шестьдесят тысяч – три! Продано!.. – элегантно стукнул молоточком «благородный отец» и одарил Катю благосклонной «отеческой» улыбкой. – Екатерине Михайловне Дображанской.

Катя, в свою очередь, тоже обернулась, взглянуть на вновь поверженного соперника – швырнула генеральному директору банка прямой насмешливый взгляд. Тот едва сдержал спазм, и она поняла, что в кармане у него покоилось ровно тридцать тысяч, но она вновь смешала ему все карты.

Внезапно в сердце у Дображанской опять закололо. По коже помчался озноб. Тело бросило в жар, кожа стала огненной.

«Что со мной? Я словно заболеваю?»

– Лот № 23, – бодро заявил ведущий, глядя на Катю так, точно стал ее персональным гидом по миру искусства. – Вариация на тему «Дух Бездны», начало XX века, бумага на картоне, соус. Вариант работы был опубликован в книге...

Черный Ангел с бездонными глазами-пропастями появился на экране ноутбука Акнир. Дашины глаза округлились, ресницы захлопали, пухлый нос зачесался:

– Ух ты!.. Как, по-твоему, за сколько Катя купит его?

– Хочешь перекупить? – смекнула Помощница Главы Киевских ведьм.

– Ну, есть в нем что-то... Правда? Такое... страшное. А тебе не кажется, что Дух Бездны на Катю похож?

– Совсем не похож, – не согласилась Акнир. – Разве что взглядом. Иногда у нее бывает такой.

– Но на кого-то он точно похож! Я буквально только что видела этого человека, – нетерпеливо заерзала Чуб. – Может, там, на аукционе? – Даша приблизила нос к экрану, рассматривая избранную – платежеспособную публику.

– Начальная цена – тысяча долларов, – сказал ведущий. – И я уже вижу тысячу...

Известный коллекционер в нарочито непрезентабельном свитере сделал знак, подмеченный только «благородным отцом» аукциона и камерой.

– Вижу тысячу сто... – сказал ведущий.

Катин соперник вступил в игру. Блондинка и рыжая остались неподвижны: для первой сюжет был слишком не розов и слишком жесток, вторая – по иным, ей одной известным причинам.

В мгновение ока сумма выросла как на дрожжах.

– Десять тысяч... Одиннадцать... Двенадцать... – едва успевал выкрикивать ведущий. Его взгляд метался меж нескольких горячих точек – ни коллекционер, ни генеральный директор банка не собирались сдаваться. Нашлись и

другие желающие.

– Двадцать тысяч... Двадцать две...

Когда сумма перевалила за сорок штук, Катерина подумала, что, рассчитывая финансовые возможности своего соперника сзади, не учла одного – его хорошего вкуса. Очевидно, он просто не желал расставаться с деньгами ради сладкого ангела. Сейчас же, когда речь шла о стоящей вещи, он не скупился.

– Тридцать шесть... Нет, уже сорок... Сорок четыре... – немолодой ведущий запыхался, так быстро ему приходилось говорить... – Сорок восемь. Пятьдесят.

Ангел Бездны притягивал не одну только Дашу – в дивной скорости этих торгов зазвенела настоящая страсть.

– Пятьдесят пять... Шестьдесят!

Зал затаил дыхание – бой за лот напоминал поединок на ринге, в каждой новой названной сумме звенела сила удара, и каждый мечтал убить новой ставкой соперника.

Катя услышала позади себя участившееся дыхание директора банка. Ощутила на шее его горячий взгляд... И вдруг угадала: это не страсть – это месть. Мечь Кате, – ее соперник специально набивает цену, чтобы она купила лот по наивысшей цене. Не сомневаясь: та, кто «собирает весь мусор, если он в стиле модерн», все равно его купит!

«Ошибаешься, – равнодушно подумала Катя. – Я не собираюсь его покупать».

– Ну, купи, пожалуйста, купи ее! – взмолилась Чуб по дру-

гую сторону экрана. – А потом я как-нибудь накоплю и отдам.

– Шестьдесят шесть, – сказал ведущий. – Семьдесят!

– Сволочь, – эмоционально воскликнула Даша. – Где я вам семьдесят тысяч достану?.. Можешь превратить его в лягушку? – повернулась она к Акнир. – Почему я должна платить столько?

– А почему в лягушку?

– Устроим твоей Матильде личную жизнь. Двойная польза!

– Прости, но я свою Матильду за кого попало не выдам... – Акнир похлопала по стене аквариума с белой подружкой.

– Восемьдесят. Восемьдесят восемь. Девяносто пять. Сто! – крикнул ведущий. – Сто тысяч – раз... Сто тысяч – два...

Коллекционер сдался последним. Прочие – сдали позиции еще на шестидесяти. Вдохновенно злое лицо соперника Кати увеличил экран. И едва ведущий выкрикнул «Сто тысяч – три!» – в его взгляде впервые пропечаталась не только злость, но и страх.

– Продано! – произнес ведущий. – Анатолию Николаевичу Томину.

– Как продано? – дезориентировалась Чуб. – А Катя чё?.. Не купила?

– Нет, – сказала Акнир.

– Почему?

– Как я понимаю, она покупала подарок Маше. Сама она не поклонница Котарбинского.

– Но ведь вторая картина лучше! Она мне больше понравилась!.. – расстройству Даши не было предела.

– Но ведь это подарок не тебе, – резонно заметила дочь Киевицы.

Словно желая попрощаться с Землетрясной, «Дух Бездны» появился на экране вместе с круглой ценой.

– Стой! Сделай стоп-кадр... Скопируй картинку! – заорала вдруг Чуб.

Акнир ударила по клавише. Черный Ангел замер на экране. Землетрясная проворно развернула газету «Неизвестный Киев».

– Я знаю, на кого он похож, – с облегчением человека, наконец разгадавшего ненужную, но прилипшую как репейник загадку огласила она. – Посмотри!

Акнир поглядела на указательный палец Чуб, уткнувшийся в газетное фото под заголовком «Помогите найти» – красивую, темноволосую, большеглазую девушку с застывшим взглядом и суровым ртом. Затем перевела взгляд на пойманную монитором картинку.

– Дочь бизнесмена, которая спяну убила отца! Скажи, что она похожа на Черного Ангела? – попросила Даша.

– Она не просто похожа, – сказала Акнир. – Похоже, что это она!

Выходя из обитого темно-синим атласом зала, Добжанская бросила на поверженного соперника сожалеющий взгляд – воинствующая, неискоренимая и саморазрушительная глупость людей вызвала у старшей из трех Киевиц в последнее время неподдельную грусть о несовершенстве мира. В бездну директор банка вверг себя сам – и теперь застыл в кресле, будто купленный им «Дух» с лицом Горгоны обратил его в камень. Если в наличии у него имелось всего тридцать штук, откуда взять еще семьдесят – представлялось большим вопросом.

Но намного сильнее Катерину беспокоила собственная внезапно обретенная способность. Обладать острым взглядом, острым без всяких фигур речи – слишком опасное свойство, особенно если ты не знаешь, как им управлять. Еще во время аукциона Катя отправила sms своему водителю с просьбой срочно привезти ей очки с затемненными стеклами, хотя и не знала еще: спасет ли кого-нибудь их темнота.

– Всегда рады видеть вас, – задержал ее хозяин Аукционного Дома. – Признаюсь, сегодня вы удивили меня.

– Простите, что нарушила правила, – принесла свои изви-

нения Катя.

– Я не был удивлен. Но не сомневаюсь, что это больше не повторится, не так ли?

Ее тоже не удивила его снисходительность – Вадим Вадимович давно намеревался влюбиться в Екатерину Михайловну, прекрасную, как столь любимые им великие произведения искусства.

– Но, признаюсь, я был уверен, что вы предпочтете Небу Бездну, – сказал он, смягчая высокопарность улыбкой. – Предпочтете не белого, а черного ангела. Или приобретете обе картины.

– Последнее было бы для вас предпочтительней, – усмехнулась Дображанская.

– Я не ожидал таких горячих торгов. Не думал, что Вильгельм Котарбинский вызовет подобный ажиотаж... Имя известное, но только любителям. Скажу по секрету, в старой киевской семье, где я нашел его сепии, хранилось не две, а три работы художника. Но с третьей владельцы не пожела-ли расстаться. И я понимаю их. Это магическая, ирреальная вещь. Она так и называется – «Тайна». Однако теперь, когда члены семьи получают такую серьезную прибыль, я полагаю, «Тайна» станет гвоздем нашего следующего аукциона. Если, конечно, они эту прибыль получают, – хозяин озабоченно покосился на Катиного соперника. – Всегда, всегда жду вас в нашем Доме, – послал он Екатерине последний галантный кивок. – Не обязательно ждать аукциона, заходите почаще...

– Непременно зайду.

Дображанская вышла на улицу в смешанных чувствах. Сердце снова кольнуло. Неприятно. В остальном – она и сама не могла понять причин крайнего своего беспокойства. Ей страшно смотреть на людей? Жалко соперника или все-таки денег? Или жалко, что пришлось купить худшую картину вместо лучшей? Потому ее так растревожило упоминанье о третьей работе – возможно, она могла примирить Катин вкус и Машину любовь к серафимам... Стоило расспросить поподробней? Может, вернуться назад?

Ветер поднял желтые листья с земли и закружил их воронкой – она походила на Катино кружение чувств. Среди летящих листьев блеснула брошенная кем-то конфетная бумажка. Сердце пронзило иглой, и вместе с болью пришло понимание:

«Дело не в этом. Дело в серьгах художницы. Я хочу их купить! Но не могу. Потому пытаюсь соврать себе, что не хочу... чтоб не думать о них!»

Как и огненной даме, оценившей Катину брошь, Дображанской хватило и взгляда, чтоб понять: человек мира Виктория Сюрская такая же, как и она, фанатка, влюбленная в свои украшения, и просить ее продать их – бессмысленней, чем выпрашивать душу. Не исключено, что с душой она рассталась бы намного быстрее, если, конечно, у любительницы сменных мужей и бриллиантов еще осталась в наличии душа.

Катя точно нащупала причину печали – напряжение сме-

нила тоска, а перед взором всплыло ухо заезжей миллионерши – сережка, глядевшая на Катю живым человеческим зрачком. Чистейший бриллиант словно строил ей глазки... Если эта Виктория Сюрская не продаст их ей!..

У Кати возникло бесконтрольное желание пойти и перерезать художнице горло. Забрать серьги силой... Призвать Силу Киевиц! Неодолимость желания испугала ее саму. Откуда такая кровожадность? Что происходит?..

«Даша в чем-то права, я схожу с ума на почве драгоценностей. Это сродни наркомании. Но я хочу эти серьги! Я хочу их!» – по-видимому, она произнесла это вслух – и сразу услышала:

– Опять драгоценности? И как ты еще не разорилась?..

У ее черного вольво стояли Даша Чуб и Акнир.

– Что вы здесь делаете? – Катя вдруг страшно обозлилась на Дашин балаболистый и излишне острый язык.

– Ой, – вздрогнула та. – Я язык прикусила... Так больно... До крови...

У Кати потемнело в глазах. Она испуганно наклонилась к машине – высколенный шофер Гена мгновенно опустил стекло и протянул ей очки.

– А это чё за маскировка еще? – не уразумела Землепотрясная Даша.

– Глаза болят, – мрачно сказала Катерина Михайловна.

– О'кей, – Чуб достала из кармана газету. – Помнишь вот это?

– Ты все еще носишься с этой гадостью? – буркнула Катя. – А вот от тебя, Акнирам, я не ожидала подобного, – пожурила Дображанская дочь Киевицы.

Но Акнир показала себя настоящей подругой – склонилась низко и произнесла нараспев:

– Как любая из Трех, Ясная Пани Дарья всегда может рассчитывать на мою поддержку и помощь, ибо кто я, чтоб сомневаться в выборе Города, который выбрал ее так же, как и вас, – сказала она и, поклонившись еще ниже, быстро взглянув на Дашу, подмигнула ей правым, невидимым Кате глазом.

Дображанская самоиронично дернула ртом. (Вот она высшая школа Киевиц – проявить подобострастие и тем самым поставить оппонента на место!) Жест Акнир произвел впечатление – как бы она ни относилась к Чуб, та была равной ей, одной из Трех, и презирать ее означало презирать выбор Города.

– Дай сюда, – Даша вырвала каталог аукциона из Катиных рук и поспешно открыла на «Духе Бездны». – Смотри! – приложила она картину к газетному фото. – Видишь?! Одно лицо.

– Да. И кто она? – равнодушно спросила Катя.

– Землепотрясный вопрос, – хмыкнула Чуб. – И ответ написан тут же... Дух Бездны!

– Не смей меня, – с презреньем отвергла «бездну» Катерина Михайловна. – Я знаю массу людей, похожих на старые

картины. Два года назад у меня работала секретарша, похожая на «Всадницу» Брюллова. Она так гордилась этим, что даже повесила репродукцию у себя над рабочим столом... А еще больше я знаю людей, похожих на собственных бабушек, прабабушек, дедушек. Может, Котарбинский встретил ее пращурку и написал «Духа Бездны» с нее.

– Может, – согласилась Акнир. – А может, и нет. Любую версию стоит проверить.

– Проверяйте.

– Рада, что вы одобряете наши действия. Как Помощница Главы Киевских ведьм я позвонила одной из наших в прокуратуру.

– Одна из наших ведьм работает в прокуратуре? – заинтересовалась феноменом Катерина Михайловна. – Вот это уже любопытно.

– Кому же еще там работать? – пожала плечами Акнир. – Она согласилась разузнать о деле убитого бизнесмена все, что возможно, и сообщить нам.

– Когда сообщит, расскажите мне, – Дображанская шагнула к машине. Акнир опередила ее и предупредительно открыла пред старшей из Киевиц дверь рядом с шофером.

– Рассказываю. Уже пятнадцать минут она ждет нас в кафе на Богдана Хмельницкого.

И тут Катя почувствовала, что в ее сердце окончательно вошла стальная игла.

Глава третья

Некромант

...все в доме было готово к приему гостей. Успешный бизнесмен Николай Иванов (все имена и фамилии изменены) собирался отметить восемнадцатый день рождения любимой дочери Веры. Но торжество обернулось трагедией. Помимо отца в квартире был жених девушки (их свадьба должна была состояться через неделю). Мать уехала за подарком. Каков же был ужас женщины, когда, вернувшись, она застала дома полицию и увидела на полу бездыханного супруга с огромным ножом в груди.

По показаниям жениха, за два часа до прихода гостей отец обнаружил дочь в своей комнате совершенно пьяной. Он пытался уговорить Веру взять себя в руки, принять душ, привести себя в порядок, и позвал жениха на помощь. Девушка отвечала им пьяной руганью и оскорблениями. Ругательства были такими непристойными, что, всплыв, родитель дал ей пощечину. В ответ именинница схватила со стола с фруктами нож и вонзила в грудь отца.

Все произошло так внезапно и быстро, что в первый миг никто ничего не понял. Отец только успел сказать: «Вера, зачем?..» – и упал на пол. Жених бросился к нему – пульса не было.

Несколько секунд девушка стояла как пораженная громом, затем крикнула: «Я не хотела!» – и выбежала из дома. По свидетельству слуг, убегая, она успела прихватить свою сумку, в которой лежал ее паспорт, телефон и некото-

рая сумма денег.

В тот же вечер овдовевшая мать убийцы получила sms: «Прости. Хотя меня невозможно простить. Не ищи меня. Не знаю, смогу ли я после этого жить». Жених тоже получил послание: «Прости. Ищи себе другую. Я исчезаю навсегда»...

– Вот! – Даша отложила газету.

– Бульварный роман! И до чего мерзкий стиль, – скривилась Глава Киевских ведьм Василиса Андреевна.

Она привычно передернула плечами, одним движением возвращая в стойло бюстгальтера свой впечатляющий и непокорный бюст то ли пятого, то ли шестого размера.

При взгляде на нее и Землепотрясую Чуб невольно возникла мысль о дуэли декольте – притом, большая, крупнокоблиберная, Василиса Андреевна, презиравшая блеклые цвета, восседавшая в ярко-красном расстегнутом полупальто и зеленом платье с глубоким вырезом, брала верх и в глубине, и в ширине, и в объемах, и на ее фоне Даша испытывала непривычное чувство – ощущала себя скромной и несколько блеклой.

– Скажите, тут есть хоть слово правды? – обратилась к прокурорской ведьме Василиса Андреевна.

– Практически все слова здесь правдивы. Но не все упомянуты – например, нецензурные, – сказала женщина с белыми волосами и стальными глазами. Даша так сразу и прозвала ее про себя «стальная ведьма».

Судя по «высокородным» сергам, костюму, туфлям, она

занимала в прокуратуре неплохой пост. Но кем бы ни был ее официальный начальник, прокурорская ведьма была неприкрыто горда тем, что находится в окружении начальниц истинных – двух Киевиц, дочери бывшей властительницы и присоединившейся к ним Главы Киевских ведьм.

И еще Даша заметила: все немногочисленные дневные посетители кондитерской на Хмельницкого то и дело тревожно и нервно поглядывают на их «невинную» дамскую компанию... пятеро ведьм, включая примкнувшую к ним прокурорскую, представляли сильнейший магический круг, и его энергию можно было почувствовать как тепло или холод, голод или приступ удушья.

– Девица была безнадежной. Алкоголь, наркотики, пьянки, разбитые машины, растраниженные родительские деньги, бесконечные истерики. Единственный ребенок в семье. Типичная папина дочка, избалованная им до полного исчезновения личности. Хотя сам он был добрейшим человеком. Содержал два детских дома, притом не афишировал это. Очень любил детей. Но воспитывать их не умел. Все свидетельские показания – их друзья, знакомые, прислуга в доме – говорят в один голос: его дочка была неуправляемой. Всех ужасает ее финал... Но он никого не удивляет. Вы меня понимаете?

– Нет, – тряхнула головой Даша Чуб. – Убить папу или маму... и не удивиться. Это пипец!

– Но не слишком оригинальный, – сказала прокурорская

ведьма. – Семейная ссора – лидер убийств. Согласно статистике чаще всего нас убивают не враги и преступники, а родные и близкие люди.

– Занимательно, – Катерина, все это время упрямо смотревшая в другую сторону, бросила на прокурорскую взгляд сквозь тьму очков. – Недавно я выяснила, что мои родители были убиты... Но я никогда не подозревала родных.

– Если хотите, мы поговорим с вами об их деле отдельно, – с готовностью предложила ей помощь прокурорская ведьма.

Катя кивнула и снова принялась старательно разглядывать украшенную к осени витрину кафе – нашитые на тюль листья из коричневого и желтого бархата, слегка предвосхищавшие события рыжие тыквы с вырезанными в них глазами, носом и ртом главного персонажа Хэллоуина – старого Джека. Над потолком кофейни парили на нитках кукольные ведьмочки и бабки ёжки.

Василиса Андреевна тоже встревоженно посмотрела в стекло, открывавшее осеннюю улицу, и заметно успокоилась, увидев там солнце.

А Даша подумала, что под строгим костюмом прокурорской, наверное, прячется неприличная татуировка, магическому дизайну которой позавидовали бы все шлюхи в амстердамских борделях. А для свободного от прокурских дел времени в арсенале ведьмы имеются минимум два любовника. Один постарше – для карьеры и опыта. Второй молодой, племенной отборный брюнет без царя в голове – без заморо-

чек и лишних утяжеляющих голову мыслей, способных помешать бесконечным любовным марафонам.

И постановила, что на ближайшем шабаше, встретив прокурорскую нагишом, непременно проверит свои догадки... как минимум на тему тату.

– Прошли уже сутки. Веру до сих пор не нашли? – деловито осведомилась Глава Киевских ведьм, отпив кофе из маленькой чашки.

– И, скорее всего, не найдут, если, конечно, она не решит сдаться сама, – уточнила стальная ведьма. – Не я веду это дело. Но если дело – семейное, а у семьи достаточно денег... Вы меня понимаете? Мать и жених в шоке. Но оба они предпочитают не видеть ее никогда, чем увидеть в тюрьме. Если они и знают, куда она могла деться, они это скрывают. И сделают все, чтоб замять дело. Не думаю, что ее будут искать чересчур активно. Преступление раскрыто... А могу я узнать, – осторожно спросила она, – чем оно заинтересовало моих Ясных Пани? Если вы хотя бы намекнете мне о своих подозрениях, мне будет легче помочь вам.

– А что-нибудь в этом деле... или в этой семье показалось вам подозрительным? – сказала Василиса Андреевна.

– На первый взгляд нет. Я принесла все материалы, – ведьма из прокуратуры подвинула лежащую на столе папку, открыла ее. Сверху на документах лежало несколько снимков. – Фотографии можете тоже оставить себе. Это копии. Я успела отпечатать для вас, – она пыталась произвести впе-

чатление своей исполнительностью, скрупулезностью, скоростью. Но, к несчастью, все ее прекрасные качества выявились бесполезными. На основании всего вышесказанного нельзя было сделать ни разумного, ни даже безумного вывода.

Катерина взяла верхнее фото: то самое, опубликованное в газете, но более четкое. Неодобрительно хмыкнула. Сходство Веры с Духом Бездны стало еще очевидней. Но оттого попытка построить версию на одном только сходстве не стала казаться ей более разумной затеей, и сразу же после ухода прокурорской ведьмы Дображанская намеревалась спросить Чуб: «Ну, все? Теперь ты убедилась?».

– Вот ответ на ваш вопрос, – Акнир достала из сумки каталог аукциона и положила репродукцию рядом с фотографией.

Как ни странно, «Дух» произвел на прокурорскую ведьму такое впечатление, точно перед нею и впрямь открылись врата бездны и трехголовые церберы разинули свои рты и дохнули трупным запахом задушенных ими грешников...

– О-о-о, теперь мне понятно!.. – восторженно прошептала она. – Я и не знала, что мои Ясные Пани обладают даром ясного видения.

Ведьма быстро взяла из папки еще одно фото и положила на стол. Это был снимок убитого отца с места преступления: немолодой русоволосый мужчина с алой раной в груди и рыжеватыми усами на сером лице лежал на полу в мучитель-

ной и неестественной позе... В той же самой позе, в которой несся в бездну другой человек, нарисованный Котарбинским, – усатый светловолосый мужчина, закабаленный объятиями Черного Ангела.

– Ну и чё? Теперь ты убедилась?! – чересчур гордо провозгласила Чуб, протыкая Катю победительным взглядом. – Это ее отец! Он тоже нарисован! И что ты скажешь теперь? Один человек, похожий на картину, может быть совпадением, но ты часто встречала двух разных людей, похожих на одну картину, нарисованную сто лет назад?!

Дображанская взяла из стопки третье фото – еще не убитый отец с еще не ставшей убийцей дочерью – и приподняла очки.

– Я забыла сказать вам кое-что важное, – проговорила прокурорская ведьма. – Впрочем, это есть в принесенных мной документах, – быстро свела она свой промах на нет. – Вера... на самом деле ее зовут Ирина Ипатина... им не родная дочь! Приемная – ее взяли, когда ей было два года. Нужно узнать, кто ее настоящие родители. Ведь нынче Бабы!.. А Киевица Кылына мертва.

Катя вопросительно подняла бровь. Чуб загодя расширила глаза, готовясь принять в себя очередную чудесную новость. Акнир озаренно приоткрыла рот.

Солнце пропало, словно кто-то сверху взял и выкрутил лампочку.

– Некромант, – выдохнула Глава Киевских ведьм Васили-

са Андреевна. – Давно их не было в Киеве.

Катя подошла к зеркалу в Башне Киевиц, постояла, разглядывая свое отражение, и принялась снимать кольца, будто они, дарующие магическую власть, мешали ей думать и сосредоточиться.

Дело дочери бизнесмена казалось Дображанской таким же раздражающе мутным, как мир, на который она вынуждена была смотреть теперь сквозь темные очки.

– Я так и знала, так и знала, – взволнованно говорила Василиса Андреевна. – Закат вчера был лиловым, перерезанным красной полосой. Клянусь, только вчера я подумала: скоро в Киев вернется старая беда! А позавчера эта девушка убила отца...

– Вчера и позавчера – несовпадение, – заметила Катя. – В чем вы пытаетесь меня убедить?

– Ни в чем. Ты сама все видела! – Даша сияла как юбилейная гривна.

– Насколько я помню, некроманты – люди, которые вызывают души умерших? – сказала Катя.

– И управляют ими, – надбавила Глава Киевских ведьм. –

Стать некромантом может лишь ведьма или колдун, но отношение к ним и в наших рядах неоднозначное. По многим причинам. Первейшая – они слишком сильны, слишком опасны. Настоящего некроманта нелегко победить. Они повелевают душами мертвых, а те подчиняются своим, а не нашим законам. Иными словами, некромант повелевает теми, единственными, кто совершенно не подчиняется нам! – Глава ведьм посмотрела на Мирослава Красавицкого.

Маша и Мир, слушавшие весь их рассказ вполуха, выглядели сейчас почти неприлично довольными. История про «Духа Бездны» новость почему подействовала на полугодовалого Мишу как колыбельная – раскапризничавшийся было ребенок уснул и теперь умиротворенно посапывал в синей коляске. И это, похоже, волновало его родителей больше всего.

– Взять хоть Мирослава, – продолжила Василиса. – Он – привидение! Он умер. Но остался жив. Он жив, пока жива его любовь к Ясной Пани Марии, и пока он любит ее – совладать с ним не может и сильнейший из нас, не может даже Хозяин. Поскольку никто из нас не в силах заставить его разлюбить Ясную Пани. Но если в Киеве родился некромант...

– Он может заставить Мира разлюбить меня? – рассеянно спросила Маша.

– Не может, – убежденно сказал Красавицкий.

– Не может, – отзеркалила Маша. – Мир – уже часть моей души. Он – это я. Нас не разъединить. А привидение он

– сугубо по собственному желанию. Я могу вернуть его из мертвых за десять минут. Но он ведь не хочет! – привычно пробурчала младшая из Киевиц, обладавшая даром воскрешения.

– Возможно, на Мирослава некромант и не окажет воздействия, – Василиса Андреевна благоразумно не стала заострять внимание на собственности одной из Трех Киевиц. – У вас своя особая история. Но сегодня начались Бабы5-да-Деды. В дома слетаются тысячи душ. Эти душечки ничем не защищены... И все они отныне в опасности!

– Из-за одного некроманта? – недоверчиво поджала губы Катерина Михайловна. – Я все равно не понимаю, почему вы решили, что неизвестная пьяная малолетняя убийца отца – некромантка, причем наивысшей пробы? Как это вытекает из сходства двух людей с дореволюционной картиной?

– Во-первых, Ирина – сирота, существо неизвестного происхождения. Во-вторых, родилась накануне Дедов. В третьих, в день совершеннолетия она совершила свое первое убийство, – перечислила признаки Глава Киевских ведьм.

– Не убедили, – упрямо качнула головой Катерина.

– Порез на небе всегда предвещает появление Некроманта – это в-четвертых! Скорее всего, Ирина не подозревала о своем страшном даре. Но он жил в ней, и этим объясняется вся саморазрушительность ее поведения. Жажда была у нее в крови, она не могла бороться с ней, как иные не могут...

– ...побороть желание купить серьги? – предположила Ка-

терина.

– Наверное, – сравнение не показалось Василисе уместным, но говорить об этом старшей из Киевиц она не стала. – Или как вампир неспособен противиться жажде крови. Я понимаю ваши сомнения, Катерина Михайловна, вы просто не знаете, насколько некроманты опасны. Вы думаете, речь идет о невинных развлечениях вроде спиритизма и жалких дилетантах, пытающихся отдавать приказания духам? Но я говорю вам о высшей некромантии! О некромантах, способных взять в плен души мертвых, украсть их из ада или даже из рая. Мы называем таких «коллекционерами». Чаще всего у украденных ими душ есть объединяющий признак: одни предпочитают души убийц, другие – влюбленных, третьи – души политиков или поэтов. Все зависит от вкусов и личных целей.

– А с какой целью можно украсть душу поэта? – заинтриговалась Даша.

– Для вдохновения.

– И любую душу можно поймать? Даже душу Владимира Маяковского?

– На Деды́ можно украсть душу даже у черта, – сказала Глава Киевских ведьм.

– А душу убийцы легко использовать для убийства... – развила мысль Катерина.

– Но Ирина заполучила душу отца, человека, любившего ее. Очевидно, больше всего она ценит души любящих. И

раз уж зашла речь о душечках, – прервала себя саму Василиса, – великодушно простите меня, мои Ясные Пани, но у вас в Башне не горит даже камин. На Бабы5 в доме должен быть разожжен огонь, на который, как мотыльки, слетаются души, а на огне должна кипеть еда, чтобы их накормить. Вы позволите нам с Акнир услужить вам и приготовить для ваших предшественниц подобающий пир?

– Пожалуйста, – с радостью пожаловала позволение Даша.

– Благодарю за честь. Акнирам, разводи огонь. Рецепт № 8.

Помощница Главы Киевских ведьм послушно кивнула и немедленно бросилась выполнять указание – хотя по силе дочь прежней Киевицы Акнир намного превосходила Василису, она всегда вела себя с той подчеркнута уважительно.

– Я помнила, что нынче Деды, – сказала Маша, наконец оторвавшись от созерцания спящего сына, – но не знала, что к нам в гости явятся все Киевицы, которые были до нас, – Ковалева взглянула на Акнир. – И твоя мама тоже придет?

– Я не жду ее, – ответила дочь Киевицы, продолжая сооружать дровяной «домик» в камине.

– А помимо Ясных Пани к вам могу пожаловать и все ваши предки, – поведала Василиса.

– И мои родители? – игла в Катином сердце заныла. Она бездумно сняла очки. Пожалуй, следовало рассказать о проклятой стальной занозе и обретенной остроте взгляда присутствующим, но разобрать окруживший ворох событий и

без того было трудно. – Мои мама и папа... Они тоже придут сюда? Я смогу их увидеть? Смогу узнать, кто их убил?..

– А отец Миши... он появится здесь? – с заминкой спросила Маша. И всем, включая неодушевленные предметы в комнате, стало понятно, что она стеснялась задать этот вопрос из-за Мира. – Ведь он его предок.

– Мы никогда не знаем, кто именно почитит нас визитом, – дипломатично сказала Глава Киевских ведьм. – Потому в такие дни мы ждем всех.

– А я знаю, как их увидеть! – встряла Чуб. – Мне Акнир рассказала. Чтоб узнать, пришел ли покойник в гости, нужно сесть на печь и смотреть на дверь через лошадиный хомут. Или выйти на улицу и посмотреть в дом сквозь замочную скважину или через окно. И, между прочим, нашу толстую Белую Даму люди с улицы видели именно через окно. Я вам говорю, она здесь! И кошки на нее среагировали!..

– Толстая Дама? – озадачилась Василиса Андреевна, успевшая раздвинуть стол и покрыть его домотканой вышитой скатертью, в центре которой она торжественно водрузила расписную ритуальную свердь. – Кто же это мог быть? Вроде бы все Киевицы были достаточно стройными...

Раздался сухой неприятный треск – глиняная свердь в центре стола треснула и развалилась на три равных части.

– Видите! – всколыхнулась Даша. – Это она! И ей не нравится, что ее обзывают толстой. Не понимаю, неужели вы никогда не слышали о привидении Белой Дамы? – требователь-

но спросила Чуб Василису. – Вы должны о ней знать! Вы же преподаете в университете историю!

– И все же на ваш вопрос мне трудно ответить. А кроме того, пора начинать приготовление. Не стоит гневить невниманием Душек. Особенно, если они столь сильны, как души покойных Киевиц. Прошу извинить меня, – собрав осколки сверби, Василиса Андреевна с важным видом удалилась на кухню.

Еще раз убедившись, что ее сын погрузился в сон, Ковалева подошла к тонконогому бюро, где возлежала большая, не слишком удобная для чтения Книга Киевиц, и открыла ее столь легко и привычно, что сразу стало понятно: Маша и книга на короткой ноге, точнее – на короткой руке. Казалось даже, что книга открылась, не дожидаясь прикосновения, как кошка, подстраивающаяся под руку хозяина, страницы с тихим шуршанием сами побежали слева направо, как дети, с хихиканьем уворачивающиеся от щекотки.

Но секунду спустя Книга угомонилась, стала чинной, серьезной и, открывшись на странице с названием «Некромантия», оказалась солидарной с Главой Киевских ведьм, явно пытаясь запугать свою Киевицу:

Ясная Киевица, лучше тебе никогда не встречать Некроманта на своем пути, особенно в дни Уробороса, именуемые Мамки-Деды.

Помни, что мертвые в эти дни сильнее живых и ни одно заклятие нашего мира не подчинит того, кто живет в мире

ином...

Акнир подбросила последнее полено в уже разгоревшийся огонь, встала с колен, отряхнула серебристые леггинсы:

– Вам стоит послушать Васю. Она славится умением гадать на громах и закатах. Я верю ей: в Город вернулись старые беды.

– Старые?

– Моя мать, Киевица Кылына, запретила некромантам входить в Киев. Мама любила людей и считала, что каждый слепой вправе сам выбирать между Небом и Землей, и их души – не игрушки для ведьм. Но теперь ее нет, вы не издавали запрет. А до запрета испокон веков некроманты приходили в Киев на Бабы5-да-Деды. Имеющие третье негласное название – дни ловцов душ. Они шли в Святой Город воровать души монахов и богомольцев...

– Вчера кто-то раскопал на Замковой горе могилу монаха! – громко вскрикнула Даша. – Так в газете написано, – Чуб схватила и подняла над головой полотнище «Неизвестного Киева».

– И вновь нестыковка, – спокойно сказала Катя. – Если ваш новый некромант любит души любящих, при чем тут монах, который умер сто лет назад? Как он мог любить ее?

– А как сто лет назад ее мог нарисовать Котарбинский? – лихо отбила возражение Чуб.

– Похоже, мы знаем точный адрес разгадки – сто лет назад, – улыбнулась Маша. – Но нестыковка все-таки есть, – за-

говорила в ней студентка исторического факультета, пусть и пребывающая в официальном декрете. – Журналисты ошиблись. На Замковой горе не могло быть могилы монаха. Разве только монашки. Флоровский монастырь, которому принадлежало церковное кладбище, – женский. Но там хоронили и обычных гражданских людей: мещан, купцов, профессоров, возможно, художников, которые жили в доме напротив...

– Художников? – полувопросительно-полувосклицательно вскрикнула Даша. – А где во-о-оце похоронен ваш Котарбинский?

– А я хотела бы знать, при чем здесь Котарбинский вообще? – поджала губы Катя. – Не слишком известный художник, умерший в...

– ...1921 году, – сказала всезнающая Маша Ковалева. – В Киеве, – ответила она заодно и на Дашин вопрос. – Его могила должна быть где-то здесь. Я точно не знаю... Даша, ты думаешь, некромант раскопал его могилу на Замковой?

– Она ждала его сотню лет и пришла за ним! – ухнула Чуб. – Я так и вижу эту историю... сто лет назад в Киеве жила некромантка, она любила Котарбинского... но что-то у них не срослось капитально... Случилась трагедия... Она умерла, он умер... Но она возродилась и таки нашла его душу!

– Все. С меня достаточно пустых предположений, – решительно пресекла фэнтезийный поток Катерина. – Я сама схожу к нему в Прошлое только для того, чтоб закрыть этот вопрос. Сегодня мы празднуем день рождения Маши. И ни-

какое рождение нового некроманта нам не помешает! – Дображанская отодвинула один из книжных шкафов, обнажая тайную кладовку, заполненную костюмами разных времен.

Маша Ковалева с некоторой тревогой посмотрела на Катю, уже извлекавшую из фанерной шляпной картонки скромную дорожную шляпу.

«Помни, что мертвые в эти дни сильнее живых и ни одно заклятие нашего мира не подчинит того, кто живет в мире ином...» – зазвучали в ее голове тревожные строчки.

– Осмелюсь заметить, Катерина Михайловна, вам не стоит беспокоиться о смене костюма. Разве что о небольших деталях, – Акнир сняла с полки в кладовой плоскую коробку с перчатками и небольшой продолговатый футляр из потертой коричневой кожи – в нем лежали старинные очки с золочеными дужками и круглыми темными стеклами. И Катя поняла, что дочь Киевицы догадывается, зачем Дображанской понадобилась защита для глаз! – В остальном ваш костюм весьма точно соответствует той эпохе, – сказала она, услужливо набрасывая мантию на Катини плечи. – А в мелких нюансах моды мужчины не разбирались ни тогда, ни сейчас.

– Ты полагаешь? – Катя заглянула в зеркало.

Показалось ли ей, или осколок бриллианта в ее броши стал больше?

Глава четвертая

Художник

Октябрьская осень еще не успела прослыть среди киевлян злой и холодной дамой, и в маленьком золоторотском сквере рядом с Домом Киевиц было много людей.

Небольшая очередь стояла у киоска с горячим кофе. Вокруг небезызвестной панночки с длинной косой собиралась очередная экскурсия. Стекланный ящик для буккроссинга

был закормлен книгами (что случалось с ним не особенно часто), и пару студенток энергично перебирали его сокровища. А у подножия лесенки к памятнику Ярославу Мудрому, больше известному в народе как «Дядя с киевским тортом», пел под гитару немолодой человек:

А в Киеве осень, осень...

Выйдя из дома, Катя прошла мимо них, не замечая всю эту привычную суету, повторяя про себя азы из Википедии:

«Котарбинский Вильгельм Александрович. Жил и умер в Киеве... При жизни считался одним из ведущих символистов Империи... Невзирая на большие гонорары, так и не приобрел собственный дом, на долгие годы поселившись в отеле “Прага”... Незадолго до смерти перебрался в дом своего давнего друга – Эмилии Праховой».

На «давнем друге» крохотный сквер у Золотых ворот был пройден, Катерина Михайловна остановилась у перехода на перекрестке Владимирской и Прорезной. Ее предложение сходить в гости к художнику самой и закрыть вопрос мало чем отличалось от намерения сходить в соседнюю комнату.

От обители Киевиц – стройного розового дома-замка на Ярославовом Валу, 1 до угла Владимирской улицы было примерно 200 шагов, еще столько же – и Катя оказалась у зеленоватого здания № 36 бывшего отеля «Прага», закрытого на бесконечный ремонт.

Второй этаж дома был подпоясан длиннейшим балконом с великолепным черным литым узором. Стекла первого этажа еще хранили память о канувшем в Лету ресторане. Нарисованная на стекле улитка искренне ратовала «за неспешную еду». Реклама – «Ассортимент ограничен лишь вашим аппетитом» – зазывала в совершенно пустое, безлюдное помещение. А столь же пустынная застекленная макушка 6-го этажа вспоминала другой – знаменитейший в прошлом веке ресторан на крыше и пропечатанную в дореволюционных газетах рекламу:

«Тот, кто не любовался панорамой города с террасы отеля “Прага”, – не видел Киева!».

Над запечатанной дверью центрального входа еще держалась надпись «готель», а над ней сияла громадная афиша о продаже старого дома... Но запертая дверь не могла остановить Киевицу – Катя сунула магический ключ в замок и привычно прочитала на входе заклятие именем Города, повелевая: «Дай мне час, который должно узнать». Просить более конкретно не имело смысла: сам Город Киев лучше других знал, какой день и миг из жизни Вильгельма Котарбинского поможет Киевицам решить возникшую загадку.

И на данный момент достойным внимания Катерине Михайловне казался лишь один неразъясненный вопрос: загадочное появление семьи Ипатиных на картине, написанной в прошлом столетии. (Как ни старалась Василиса Андреевна, ей не удалось застращать Старшую из Киевиц некроманта-

ми... Куда больше Катерину пугал ее собственный новоявленный колюще-режущий взгляд!)

Что ж, поглядим... – сказала себе Катерина Михайловная и надела темные очки с круглыми стеклами, не желая искалечить кого-то своим излишне пристальным «поглядом».

Высокие двери мертвого киевского отеля поддались руке Киевицы и, шагнув за порог, Катя узрела совсем другой колленкор: сияющий, натертый до блеска холл одной из перво-разрядных гостиниц старого Киева.

У стен стояли мягкие кресла и столики с огромными пальмами. Пол был натерт до сияющего блеска, и Катя порадовалась, что в ее осени XXI века нет ни дождя, ни луж, иначе, позабыв про галоши, она бы немедленно выдала себя грязным следом.

Судя по огромным, как свадебные торты, шляпкам дам, линиям корсета и высоте талий на облегающих фигуру платьях – здесь царил 1911 год.

Судя по тому, с какой готовностью восседавший в кресле увесистый генерал опустил газету «Киевлянин», а его сосед, по виду богатый фабрикант, принялся подкручивать ус – оба

сходу вынесли вердикт по красавице Кате: «Да за такую миллион отдать не жалко!».

Но Катин взгляд лишь скользнул по ним, как и по раскидистым пальмам и по висевшему в холле объявлению, предлагающему всем гостям «Праги» в «бесплатное пользование театральные бинокли и зонтики от дождя», устремился к лифту... и стал задумчивым

На каком этаже проживает Вильгельм Котарбинский, Википедия даже не подозревала.

Катя направилась к стойке, за которой высился солидного вида усач в щегольском галстуке и белой манишке, чем-то неуловимо напоминающий «благородного отца» с аукциона.

– Я пришла к художнику, Вильгельму Александровичу Котарбинскому, – царственно объявила Катерина Михайловна.

Ее красота, стать, блеск драгоценных камней, как обычно, произвели впечатление – повелитель стойки и множества помеченных медными номеркам ячеек встрепенулся.

– Безмерно счастлив вам услужить. Акимка, проводи барыню к живописцу... да поторопись-ка! – сказал портье с едва заметным иностранным акцентом.

Юркий мальчишка в форме с блестящими пуговицами и тенью щетины, уже наметившейся над его верхней губой, быстро поклонился красивой барыне, вздрогнул, зарделся, повстречавшись с нестерпимо красивым Катиным лицом, и дернул кадыком, пытаясь отогнать наваждение.

«Даже очки не помогают, – отметила Катерина Михайловна. – Лучше бы надела густую вуаль. Нет, в вуали и очках – уже совсем перебор!»

– Соизвольте пройти-с со мной к подъемной машине, – засуетился Акимка,

Следом за Катей и мальчишкой в лифт otis зашла веселая компания – два офицера и три дамы. Катя благоразумно повернулась к ним спиной, дабы избежать очередных армейских комплиментов.

– На крышу! – отдал приказ лифтеру штабс-капитан таким тоном, будто посылал беднягу в атаку, и продолжил, обращаясь уже к своим спутникам: – Это первейший вид на весь город, и сам ресторан недурен... рябчик прелестен! – от штабс-капитана пахло табаком, коньяком, березовым бальзамом Зеегера от выпадения волос и почему-то канифолью.

«Подъемная машина» остановилась. Акимка повел барыню по узкому коридору с одинаковыми белыми дверями в стиле модерн – в каждой из них было небольшое круглое окошко, делавшее отель похожим на огромный корабль... и Катя подумала, что всего через три года красивое и нарядное «судно» «Прага», на борту которого Вильгельм Котарбинский провел свою беззаботную киевскую жизнь, зайдет в темные воды Первой мировой войны, а еще через три – погрузится во мрак революций.

– Вот-с его номер, извольте... прикажете постучать?

– Нет, можешь идти.

Катерина наградила подростка прихваченной монетой царских времен – Акимка взглянул на великодушный дар, но, кажется, даже не оценил ее щедрости.

– Не гневайтесь, барыня, великодушно простите за дерзость, – дрожащим голосом вымолвил он, – но вы самая-самая прекрасная дама, какую я видел и... от того, что вы слепая, вы только еще красивей!

– Слепая? – с облегчением рассмеявшись, Катерина Михайловна сняла очки. – Ступай, ступай, – наказала она Акимке, восхищено уставившемуся на прозревшую барыню.

Он попятился, силясь оторвать от нее взгляд.

Насколько Катя знала, в 1911 году слепые еще не носили темных очков, как не носили их и красивые дамы.

Но своим предположением мальчишка опередил время, точно так же, как и Катя, заявившаяся в темных очках, которые, не без помощи Коко Шанель, войдут в дамский моду только несколько десятилетий спустя...

А, впрочем, кто знает, может, теперь первым дизайнером затемненных дамских очков станет Акимка, навечно сохранивший в душе образ красивой очкарички?

И все же Катерина Михайловна Дображанская сочла нужным переместить очки обратно в футляр, дабы не свести весь визит к Котарбинскому к обсуждению оптических новшеств.

Дверь номера не была заперта. Гостья толкнула ее и оказалась в просторной и светлой комнате посреди заправявшего в ней художественного и антихудожественного беспорядка.

С высокого, зашитого деревом потолка свисали разномастные люстры, по комнате разбежались тонконогие венские стулья, под лавкой у стены пряталась живописная куча творческого мусора: сломанные подрамники, ветошь, обрывки бумаг, коробки из-под спичек и папирос из лавки Соломона Когена, замеченные туда «аккуратным» хозяином. Но все это показалось неважным...

Стоило Дображанской войти, как ее обступили картины Вильгельма Котарбинского, – обступили, перешли в наступление и победили ее сразу. Их было множество, одни стояли на мольбертах, иные прямо на полу у стены, третьи висели под потолком.

Одни были огромны, почти на всю стену, иные – в Катин рост, третьи невелики – но все вместе они производили колоссальное впечатление калейдоскопом фантастических образов. Русалки и мятежные души, мистические и inferнальные дивы, перемешанные с христианскими сюжетами. Насколько художник бесконечно плодовит, было видно по

одной этой комнате-мастерской – больше похожей на музей или выставочный зал...

Возбужденный голос хозяина мастерской долетел из соседней комнаты:

– Вот так, моя милочка... Ах, какая милая головка... Взгляните на меня... Какой взгляд... Какая прелестная меланхолия...

По-видимому, живописец пребывал там сейчас тет-а-тет с какой-то миловидной натурщицей и, помня, что последние позируют не только в одежде, но и без нее, – Катерина решила быть вежливой.

– Вильгельм Александрович... – позвала она. – Простите, что я без стука. Дверь была открыта... Я к вам по делу.

– Ах, какой чудный я слышу голосок... Кто у нас здесь?

Вильгельм Котарбинский немедленно появился на зов. Он был уже немолод, но подтянут, светлоглаз и весьма приятен на вид, с волнистыми белокурыми с сединой волосами, прекрасно прорисованными бровями, небольшой бородкой и мягкими обходительными манерами, мгновенно обволакивающими тебя, словно ласковый теплый гостеприимный плед.

– О! – восторженно встретил он красавицу Катю и машинально поправил свою испачканную краской широкую рабочую блузу. – Рад, очень рад принимать у себя таких восхитительных дам. Я еще не видел на Киеве подобных красавиц... Вы по делу... Как обычно? Портрет?

– Да... Я хотела бы, – Катя отметила, что, поляк по происхождению, Вильгельм Котарбинский путается в единственном и множественном числе, но во всем остальном он произвел на нее самое благоприятное впечатление.

Он походил на человека, взаимно влюбленного в жизнь сразу во всех ее проявлениях!

Перед приходом сюда ей удалось найти в сети очень немного информации о нем, но хватило и того немногого, чтобы понять: Котарбинский был неисправимым романтиком. В юности влюбился в кухню и в живопись. Жениться на первой воспрещала суровая католическая вера, стать живописцем – запретил шляхтич-отец. Тогда юноша просто сбежал из дома в Рим, где вскоре получил звание «Первого Римского рисовальщика». Приехав в Киев, после росписи Владимирского собора он легко и быстро вошел в моду. Рисовал тоже – легко и быстро. Зарабатывал легко и быстро тратил деньги. Все же женился на своей кухне, но легко и быстро разошелся с ней...

И сейчас тоже воспринял Катин визит легко и быстро перешел к делу:

– Чудный свет... Я прошу вас сюда. Я сделаю сейчас небольшой набросок.

Катерина Михайловна послушно встала на указанное художником место. Котарбинский подбежал к одному из мольбертов, сбросил с него незаконченный рисунок прямо на пол, взял чистый лист, схватил карандаш и принялся за ра-

боту.

– Ах, до чего ж вы красивы... Я даже не знаю кто вы: го-плана, царица ночи? Сама красота – Елена Троянская? Клянусь, вот это и есть истинное счастье творца – запечатлеть на бумаге такую диковинную красоту... и такой дивный контраст... – с наслаждением проговорил он.

Головокружительная скорость исполнения заказа изумила Катю – однако, не слишком. Возможно, увидев даму в дорогих украшениях, художник сразу уразумел, что она будет щедрой. А возможно – и даже скорее всего, как и прочие, был сражен наповал красотой темноглазой Катерины Михайловны Дображанской и, как случается с творческими людьми, понесся за новым вдохновением, забыв про прелестницу в соседней комнате. Последняя же наверняка модель, работает за деньги, а значит, будет ждать сколько угодно.

– Придвиньтесь, прошу вас... – сказал он.

– Придвинуться к чему? – спросила Катя.

Художник не ответил на вопрос, увлеченный работой.

– Я никогда не видел таких фантастических дам... Нет...

Таких, как вы, никогда... Только сегодня... Упоительный день, вы не находите?

Катерина невольно обратила взор к тусклому дню за окном – там начал моросить мерзкий и мелкий дождик – трудно было придумать погоду противней. Но Котарбинский был увлечен даже сегодняшним днем.

«Врубель для бедных», – вспомнила определение Катя. – Но в жизни он скорее уж Врубель наоборот...»

Вильгельм Александрович и Михаил Александрович. Оба поляки по крови. Оба выбрали путь живописца, вопреки воле родителей. Оба приехали в Киев расписывать собор по приглашению профессора Прахова. У обоих была несчастная первая любовь... Но Врубель увидел в ней бездну. А для Котарбинского даже печаль стала светлым вдохновением. Оба сошлись с женой профессора Эмилией... Но для первого она стала той самой неразделенной любовью – его собственным ангелом ада, а для второго – ангелом-покровителем, лучшим другом, Вильгельм умер в старости у нее на руках.

Дивный пример, как одни и те же люди и вещи могут стать горем одного и счастьем другого. Как в горе может прятаться страшное счастье, а в счастье – страдание.

Именно способность проваливаться духом в бездонные миры породила гений Врубеля. А творчество Котарбинского оказалось таким же поверхностным или, скорее, парящим – легким, как его нрав.

За исключением разве что одного полотна – Черного Ангела с лицом прекрасного чудища, с глазами, полными темной бездны... Той самой бездны, которой были наполнены взгляды всех персонажей картин Михаила Врубеля.

– Маша, что ты делаешь?! – вскричала Чуб, едва не выпустив из рук принесенный из кухни поднос с ритуальной едой: коливом, запавленным медовой сытой, и горячими пирожками.

С трудом уместившись в узком пространстве, упершись ногами в мраморный портал камина, Маша сидела на каминной полке и напряженно смотрела на дверь через лошадиный хомут.

– Ты чё, хочешь увидеть привидение? – раскусила ее Даша Чуб.

– Ты сказала, кошки на кого-то шипели, – оправдалась Ковалева. – И свербь лопнула. Здесь кто-то есть. Кто-то уже пришел к нам...

– Ты его ждешь? Врубеля, да?

– Не обязательно... – белокожая Маша порозовела до корней рыжих волос.

– Ладно тряндеть! – поставив поднос, Чуб подошла к подруге и помогла той спуститься на пол. – Хочешь увидеть его, так и скажи. Мира ведь нет. И ты тоже, – обратилась она к Акнир, появившейся в дверях с круглым трехногим металлическим горшочком в руках. – Неужели так трудно сказать,

что ты хочешь увидеть покойную маму? Это ж нормально! Зачем шифроваться?

– Хочу, – сухо вато подтвердила дочь бывшей Киевицы.

Акнир поставила горшок с тремя ножками в виде когтистых лап в камин на огонь. Красноватая, похожая на борщ жидкость в горшке забурлила. Из кухни в комнату уже доносились другие невероятные запахи – готовить Василиса была мастерица. Оставалось надеяться, что часть яств, предназначенных мертвым, достанется также и живым.

– Ну и чего было врать? «Я не жду ее, не жду», – передразнила Даша.

– Хочу. Но не жду, – подтвердила Акнир. – Души умерших никогда не приходят без надобности. Либо душечкам плохо на том свете, и они не могут найти там покоя. Либо хотят предупредить, что плохое случится с тобой. И, понятно, я надеюсь, что маме там очень неплохо, а мне будет неплохо жить тут. Но как дочь, конечно, хочу ее снова увидеть...

Ведьма воровато и быстро оглядела круглую комнату Башни, словно спрашивая: «Мама, может, ты все-таки здесь?» – и резко мотнула головой.

– А я приняла сегодня решение, – то ли созналась, то ли повинулась Маша Ковалева. – Я не хочу рассказывать сыну о его настоящем отце, по крайней мере, пока он не вырастет. Но если к нему на Деды будет ежегодно приходиться привидение Врубеля...

– Твое решение – по боку, – поняла Даша Чуб.

– И я не могу винить Врубеля – ведь он придет не ко мне, а к сыну... Ведь там, в Прошлом, его единственный сын Савушка умер. Мне кажется, Врубель хотел бы узнать, что не остался бездетным, что у него есть наследник... Он может почувствовать это и прийти. Или мне все же лучше самой пойти в Прошлое и сказать ему? Но если скажу – должна показать ему сына. А если покажу – должна сказать Мише, что у него есть настоящий отец, и это – не Мир. А если я скажу так, Мир может обидеться, ведь он называет Мишу «мой сын». А если не скажу...

– Мамочки, Маша, какая же ты заморочливая! – возопила Чуб. – Скажи прямо, ты хочешь увидеть Врубеля?

– Нет... Да... Я не знаю. Я хочу, чтобы всем было хорошо! – абсолютно честно сказала та.

– Возможно, Мишин отец и придет, – сказала дочь Киевицы. – Незаконченные дела – одна из самых распространенных причин, по которой душечки не находят успокоения. Вторая – желание предупредить об опасности. Видите, пар, – показала она на кипящий трехногий горшок. – Если однажды он станет красным... – Акнир замолчала.

В Башне образовалось привидение Мира Красавицкого с серой потертой книгой в руках.

– Пришлось позаимствовать ее из Парламентской библиотеки, – со смехом сказал он. – За полдня они вряд ли заметят пропажу. Издана в 1958 году, с тех пор не переиздавалась. Воспоминания сына Эмилии Праховой – единственная

книга³, в которой есть хоть какая-то полная информация о Котарбинском. Как ни странно, о нем почти ничего не известно. Все знают его мистические сюжеты. И почти никто не знает его самого. Я так и не смог узнать ничего о его браке. Хотя история странная... Тут написано, что он женился на собственной кузине, в которую был влюблен всю свою жизнь, привез ее в Киев. Но никто не видел ее лица: она всюду ходила под вуалью. Друзья шутили: мол, эта кузина, наверное, такая страшная, что ее пугаются лошади...

– «Жена моя, красавица, по улицам шатается, извозчики ругаются, что лошади пугаются?» – вопросительно выговорила Маша разудалый куплет.

– Да. Эту песню пел один из братьев Сведомских, когда подшучивал над Вильгельмом, – кивнул Мир. – А откуда ты знаешь?

– Я сама это слышала! – Маша присела в кресло, в задумчивости приложила указательный палец к виску. Поморгала рыжими ресницами, посоветовалась взглядом со своими домашними тапочками и, видимо, пришла с ними к полному согласию во взглядах. – Катя зря сомневалась в Дашиной версии, – сказала она. – Наш Город сам указывает нам на Вильгельма Котарбинского... Сегодня утром я была в Прощом, во Владимирском соборе, – пояснила она. – И из мно-

³ После выхода «Ангела Бездны» в 2012 г. о Вильгельме Котарбинском вышло несколько альбомов. Фрагмент первой полной биографии художника читайте в конце этой книги.

жества возможных историй Киев показал мне лишь эту. Я слышала, как Сведомский назвал жену Котарбинского Черным Духом. Незримым! Он не знал, как еще объяснить, почему она прячет лицо от людей... Он шутил.

– Только нам не до шуток, – сказала Акнир. – Все сходится! Черный Дух...

– Дух Бездны! – вскрикнула Чуб. – Это она... А Котарбинский случайно не похож на зарезанного бизнесмена с усами?

– Ничуть, – Красавицкий предоставил всем опубликованный в книге портрет молодого приятного мужчины с усами, аккуратной бородой и волнистой густой шевелюрой. – Тут сказано, – Мир показал на книгу, – что однажды загадочная жена Котарбинского просто исчезла. Всю оставшуюся жизнь он прожил в Киеве один. Все решили, что их брак не задался и супруга вернулась в Польшу. Но я не смог отыскать никаких сведений о ней. Ни где она жила, ни когда умерла...

– ...до или после их свадьбы, – многозначительно завершила Даша. – А вдруг его невеста изначально была призраком?

– Но, с другой стороны, прятаться под вуалью можно и по вполне реальной причине, – сказала Маша. – Например, ее лицо было изуродовано оспой. А он любил ее в молодости и женился на ней, несмотря ни на что...

– Или у нее просто не было лица! – изрекла Даша Чуб. – Один черный незримый дух. И лишь один Котарбинский знал в лицо Духа Бездны! – окрыленно прибавила Даша. –

Писал его и, возможно, был даже женат на нем...

«Ну, разве эта супруга и впрямь некий незримый дух... Как раз в его вкусе! Влюбиться в привидение – это как раз в духе нашего катара», – вспомнила Маша.

Интересно, почему друзья называли Котарбинского катаром? Ведь катары – еретики. Они считали, что мир разделен на добро и зло. При том весь реальный, материальный мир – это зло, и прекрасен лишь мир бестелесный, духовный.

– Так кто же тогда жена Котарбинского, некромант или призрак? – запуталась Маша.

– Может, призрак некроманта. Не знаю... – Акнир казалась возбужденной. – Василиса рассказала вам не все. Некроманты способны управлять душами мертвых. И не только чужими. Некоторые могут управлять и своей собственной душой после смерти. Потому мертвый некромант иногда опасней живого. Он уже абсолютно не подчиняется нам. И способен подчинить себе любого слепого – любого человека. Причинить ему вред. Убить его. Забрать его тело. Это значит...

– А это что-нибудь значит? – прервал ее Мир, указывая на горящий камин.

Пар над котелком стал розовато-красным. Пару секунд Акнир молчала, затем промолвила:

– Вот вам и первое предупреждение! Кто-то из близких сегодня умрет.

Маша побледнела и бросилась к коляске спящего сына.

– Близкие – не только друзья и родные, – сказала юная ведьма. – Близкие – те, кого мы принимаем близко к сердцу. О ком вы трое думали сейчас, в данный момент? Точнее, полмомента тому... – взыскательно спросила она.

– Я – о Маше, – сказал Мир.

– А я – о Мише, – призналась Маша. – Об обоих. Отце и сыне. И о Мире, конечно, – поспешно добавила она.

– А я – об этой Ирине, – сказала Чуб. – У нее же через неделю свадьба... должна была быть. У нее был жених. Он, бедный, тоже собирался жениться на Духе Бездны, как и Котарбинский!

– Ты думала о ее женихе? – быстро уточнила Акнир. – И я – тоже! – радостно вскрикнула ведьма. – Мы обе... Значит, красный дым в его честь. Ему угрожает опасность!

– Тогда поспешите, – возникшая на пороге Василиса Андреевна держала в руках поднос со множеством сверкающих серебряных кубков. – Помните, что я говорила?.. Первой некромант получила душу отца. И если это не случайная жертва, если больше всего она ценит души любящих, ее второй добычей станет мать, а третьей – жених. Или наоборот. В зависимости от того, кто любил ее больше.

– Так давайте тупо очертим их всех Кругом Киевиц и не будем париться, – Даша посмотрела на пар-предсказатель – вышел хороший каламбур.

– Но у вас мало времени, – прищипорила их Глава Киевских ведьм. – Скоро Киев накроет туман... А вместе с ним

к вам слетятся гости.

– Примерно так? – Мир Красавицкий уже сидел за компьютером, изучая одну из многочисленных интернет-галерей с работами Котарбинского.

На экране пред ним стоял снимок черно-белой дореволюционной открытки. Из забытого, заросшего цветами могильного холмика вылетал чей-то грустный крылатый дух. Возможно, как раз для того, чтоб заглянуть к своим на Деды.

«Интересно, имеют ли бриллианты душу? И если да, какая душа живет в них? Столь же прекрасная, как они сами? Или в каждом бриллианте, словно в окаменевшем бездонном озере, прячется черт? Или сам Дьявол? Иначе как объяснить странную и непреодолимую страсть людей к небольшим сгусткам обычного углерода? Как объяснить, что ради них век за веком люди предают, лгут, убивают? Как объяснить, что я не могу не думать о них?.. Как же мне заполучить эти чертовы серьги?!»

Катерина недовольно повертела затекшей шеей и вернулась в прежнюю позу – быть натурщицей оказалось совсем нелегко.

– Чудесно... чудесно... – Вильгельм Котарбинский с удовольствием посмотрел на сотворенный набросок и принялся самодовольно подкручивать светлый ус. – Признаться, я люблю эти серые дни... В такие дни как никогда понимаешь, что ничего невозможного нет. Все возможно. Все совершенно. И почти все в мире так прекрасно, непознано... И вокруг нас даже не мир, а миры. Просто одни из них видимы, а иные невидимы. Одни – бесконечно велики, а другие – бесконечно малы. И кто знает, возможно, существует другая планетная система, подобная Солнечной, но размером с мизинец моей левой руки. А в этой малой системе планет – тоже есть Земля, на Земле – Киев, в Киеве – Владимирский храм, а в нем сидят, вот в эту минуту, Котарбинский, Сведомский и Васнецов? Мы сидим там сейчас и пишем картины... Ибо все существует в одночасье. Ведь так? – окунул он ее в радостную голубизну своих глаз.

– Вполне возможно, – сказала Катя.

И подумала: «Странными же речами он развлекает заказчиц. Впрочем, не такими уж странными для художника фантастического жанра и романтического склада ума. Ему положено быть странным».

Маша рассказывала: Врубель тоже был странным – мазал нос зеленой краской, бродил по Киеву в ренессансном костюме. Но для Врубеля творчество стало темным провалом, приведшим его в сумасшедший дом. В Котарбинском же больше всего Катю поражало то, как он буквально излу-

чает вокруг себя радость творчества – казалось, из него исходит незримый свет, сделавший неубранную комнату с серым дождем за окном радостно-солнечной.

– Прекрасно. Да, это прекрасно... – он отошел от мольберта на пару шагов, затем взял лист картона и приблизил к глазам. – А вы совсем не похожи на мать.

– Что?! – потрясенно выдохнула Катя. Ее окатило разом и холодом, и жаром. – Вы знали мою мать? Но откуда?.. Когда?..

Ответом был громкий топот. Незапертая дверь распахнулась – в номер влетел мальчишка в картузе и старом, не по росту пиджаке, аккуратно заштопанном на локтях. В углу его рта притаилась память о последней проказе – пятно розоватого варенья. Но в огромных осоловевших глазах уже застыли стеной слезы:

– Вильгельм Александрович... Беда... Беда у нас... – его картуз был великоват, сползал на нос, и малец то и дело поправлял его, вновь и вновь выныривая из-под козырька. – Беда большая... Ася скончалась!!! – отчаянно заголосил прибывший.

– Как же?.. Когда? – руки художника опустились, глаза неуверенно погасли. – Я же только сегодня... нынче утром был... и она... – он вдруг покраснел, точно вспомнив неприличную сцену, тряхнул головой. – Не понимаю... как же возможно?..

– Умерла, умерла, – в отчаянии подтвердил пацаненок,

пританцовывая в нервном нетерпении, и Катя заметила, что один его сапог «просит каши», другой покуда «держит рот на замке». – Авдотья Васильевна за вами послала... Им шибко помощь нужна. Не в себе она – плачет, рыдает, бо- житься себя жизни лишит! А вы помочь обещались.

– Да... Я бегу... бегу! Ах, как жаль... Как мне жаль... – художник обратил взор к Катерине. – Умоляю простить. Возможно, в следующий раз... Если вы снова придете...

– Простите, вы что-то сказали про мою мать?... – взволнованно напомнила Катя и замолчала, осознав, что в контексте новости о чьей-то внезапной кончине ее задерживающий вопрос неуместен.

– Приходите обе, – художник не слышал ее. Глаза, секунду тому бывшие светлыми, потемнели, лицо заоченело от бесконечного горя, уже вползающего в его душу холодной змеей.

– Я приду, – пообещала Катя. – Когда вам удобно?

– Завтра, если вам будет угодно... Простите.

– Я все понимаю, – в этом Катя заверила уже совершенно пустую комнату.

Художник исчез из номера вслед за мальчишкой в картузе. Кажется, в смятении чувств Котарбинский так и не выпустил из рук набросок ее портрета – мольберт, за которым он работал, был пуст. Катя без особой надежды поискала рисунок среди вороха бумаг на столике рядом и махнула рукой.

– Вы слышали? Он ушел... – подождав, окликнула Катя

натурщицу в спальне.

Та не ответила.

Катерина заглянула во вторую – смежную – комнату, и оказалась в небольшой узкой спальне. У стены стояла неубранная кровать со смятой постелью. На прикроватном столике лежали книги и портсигар, тикали часы в изящном подчаснике.

Никакой модели здесь не было!

Не сдержавшись, Катерина нагнулась и заглянула под кровать – пусто. Теоретически девица могла сбежать через окно – но плотно закрытые рамы и третий этаж делали версию маловероятной.

Чье же милое личико он так расхваливал? Она явственно слышала это! И посреди комнаты стоял мольберт – на нем Катя увидела быстрый карандашный набросок девушки с арфой. Дображанская взяла его в руки и тут же отбросила, забыла о нем...

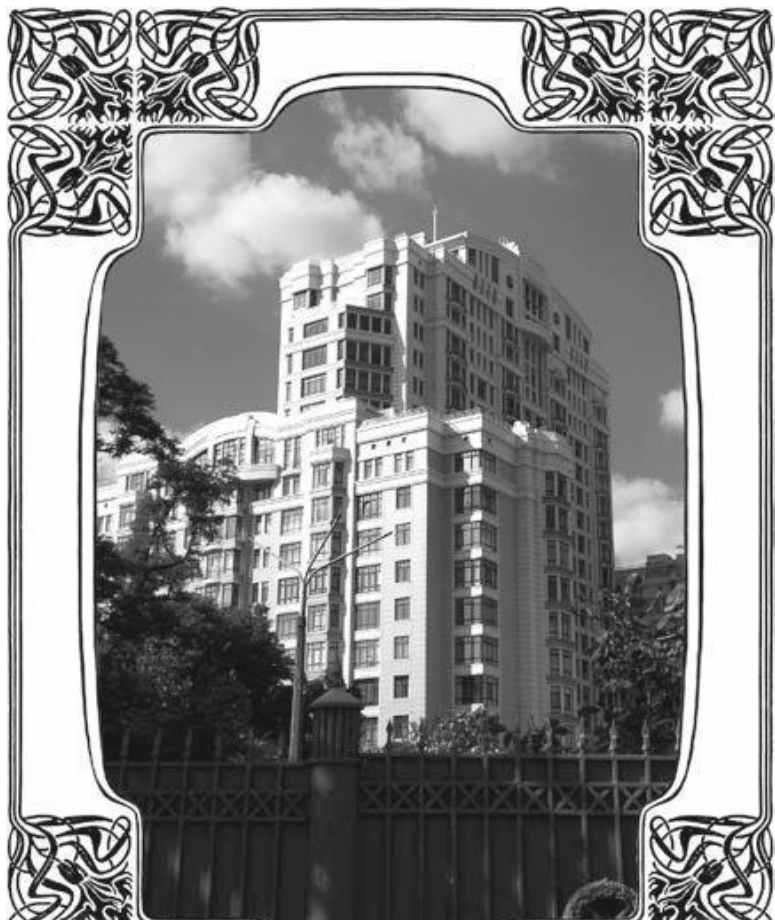
Под изображеньем арфистки лежал еще один лист, с другим рисунком – хорошо знакомый Катерине сюжет «В тихую ночь»: душа девушки в объятиях темнокудрого ангела.

И все же рисунок существенно отличался от приобретенного ею на аукционе.

– Не может быть!.. – вскрикнула Катя.

Глава пятая

Дом-монстр

Дом, где посчастливилось (?) жить семье Ипатиных, был в своем роде печальной достопримечательностью Киева – вздыбившийся над Мариинским парком, похожий на крепость, он стал первой уродливой новостройкой, «одороблом», навсегда испоганившим легендарный живописный вид правого берега Киева, раззолоченный лаврскими куполами.

Холл дома-монстра, обшитый темным деревом, украшенный большим окном с витражом, изображавшим Мариинский парк и дворец, напоминал дорогую гостиницу... но это вряд ли могло примирить Киевиц с проклятой крепостью.

Воспользовавшись адресом, выданным им прокурорской ведьмой, Маша и Даша поднялись на 21-й этаж.

– Конечно, все может быть, – убежденно сказала Маша, как только излишне картинная горничная в черном платье и белом фартуке с бантом на попе пошла докладывать вдове убитого бизнесмена, что к ней пришли Мария Ковалева и Дарья Чуб. – И желание прятать лицо необычно для обычного человека. Но все же пока понятно только одно: когда я пришла во Владимирский, Город не случайно дал мне это знание, и ты, Даша, не случайно купила газету, и Катя не случайно пошла на аукцион...

– И спасибо, что ты пошла со мной, – подвела черту Чуб. – Сама знаешь, у меня с Кругом Киевицы не очень. И во-о-ще ты классное заклятие нарыла!

– Называется «любосреча», – сказала Ковалева. – «Сре-

ча» – это встреча. После прочтения у человека появляется иллюзия, что он тебя точно знает, но не может вспомнить. Однако знакомство это приятное, нужное или интригующее – в общем, важное. Тут главное – не мешать. Через несколько секунд после встречи вдова сама нас «вспомнит». Сейчас к ней наверняка приходит много людей...

– Ну, не знаю, – Чуб оглядела огромный и тихий холл квартиры. Изобилия гостей тут не наблюдалось. – И вообще, ты прости, что я замутила все в твой день рождения. У меня, если честно, для тебя и подарка-то нет.

– Зато у всех у нас есть души усопших, о которых мы беспокоимся, – сразу нашла хорошее в дурном Ковалева. – Лучше перестраховаться. Очертим Кругом вдову и жениха и забудем о них, – похоже, как и Дображанская, Маша не слишком уверовала в версию о некроманте Ирине.

– Проходите, Ада Антоновна ждет вас, – объявилась черно-белая горничная.

Девушка обернулась, приглашая их за собой.

Вслед за бантом на переднике Киевицы прошли по коридору в гостиную со светлыми стенами. Обширная светлая комната с огромным окном утопала в зелени экзотических комнатных растений, потому сидевшая на светлом диване светловолосая дама в длинном закрытом глухом черном платье выглядела странно – неприятным и тревожным пятном. Ей было под пятьдесят, но лицо ее, безлико-красивое, застывшие-холеное, замерло на тридцати пяти – замерло

в неестественной позе, слишком искусственной, чтобы обмануть хоть кого-то.

– Маша... Маша Ковалева, – ненадолго замялась Ада Антоновна. – Ну конечно. Ты же дочь Светы! А ты, – посмотрела она на Дашу, – ее подруга. Мы виделись, когда я приезжала к вам в Харьков. Простите, я не сразу... Совсем не соображаю из-за всего... Спасибо, что вы приехали. Похороны завтра. Вы где остановились?

– Нам есть где жить, – увернулась от дополнительной лжи Ковалева. – Скажите лучше, как вы? Вы держитесь?

– Не знаю... не знаю... – затрясла беловолосой головой Ада Антоновна. – Твоя мама знает, я ей тогда все рассказывала. Я ведь ему сразу сказала: брать ребенка из детдома опасно, мало ли кто ее родители – алкоголики, психи, бомжи, кто угодно... Но он... Он так деток хотел... раз своих Бог не дал... Я ж понимала, он из-за этого мог меня бросить, мог другую найти. Потому, когда он решил взять ребенка, я не хотела, но не возражала... а вышло вот как... как я и говорила ему. Я ему всегда говорила: слишком ты ее балуешь, пора затянуть удила, показать, кто в доме хозяин. А он ей все-все прощал... Его доброта его же и погубила.

Ада Антоновна поднесла ко рту пластиковую электронную сигарету, слишком жадно затянулась и выпустила ароматный ментоловый дым.

– Она была папина дочка, – с положенным вздохом произнесла Маша, незаметно пиная Дашу ногой.

– Не знаю я, чья она дочка была! – неожиданно резко сказала Ада Антоновна, и Киевицы не могли не отметить верность сего замечания. Если темноволосая девушка с застывшим взглядом взаправду была некромантом, брать ее в семью, несомненно, было опасно. – Ее в детдом тот подбросили. Кто ее родители, никому не известно. А Сеня, мой Сеня... Как он любил ее... Вы же Иру не знали. Я в Харьков без нее приезжала тогда. Эта девка меня и за мать не считала! Пока маленькая была – еще ничего... А с тринадцати лет как с цепи сорвалась... И вот... доигралась!

Ада со стуком отложила искусственную сигарету, встала, подошла к белому комоду, заставленному множеством дорогих и почти вопиюще уродливых вещей – огромная фарфоровая кошка, украшенная золотом и стразами; часы-новодел под старину в виде полуголой богини; вставший на дыбы единорог с раззолоченной гривой... проходя порой мимо витрин магазинов, Маша изумлялась, кто может покупать такое убожество – и вот неожиданно получила ответ.

– Я читала в газете – она пишет вам сообщения, – сказала «дочь Светы».

– Писала... Больше не пишет. И телефон свой выбросила. Правильно сделала. Иначе бы ее сразу нашли. Сейчас это просто.

– Так она не откликается больше?

– Нет. К счастью. Пусть лучше исчезнет. Зачем этот суд? Сеню все равно не вернуть. А грязи выльется столько. И так

не знаю, как от нее отмыться теперь... от этой грязи, от крови... Сеня всех тогда на ее день рождения позвал. А потом я их всех должна была обзвонить. Представляете, что я при этом прочувствовала? Обзванивать, стоя над Сениным трупом, и говорить: «Не приходите к нам. Ира Сению убила». Теперь они к нам уже никогда не придут. Половина друзей не звонит. Все в шоке, наверное... Надеюсь, они хоть на похороны...

– Ах, какой у вас вид отсюда красивый! – пока Ада Антоновна говорила, «пнутая» Даша успела встать, пройти по комнате, выбирая подходящую точку, и подойти к окну – оттуда открывался воистину умопомрачительный вид на рыжеволосые кудри деревьев Мариинского парка, на замерший серый октябрьский Днепр и левобережную киевскую даль.

Вид с другой стороны, с Левого берега теперь, увы, был иным. Двадцатипятиэтажная Крепость победила незыблемую красоту правобережья, где до нее по умолчанию царили лишь золотые кресты и меч родины-матери.

И Даша подумала: не проклятьем ли этого ненавистного дома объясняются беды этой семьи? Если каждый день сотни сотен киевлян клянут про себя каменного уродца, рано или поздно крепость все равно не устоит, взорвется или рухнет, провалится в тартарары – проклятия, они имеют склонность сбываться... и лично она не рискнула бы снимать тут квартиру. В таком доме все равно удачи не будет.

Но вслух она сказала другое:

– Землепотрясный вид... никогда не видала такой красоты!

Вдова бизнесмена повернула голову к окну. Пользуясь моментом, Маша быстро нарисовала указательным пальцем над ее головой защитный Круг Киевиц. Хотя, если Ирина была некромантом, коллекционирующим любящие души, ее названной матери ничего не угрожало – она не любила свою приемную дочь.

– Красивый вид. Да... И она, Ира, тоже так говорила, – сказала Ада. – Единственное, что в ней нормального было – любила этот вид из окна. И аллею к Зеленому театру любила. А в остальном... Звереныш зверенышем. Психопатка. Либо огрызается, либо молчит в ответ на вопрос, либо ходит по дому пьяная. Знали бы вы, как я ее свадьбы ждала. Думала: наконец-то избавимся, пусть теперь Егор с нею мается. Он – мужчина сильный, волевой, он бы с ней справился. Он всерьез о политике думал.

– Он любил ее? – спросила Маша.

– Пылинки сдувал. Оно и понятно. Чем-чем, а красотой эту девушку Бог не обидел. Да и она его вроде тоже любила. Во всяком случае, его она слушалась. Для нас он был уже членом семьи. Теперь мне нужно говорить: «У нас один бизнес»... Семей мы с ним уже не будем... никогда... Нет больше семьи... Ничего больше нет!

Она вдруг заплакала, горько и искренне, точнее заплакали только глаза – ее застывшие-холёные черты лица попытались

сдвинуться с места, но не смогли, словно купленная молодость приросла к ней как страшная маска.

– Ничего нет... ничего, – повторяла она. – Спасибо хоть деньги остались. Радуйтесь девушки, пока молодые – в вашем возрасте все бесплатно, – с внезапной истеричной искренностью сказала Ада. – Любовь, веселье – бесплатно... красота, цвет кожи, овал лица без брылей и морщин, волосы без седины... Потом все это будет за деньги. И веселье за деньги, и дружба, и разговоры до утра... знаешь, как мы с твоей мамой в Харькове тогда в молодости до утра на кухне сидели, все говорили и говорили? Теперь все не так... И волосы тебе покрасят, и морщины разгладят, и расслабиться помогут, и поговорят по душам, и развеселят – ты только плати. Парикмахеру, косметичке, массажисту, психологу, аниматору, йогу, дилеру, учителю танцев – любому, хоть из «Танцев со звездами», и они продаются за сто долларов в час. Но бесплатно уже никто с тобой возиться не будет. Вот это, девушки, и есть одиночество. Это и есть настоящая старость... когда без денег ты за месяц-другой превратишься в никому не нужную одинокую злую седую старуху!

Ада Антоновна закрыла лицо ладонью, ее рот замер в конвульсивной и самобичующей ухмылке.

– А как твоя мама... Света... она-то как? Я так и не спросила, – после паузы сказала она.

– А вы позвоните ей, думаю, она вам будет рада... бесплатно, – посоветовала Маша, невольно проникаясь печалью

этой малоприятной женщины.

– Так вы говорите похороны завтра? А Егор будет на похоронах? – спросила Даша. – Он вас поддерживает?

– Конечно... Он и похоронами сейчас занимается. Он как-то держится. Не знаю уж как... Надеюсь, она с ним ничего больше не сделает. – Ада Антоновна опустила руки, аккуратно утерла слезы, стараясь не размазать грим под глазами.

– А что она, по-вашему, может с ним сделать?

– Позвонить ему. Если Ира позвонит ему и попросит о помощи... Я его знаю. Он ей не откажет. Не сможет. Он все ради нее, в тюрьму из-за нее сядет, но поможет. Надеюсь, у нее хватит совести ему не звонить. Достаточно она ему жизнь испоганила. Я-то после похорон отсюда уеду. Совсем. В Англию или в Италию... еще не решила. А Егору придется расхлебывать. Жених невесты, убившей родного отца. С такой биографией уже не станешь политиком. Она ему всю жизнь наперед поломала.

Ада Антоновна с неприязнью посмотрела на стоящее рядом на комодe фото в дорогой серебряной раме – там, в другой, уже не существующей реальности жила их счастливая семья. Неестественно молодая Ада, ее рыжеусый улыбающийся муж, рядом с ним, вероятно, Егор – молодой красивый мужчина с уверенным подбородком и светлыми глазами. Он смотрел на свою невесту. Повернувшись к нему, черноволосая молодая девушка тоже запоем глядела на своего жениха. Они могли стать очень красивой парой.

– Это она?.. Ира? – с запинкой спросила Чуб.

На семейном фото Ирина Ипатина была снята в профиль – и этот профиль был Даше превосходно знаком.

Точно такой же она видела утром на купленной Катей картине «В тихую ночь».

...на купленной ею утром картине «В тихую ночь» девушка в объятиях ангела была повернута в профиль.

Здесь же, в мастерской Котарбинского, Катя увидела третий вариант все того же сюжета – и на нем туманная дева в розовом платье поворачивалась анфас, обнажая невероятное сходство...

– Невозможно! – повторила Катерина.

Ангельская дева была точной копией Ирины Ипатиной – девушки-убийцы, с которой был нарисован Дух Бездны.

Как же так вышло?

Как?

Светлая Дева-ангел и Черный Дух были одним и тем же лицом в прямом смысле этого слова!

– Да, это точно она, и анфас, и профиль, – Катя поставила на диван прихваченную из мастерской Котарбинского картину с ангельской девой и присоединила к ней газету с фотографией Иры.

Чуб положила рядом копию дореволюционной открытки «В тихую ночь» и добавила фото, выпрошенное Машей «на память для мамы Светы».

– Она... – вынуждена была согласиться и Маша.

– И вот к ней довесок! – помахала Даша вырванной из каталога репродукцией «Духа Бездны».

Пару секунд Киевицы смотрели на две работы. Одна была устремлена вверх – к небу. Другая – головокружительно падала в бездну. И обе они были портретом одного человека, полубезумной девчонки из детского дома, зарезавшей собственного отца ножом для арбуза.

– Не понимаю, – сказала Катя. – Не понимаю уже вообще ничего. Как Котарбинский мог регулярно рисовать человека, рожденного век спустя? И как Демон может быть Ангелом? Она же убийца!

– Он тоже, – Чуб указала на Мира Красицицкого.

– Как ты так можешь?! – вспыхнула Маша.

– Я не боюсь правды, – спокойно сказал Мирослав. – И правда не может быть оскорблением. Да, я был убийцей при жизни, потом был убит. Но после смерти я изменился.

Секунду Катя и Даша с сомнением смотрели на него, но не нашли, что возразить. Сказать, что сразу же после кончины Мир Красавицкий стал ангелом, было бы преувеличением, но нынче его можно было с чистой совестью сдавать в монастырь – он вполне подходил по формату.

– Убийца – диагноз, – продолжил Мирослав. – Но зачастую эта болезнь излечима. Просто, говоря откровенно, мало кто хочет лечить убийц. Мы, люди, хорошо понимаем смысл преступления и очень плохо – смысл наказания... Мы воспринимаем наказание, например тюремный срок, как месть – месть общества преступнику. Мы хотим ответить ему злом на зло. Но смысл наказания – в изоляции преступника от общества, которому он может нанести вред. И – самое главное – в его раскаянии. В изменении его внутреннего «я». Но мы не желаем понять это... Потому что на деле не хотим, чтобы преступник менялся, не хотим прощать его – мы хотим причинить ему боль. Потому что мы...

– Такие же, как и он, – спокойно сказала Катя.

– По сути, язычники, – сказала Даша.

– Нам просто никто не объяснил, – сказала Маша.

– У вас, людей, есть книжка под названием Библия, там вам все это объяснили примерно 379 раз, – ухмыльнулась Акнир.

– А, кроме того, Мир, – не самый типичный пример, – добавила Катя. – Прости, Мирослав, но, во-первых, ты мертв. Во-вторых, ты умер, спасая Маше жизнь... Умер, потому что любил ее. Ты изменился еще до смерти. И остался живым даже после смерти, потому что любил... А тут мы имеем дело с какой-то пьяной оторвой.

– Должен заметить: до того, как я полюбил Машу, я был премерзким субъектом, – иронично напомнил им Мирослав.

– Согласна, он был даже хуже нее, – засвидетельствовала Землепотрясная Даша.

– Не соглашусь. Она убила отца, – сказала Катя. – Что может быть хуже? Ну, пусть не родного отца, но человека, пожалевшего ее, взявшего в дом, любившего ее, прощавшего все. Нет, не понимаю, – Дображанская посмотрела на Белого Ангела.

– А я все понимаю теперь! – победоносно похвасталась Чуб. – Чего непонятного? Его убила не она, а Дух Бездны! – Даша ударила по картинке с изображением Ангела Черного. Слова полились горячим потоком. – Мы ведь знаем, что мертвые некроманты могут вселяться в живых и управлять ими! И Дух Бездны, дух жены Котарбинского вселился в Ирину. Пропечатался на ее лице, задушил ее душу, подавил ее волю, убил ее любящего папу... А после пошел и раскопал могилу художника, любившего этого Духа всю жизнь. Ты сама говорила, – воззвала Чуб к Катерине. – Зачем дочери бизнесмена Ирине какая-то древняя могила? В нее вселился

злой дух! А сама она ни в чем не виновата. Она – ангел. Зло и добро в одном лице. В одном теле. В прямом смысле... Вот это и нарисовал Котарбинский!

– Превосходный сценарий для третьесортного фильма, – бесстрастно похвалила ее Катерина. – Только Ирина отнюдь не была ангелом. И откуда Котарбинский мог знать все это? А потом, я была у него в мастерской. И никакого духа там не было, – Катя замаялась. – Вот именно, не было... А ведь она должна была быть в его спальне... Как звали жену художника? – обратилась она к Мирославу.

– Неизвестно, – сказал Красавицкий. – В этой истории у его кузины нет не только лица, но и имени. Оно нигде не упомянуто. Его жена и правда похожа на дух, исчезнувший так же загадочно, как и появился.

– Мой визит к Котарбинскому был прерван, – проговорила Дображанская. – Ему сообщили, что внезапно умерла какая-то Ася.

– Видите! – влезла Чуб. – Дух Бездны начал убивать еще там. Может, Ася тоже любила ее... как сестру. Или во-още была лесбиянкой. Хорошо хоть вдову мы защитили.

– А она дала нам телефон жениха, чтоб мы могли предложить ему свою помощь, – сказала Маша. – Егор примет нас в офисе в пять часов дня, и мы очертим его Кругом. Хоть я сомневаюсь, что ему нужно опасаться Ирины Ипатиной. Я пыталась Город. Он не видит ее. Ирины нет в Киеве. Скорее всего, она давно за его пределами...

– И даже за пределами нашей страны, – прибавила расстояния Катя. – В ее случае это было бы самым разумным решением.

– Ася... Ася... – Мирослав еще раз пересмотрел статью о художнике в «Страницах прошлого». – Нет, о мертвой Асе тоже ничего не известно.

– О Котарбинском действительно ужасающе мало информации и в Интернете, и в академических изданиях, – пожаловалась Маша, – только сухая биография в столбик.

– Зато картин его в Интернете – действительно тучи! – подозвала их Акнир.

Все это время ведьма сидела за компьютером, качая картинки из инета, и теперь повернула к ним экран, предлагая полюбоваться результатом несправедных трудов.

– Глядите... Я и наши сюда залила.

Фантастические, дивные, бередящие душу сюжеты замелькали на экране, сменяя друг друга.

«Жертва Нила» – привязанная к плывущему по воде деревянному кресту прекрасная девушка, предназначенная в жертву священным крокодилам. «Богатыри», одновременно пронзающие друг друга копьями в схватке. «Умиравший» – истекающий кровью мужчина, взирающий на стоящую над ним деву в белых одеждах – свою собственную душу. «Цыганка» с банджо на дороге, «Цыганка» с банджо у городской стены...

– Смотрите, он часто рисовал очень похожие картины, –

отметила Чуб.

– Самоплагиат, – воспроизвела утверждение соперника Катя. – Иногда он менял только мелкую деталь.

– А я о чем? Пусти меня, – Чуб оттеснила Акнир от ноутбука. – Смотрите сюда. Вот, к примеру, одна... – Землепотрясная открыла картинку, изображавшую двух девушек в платьях римлянок, сидящих в саду при свете луны. Лицо красивой смуглой брюнетки было повернуто в профиль. Блондинка склонила голову на плечо подруги. – Вот вторая, – сказала Даша, показывая им тот же сюжет. Те же самые девушки в тех же платьях сидели в том же саду – только головы римских красавиц были повернуты чуть иначе. – А теперь... – Землепотрясная застучала по клавишам, соединяя изображения в «живую картинку». Брюнетка и блондинка стремительно завертели головами. – Вы поняли? Это – не самоплагиат! Это – комикс!!! Он как будто рисовал мультик. Еще до того, как их придумали... А теперь поглядите на наш графический роман.

Даша нашла в папке три имеющиеся в их распоряжении изображения «Тихой ночи»:

открытка издательства «Рассвет»;

картина, купленная Катей на аукционе;

и еще одна – украденная Дображанской из мастерской.

Пальцы Чуб вновь заплясали по клавишам – увиденное и впрямь походило на мультфильм.

Вылетающая из туманного озера дева-душа подняла ру-

ку, обняла Ангела за шею и повернула к ним голову, словно, прощаясь, хотела взглянуть напоследок на этот бранный и сумрачный мир.

– Он не перерисовывает один сюжет – он его дорисовывает, продолжает историю! – громко заключила Даша. – Просто в его время мультиков не было и он сам не знал, что рисует. У каждой его картинке есть движение – развитие сюжета. И у нашей ангельской девы – тоже...

– Ты хочешь сказать, – уловила мысль Маша, – что мы видим лишь три фрагмента, три куска пазла. Три кадра одной длинной и цельной истории!

– Четыре – если считать картину «Дух Бездны», – сказала Даша. – И это история о Черном Ангеле, ставшем ангелом Белым.

– Или наоборот, – сказала Катя. – О Белом Ангеле, ставшем Черным. Мы не знаем последовательности. Не знаем, какая из работ изображает финал.

– Значит, нам нужно собрать все работы Котарбинского и сложить их вместе, – беспроblemно предложила Чуб. – И мы узнаем настоящую историю Духа Бездны.

– Боюсь, собрать их все невозможно, – покачала головой Дображанская. – Ведущий аукциона рассказывал, что Вильгельм Котарбинский нарисовал их великое множество. Часть его работ до сих пор не найдена, часть утеряна. Он легко продавал их, легко дарил... Потому в Киеве даже в наши дни часто находят новые и неизвестные сепии, эскизы, полотна.

– Значит, нужно найти все, что можно! – оборвала ее Даша.

– Мне говорили, есть еще одна работа, – вспомнила Катя. – Владельцы не пожелали продать ее на аукционе. Ну, а еще больше картин я видела в его мастерской, – Катерина застыла с видом «ну что, мне разорваться, что ли?»

– Жаль, мы не знаем, какая именно картина даст нам ключ к этой тайне. Мы даже не знаем, в чем тайна, – вздохнула Маша.

– «Тайна»! – вскрикнула Дображанская. – Так называется третья картина! Сначала я должна съездить в Аукционный Дом!

– Нет, – оспорила Маша Ковалева, – сначала нужно сходить к Котарбинскому. Он же живет за углом! А в Прошлом время стоит, – разъяснила свое предложение она. – Потом – за «Тайной»...

– Прости меня, Маша. – Катерина удрученно нахмурилась. – Сюрприза не вышло. Эту картину, – показала она на экран с ангельской девой, – я собиралась подарить тебе вечером на день рождения.

– Эту?..

Маша совсем не умела врать – и трех ее разочарованных букв совершенно хватило, чтобы понять...

– Она и тебе не понравилась? – расстроилась Катя. – Нужно было покупать «Духа Бездны»!

– Да, нужно было брать его! – поддержала Чуб.

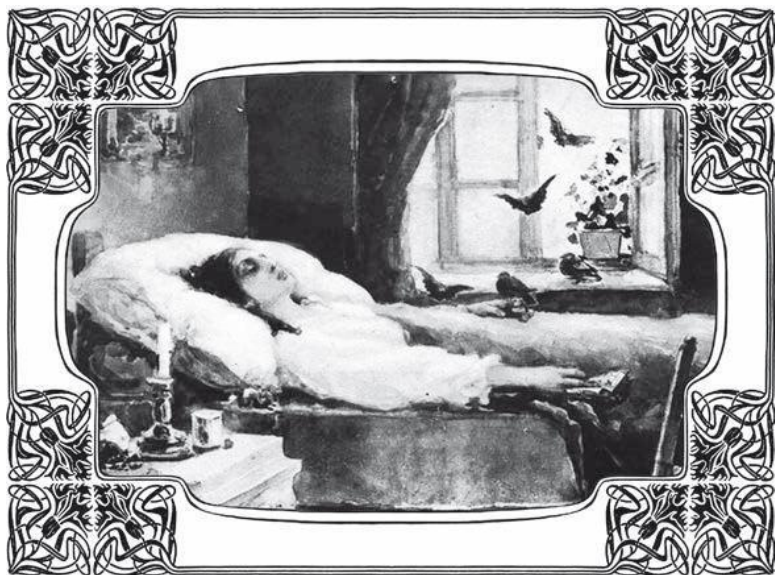
– Что ты... нет, нет, – замахала Ковалева руками. – Он такой страшный. Все хорошо, мне нравится твой Белый Ангел.

– Забудь про него, – приняла соломоново решение Катерина. – Держи, – сняла она с груди современную бабочку-брошь.

Маша протянула сразу обе руки, чтоб принять драгоценный подарок. И на этот раз Дображанской не нужно было слов, чтоб понять, как младшей из Киевиц понравился дар.

Глава шестая

Тайна художника

Дверь в номер Котарбинского была не только не заперта – приоткрыта. Но Катя все равно постучала.

– Войдите... – его голос был тихим.

Катя и пожелавшая сопроводить ее Маша Ковалева зашли в обширную комнату-мастерскую.

Художник сидел у окна на дубовой лавке, сгорбившись,

закрыв глаза.

Был он нынче совсем иным – растрепанным и измятым, и крылья его галстука-банта поникли, как у мертвой бабочки.

– Здравствуйте, – поздоровалась Катя. – Я пришла к вам, чтоб закончить портрет.

Он только плотнее прикрыл веки.

– Помните меня? – не стала отступать Дображанская. – Я была у вас вчера... Мы не успели поговорить об оплате.

– Что? Об оплате?! – резко поднял голову он. – Вы намерены оплатить мою работу? Деньгами?

– Вы предпочитаете натуральный продукт? – порядочно удивилась Катерина Михайловна.

– Простите, простите, – вскочил он со скамьи, – я подумал... не понял... Так вы были вчера. Втроем?

– Вдвоем, – припомнила Катя так и не разъясненную натурщицу в спальне. – А это – моя спутница Мария Владимировна, – представила она Машу Ковалеву.

– Очень приятно, Мария Владимировна, – галантно сказал Вильгельм Котарбинский.

Но что-то изменилось. В прошлый раз он излучал счастье, сейчас же – угас; был не просто несчастлив – сломлен. Моложавый, подтянутый – нынче он казался несчастным седым стариком, и лихо подкрученные кончики его гоноровых польских усов превратились в грустные щеточки. Однако, если вчера у него умер кто-то из близких, столь разительная перемена была легко объяснима.

– Вдвоем... так и есть... А вторая сегодня не пришла? – поинтересовался он.

– Не пришла, – подтвердила Катя, не слишком понимая, почему она должна отчитываться за других визитеров.

– В таком случае, сегодня я могу поработать только над вами, – сделал вывод он, разыскивая среди множества работ вчерашний эскиз. – Ах, вот и он... Я забыл спросить, какой портрет вы желаете?

– А можно увидеть то, что вы написали вчера? – подойдя к нему, Катерина заглянула в лист и вскрикнула так отчаянно громко, что Маша Ковалева уронила свой крохотный шелковый ридикюль и бросилась к Кате.

Карандашный набросок являл Катерину Михайловну Дображанскую в полный рост: высокую, стройную, с горделивой посадкой головы и ослепительно-прекрасным лицом. Тем больший контраст представляла вторая женщина – стоящая, плотно придвинувшись к ней, невысокая, некрасивая, с крупными резковатыми чертами лица, большим ртом, темными глазами и крыльями бабочки за спиной.

«*Придвиньтесь, прошу вас...*» – вспомнила Катя непонятную просьбу художника.

Его возглас: «...*такой дивный контраст!*»

«*А вторая сегодня не пришла?..*»

– Кто это?.. – глухо спросила Катерина Дображанская.

– Вы... и вторая дама... – объяснил Котарбинский. – Та, что не смогла прийти сегодня... Она была с вами вчера.

– Была тут со мной?!

– Да.

– Но это моя мама! Моя покойная мама!

Его лицо приобрело цвет небеленого холста.

– Она – нереальна? – справился художник с запинкой, обреченно, но совершенно без удивления. – А вы?

– Я – да, – сказала Катерина Михайловна.

– Вчера я думал, вы обе... – сбивчиво заговорил он. – Как те, другие... Как все они. Особенно вы. Люди редко бывают столь необыкновенно красивы при жизни. Но те, другие, не платят за работу. И когда вы спросили об оплате... Я подумал... и вы, и она... и та третья, с арфой...

– Вы что же, увидели рядом с Катей привидение? – спросила Маша.

– Это не просто привидение, – сказала Дображанская, и ее кожа словно покрылась колкими мокрыми осколками льда. – Моя мама была тут со мной. Мама пришла на Деды... Значит, она нуждается в помощи. Или хочет помочь нам!

– Простите, вы тоже ко мне? – сощурившись, художник посмотрел в пустой угол комнаты.

Из пустоты проступил изумленный Мир Красавицкий.

– Он что же, видит меня? – спросил Мирослав.

– Вы видите всех привидений? – ахнула Маша. – Всех и всегда?

– О, Матка Боска, опять!.. – взвыл вдруг художник, сворачиваясь в улитку, опуская голову на грудь. – Лучше бы мне

ослепнуть!.. Уходите... Немедленно. Уходите, прошу... – Он заметался по комнате, забился, как по невидимой клетке по своей мастерской, с отчаянной ненавистью сбивая с ног тонконогие мольберты, сбрасывая рисунки со столов, сметая картины со стен...

– Он сейчас уничтожит все свои работы! А мы пришли за его картинами... – испугалась Катерина.

– Катя, бери свой портрет с мамой, иди, – быстро распорядилась Маша. – И ты, Мир, тоже... иди, не мучай его. Помоги Кате... Я знаю, как обращаться с безумными художниками, – уверила их младшая из Киевиц.

При виде Кати глава Аукционного Дома сразу поднялся из-за массивного письменного стола с пузатыми резными ножками и обтянутой зеленым сукном столешницей. На столе возвышался массивный чернильный прибор с бронзовой фигурой оленя. Стол обступали книжные полки. Катерине нравился его кабинет.

– Очень рад видеть вас снова. Садитесь, пожалуйста, – предложил Вадим Вадимович Водичев.

Дображанская села. Хозяин Аукционного Дома тоже вер-

нулся в кресло.

– Я перевела вам деньги за «Тихую ночь», – сообщила она. – Но я здесь не поэтому. Перейду сразу к делу. Утром вы упоминали о третьей картине Котарбинского... «Тайне».

Хозяин снова встал – весь его вид выражал неподдельное сожаление. Он хотел понравиться Кате – и точно знал: то, что он скажет сейчас, не понравится ей.

– К сожалению, она уже куплена.

– Как? – изумилась Катя. – Так быстро... И кем?

– Когда вы ушли, ко мне подошла Виктория Сюрская, – Вадим Вадимович так и остался стоять, словно эта жертва могла компенсировать Кате потерю. – Она жалела, что не смогла купить «В тихую ночь». Я предложил ей перекупить «Духа Бездны», сказал, что выигравший наверняка согласится уступить его...

– Он был бы счастлив, – сказала Катя.

– Но она отказалась. «Дух Бездны» не подходил ей. Она открывает в Париже элитный клуб для любителей драгоценных камней, и сама занимается его оформлением. Всё по первому разряду: мейсенский фарфор, столовое серебро Фаберже, оригиналы на стенах. И для сапфирового зала ей нужна была «Ночь» или нечто похожее, на водную тему. Тогда я упомянул о «Тайне». Она сказала, что готова заплатить за просмотр... за один лишь просмотр, даже если работа не придется ей по душе или владельцы не согласятся отдать ее. Но если согласятся, я получу свой процент.

– И владельцы согласились, – без труда угадала финал Катерина.

– Она предложила им безотказную сумму, – с легкой грустью сказал он.

– А раз она тоже согласилась купить ее, «Тайна» и правда похожа на «Тихую ночь», – удлинила логическую цепь Катерина Михайловна.

– По правде говоря, «Тайна» словно бы продолжает ее... Или, точнее, «Тихая ночь» является продолжением «Тайны».

– Продолжением?.. – в сердце Кати кольнуло. – Что же на ней изображено?

– Ночь. И утопленница в темной воде. И еще какая-то церковь.

– Известная церковь?

– Если в Киеве и стояла когда-то подобная церковь, лично мне ничего не известно о ней.

Дображанская встала.

– Я тоже готова заплатить за просмотр нужную сумму. Мне нужно хотя бы увидеть ее... Вы можете мне?

– Это я могу вам устроить, – Вадим Вадимович схватил со стола телефон. – Денег не нужно. В какой-то мере Виктория – моя должница... Когда вы хотели бы сделать это?

– Немедленно! Я должна узнать эту «Тайну» прямо сейчас!

Прошел почти час.

В гостиничном номере «Праги» было пасмурно, холодно. Второй день непогоды. Котарбинский сидел на затоптанном коврикe, облокотившись на дубовую лавку.

Мальчик в форме с блестящими пуговицами принес заказанный Машей самовар, и она буквально вложила горячую чашку в поникшую, безжизненную руку художника, стараясь согреть его... Заставила его подкрепиться и чаем, и пирогами.

А потом присела рядом с ним на ковер, крепко сжала его пальцы. После прочтения «любосречи» он больше не сомневался, что она – его давняя знакомая.

– Я еще никому не открывал свою тайну... Я был молод, очень молод, – заговорил он. – Мне было чуть больше двадцати, когда я сбежал из дома в Рим. Денег у меня почти не было, но потребность писать... Она была как любовь, как страсть, как потребность в еде и воде... Нет, – уверенно возразил он себе, – писать мне хотелось намного больше, чем есть. Те немногие средства, которыми я располагал, я тратил на оплату мастерской и натурщика. Я отдавал ему все свои гроши, экономя на еде. Я сочинил одну сценку на ан-

тичную тему, натура требовалась мне, чтоб творить... Я не ел три дня, пил воду из фонтана... А потом случилось то, что должно было случиться. Однажды натурщик пришел ко мне в мастерскую и увидел меня лежащим без сознания прямо на полу. Он поспешил к врачу – русскому немцу. Тот поставил диагноз: голодный тиф – и сказал, что отправить меня в больницу для бедных – все равно что на кладбище. Он был очень добрый человек, этот врач. Он пошел к своим знакомым, братьям Сведомским, жившим в то время в Риме, и попросил их спасти соотечественника⁴. Они согласились, хотя совершенно не знали меня... Меня перенесли к ним в дом на носилках гробовщика – других найти не удалось. Но этого я не знал. Я ничего не знал, я был без сознания. Я не знал, что умираю. И кабы не упрямец доктор Вендт, приходивший ко мне каждый день, чтобы сделать укол камфары, невесть отчего не терявший надежды воскресить полумертвеца, если бы не милые братья Сведомские, ухаживавшие за совершеннейшим незнакомцем как за своим третьим братом... меня бы сейчас не было с вами. Наверное, я истинно был одной ногой в могиле. Пока они пытались спасти меня, я находился в другом – неизведанном мире. Я не помню его и не могу описать, но после этого...

– Вы начали видеть призраков, – понимающе закончила Маша.

– Да, – он посмотрел на унылый меланхолический дождь

⁴ До революции Польша и Украина входили в состав единой Империи.

за окном.

Маша проследила за его взглядом и невольно перевела свой на прислоненный к стене уже почти оконченный рисунок меланхолической девушки-арфистки. Косые струи дождя подозрительно напоминали струны арфы! Она вспомнила рассказ Кати, утверждавшей, что в спальне Котарбинского не было никого... кроме законного дождика! Художник смотрел на дождь и видел прелестную девушку – душу девушки, явившуюся к нему в виде воды!

«Здесь, в Прошлом, сейчас тоже Деды!» – поняла Ковалева.

– Да, – повторил Котарбинский. – С тех пор они приходили ко мне. Молодые и старые, красивые и уродливые, странные, непонятные... Они окружали меня, говорили со мной – они завладели мной.

– Это ужасно, – сочувственно сказала Маша.

– Нет, что вы... Это было прекрасно! – возразил он ей горячо, окатив ее опьяненным вдохновением взором. – С того самого часа, словно по волшебству, мои работы стали востребованы. Из нищего я превратился в весьма обеспеченную и даже модную личность. Братья не оставили меня. Они пригласили меня с собой в Киев, познакомили с профессором Праховым, он дал мне заказ. Но намного важнее было иное знакомство. Смерть, с которой я познакомился так близко там, в Риме, открыла мне удивительный мир. Я видел... видел своими глазами, что смерть – лишь переход в иной мир.

Мир Смерти был бесконечен... это меняло все. Все! И вскоре все они тоже поняли, что я вижу их, они шли ко мне. Одни говорили со мной, другие молчали. Но все желали, чтоб я написал их портрет... Их историю... их душу... или же тех, кто живет в их душе после смерти. Кто был и остался частью этой души.

Ковалева посмотрела на другую картину – девушка, плачущая темной ночью навзрыд на чьей-то могиле. Рядом стояло продолжение – наплакавшись, дева заснула прямо на кладбище. Ее умиротворенное, почти счастливое лицо покоилось на могильном холмике. Даже темная замогильная тема в исполнении Котарбинского не казалась трагедией – лишь будоражащей, страшной и завлекательной сказкой. Даже смерть на его сепиях была так сентиментально-приятна – истинная красота слез, красота печали, тихая радость горя.

– К вам шли все привидения?

– Не всегда. Лишь в особые дни.

– На Деды́. В дни Уробороса, – утвердительно сказала она. – Это символ бесконечности, – расстегнув ворот платья, Киевица показала художнику висящую у нее на шее золотую цепь в виде змеи, пожирающей собственный хвост. – Символ бессмертия природы, которая вечно убивает и порождает себя саму, умирает и возрождается вновь.

– Как же я любил эти дни, – он посмотрел в потолок. – Дни, когда я видел невидимое – невиданное, неведомое никому. Я словно бы один на свете знал главную тайну миро-

здания. Я единственный во всем мире видел, что смерти в нем нет – совсем нет. А значит, нет причин для печали. Я стал самым счастливым человеком на свете... А потом в одночасье сделался самым несчастным.

Он замолчал. Его взор стал похож на дом: в нем выключили свет и под покровом ночи жильцы в спешке покинули мрачное здание. Стал похожим на тело, в котором не осталось души. Он глядел на Машу – но не видел ее.

– Я проклял свою способность, – зло сказал он. – Проклял себя и пожалел, что не умер еще тогда, в Риме. О, лучше бы я умер! Это страшно – видеть то, что не видят другие! Оказалось, в моих отношениях с людьми это может иметь смертельный исход. Я полюбил ее... полюбил... Но в подобные дни я не отличаю их от живых людей!

– Вы говорите про вашу кухню?

– Она оказалась... – художник сделал отчаянный жест рукой.

– ...покойной? – договорила Маша. – Вы были влюблены в нее в юности, – сказала она. – И когда встретили вновь, не знали, что она давно умерла. Не смогли отличить призрак от живой женщины. И обвенчались с ней. С призраком... И она начала преследовать вас. Вы боитесь, что она вас погубит?

На миг его взор, прозрев, стал удивленным.

– Вы сочинили превосходный сюжет для картины. Венчание с призраком в каком-нибудь полуразрушенном костеле со старым слепым ксендзом, не видящим, что невеста мерт-

ва... Я мог бы написать это, – с грустью сказал он. Но Маша сразу почувствовала себя столь же нелепо, как Чуб, удостоившаяся Катинной сомнительной похвалы за «превосходный сценарий». – В моей жизни все было намного пошлей. Моя первая любовь оказалась ошибкой. Вы правы, я не видел свою кузину много лет и, когда мы встретились вновь, по сути, не знал ее. Лишь много позже я понял, что моя жена – просто вздорная женщина, не способная ни принять, ни понять мою жизнь. Убежденная католичка, она дурно отзывалась о моей работе в православном соборе, пришла во Владимирский под черной вуалью, не пожелала знакомиться с моими друзьями, она заранее невзлюбила их всех... И вскоре мы разъехались с ней навсегда. А потом я встретил ее... Асеньку. И полюбил ее всем сердцем! Но теперь я мог предложить ей лишь сердце без верной руки – ведь я был уже связан узами брака. К тому же она была чересчур молода... всего восемнадцать. И тогда я решил: раз так суждено, я буду любить ее только сердцем, как друг, отец или брат, и сделаю все, чтобы она была счастлива. Ася была больна. Я оплатил ей врачей из Санкт-Петербурга. Но я не знал... не знал ее главной тайны.

Он встал с пола, подошел к окну, за которым по-прежнему моросил сизый дождь. Теперь он стоял к Маше спиной.

– Это случилось вчера, – начал он после паузы. – Утром я пришел к ней... без предупреждения... Дверь была открыта. Я зашел и увидел ее. Ася лежала на диване... рядом с другой

женщиной. Обе они были полураздеты. Женщина целовала ее... целовала жадно и страстно. Ее черные волосы были такими густыми и длинными, они абсолютно закрыли Асино лицо. Волосы казались ужасно тяжелыми, словно сделанными из камня. Я стоял и смотрел... Просто стоял и смотрел на спину этой черноволосой женщины. Она была прекрасной, совершенной, как у мраморной статуи. Я слышал их дыхание, это тяжелое дыхание, стоны. Я не видел их лиц, и оттого они еще больше производили впечатление одного существа с бьющимися потными руками, движения которого напоминали предсмертные судороги... Женщина обнимала Асю так крепко, она буквально вгрызалась в нее!..

– Это была Смерть, – догадалась Маша.

– Я не понял, что она умирает! – в отчаянии вскрикнул художник. Он вскочил, зашагал по своей мастерской незаконченными кругами. – Я не сделал ничего, ничего, чтобы ей помочь! Любой другой человек увидел бы бедную девушку, лежащую на диване, стонущую от боли, задыхающуюся от нехватки воздуха, с предсмертным потом на лбу... Любой другой немедленно позвал бы врача, а я... Я просто стоял и смотрел. А потом развернулся и ушел. Спокойно. Я принял ее тайну. Я решил принять Асю такой, какой она есть... Я не знал, что ее тайна в другом – Ася скрывала от меня, как сильно больна. – Я словно убил ее своими руками! Убил своим бездействием. Своей слепотой...

– Зрячествою, – вполголоса поправила Маша.

Несчастный художник сел на скамью у стены, сторбился, свел плечи.

– В последний миг, когда я уходил, – сказал он, – эта женщина с черными волосами подняла лицо... О, оно было изумительно, идеально прекрасно! От такой красоты останавливается сердце. Я махнул ей рукой, словно благословив их союз. Я сам отдал Асеньку смерти! – прохрипел он, и слезы выступили в его светлых глазах. – Если бы на моем месте был другой человек... любой другой... она была бы жива! Доктор сказал: достаточно было позвать его... Если бы я был нормальным! Нормальным!

– Вы просто никогда раньше не видели Смерть. В следующий раз... – Маша и сама понимала, что сказала не то.

– В следующий раз?! – крикнул он. – Как я могу простить это себе? Вырвать душу, вырвать глаза? – Его взгляд стал горячечным, голос то поднимался до крика, то срывался до едва слышного шепота: – Теперь я знаю, знаю, почему мертвые лежат, а не стоят. Смерть – просто жадная похотливая шлюха. Я расскажу это всем... я напишу ее истинный портрет! Для нормальных людей существует эта спасительная иллюзия реального мира, не позволяющая им сойти с ума. А я... Я вижу все эти существа, копошащиеся вокруг... И его, и его... И тебя, убийца, убийца!.. – закричал он, глядя на закрытую дверь. – Я не знаю, о чем ты... – отшатнулся он. – Я не хочу тебя слышать! Я не понимаю твои слова... я не знаю, что значит «посмотри в Интернете»!..

– В Интернете? – Маша моргнула, туповато посмотрела в угол у окна, где еще недавно стоял Мир Красавицкий, и испытала озарение.

«В Интернете» – объясняло сразу и все!

Ведь Мирослав тоже пришел сюда из Настоящего. Без магического ключа, без заклęcia, без ритуала...

Для мертвых не существует законов реального мира, для них не существует времени, не существует границ между Настоящим и Прошлым!

Вот почему в Киеве постоянно находят все новые и новые работы Котарбинского. И будут находить их без конца. Потому что он без конца рисует все новых и новых усопших. И все они приходят сюда без труда. Даже те, кто умер недавно. Мертвые знают, они чувствуют, что удивительный художник-мистик Вильгельм Котарбинский видит их. И все они хотят, чтобы он написал скорбные истории их жизни и смерти...

Точно так же к Котарбинскому пришла и она, Ирина Ипатина!

Не некромант, не переселившийся Дух Бездны, а обычная девушка.

Мертвая девушка!

Значит, она умерла...

И стала привидением. Или все же некромантом, способным повелевать своей душой даже после смерти?

– Убийца отца, она здесь. Скажите мне, она сейчас здесь, в

вашей мастерской? – требовательно спросила Маша художника. – Вы можете задать ей вопрос, спросите ее...

Но Котарбинский не слышал – не слушал ее, он опустил-ся на стул, опустил пшеничную голову, слыша только свое безутешное горе.

– Она умерла... Ася умерла... – всхлипнул он. – Уходите... прошу... я больше не желаю вас видеть... Вас всех... – он в отчаянии закрыл лицо руками и склонил голову на захламленный эскизами стол – как на плаху.

Желая утешить его, Маша шагнула к художнику и остановилась, заметив очередной неоконченный рисунок...

Закрыв лицо руками, безутешный мужчина сидел на ступени – его властно обволакивал белый туман, напоминавший по форме юную девушку.

На картине не было видно лица – лишь бледную руку, которую безликая туманная дева тянула к сгорбленному горем страдальцу.

Большой, накрытый вышитой скатертью стол в центре круглой комнаты Башни Киевиц, уже был уставлен кубками из червленого серебра и посудой со всевозможною снедью.

Кровяные колбасы – любила Киевица Ирина.

Борщ с балабушками – любила Киевица Ждана.

Утка с яблоками – любимое блюдо Персефоны.

Киевица Михайлина любила заедать сырами магическую настойку на белом вине, Киевица Забава – шампанское с устрицами, демократичная Киевица Ольга предпочитала вареники, а Киевица Роксолана – русальскую яичницу из трех десятков яиц, замешанных на пяти заклинаниях. Кто из них любил жареную картошку, кабачки, голубцы, заливное, икру, салаты и прочее – Даша Чуб уже не запомнила.

Но на все это изобилие не рекомендовалось даже смотреть, еще лучше – даже не нюхать, чтоб не сойти с ума от вожделения.

От горячей еды шел такой изумительный пар, что Землепотрясная то и дело глотала слюни и демонстративно зажимала пальцами пухлый и возмущенно сморщенный нос.

– И все это мы не должны есть, пока оно не остынет и не станет совсем холодным? Вася – садистка! – громко проскандировала она в сторону кухни. – Вася – тиран и деспот!

– Просто, пока идет пар, им питаются душечки. Мертвые могут угоститься лишь паром от еды, – объяснила Акнир. – Потому, пока она горячая, едят как бы они...

– А нас в это время можно морить голодом, да?

– Это Деды...

– А по-моему, это дедовщина!!!

Чуб с болью посмотрела на жареную картошку и кабачки:

– ОК, не знаю как, но давай попытаемся еще поработать...

От ритуального огня в камине стало так жарко, что Даша и Акнир перемещались по ковру босиком.

На полу, на ковре и диване неровными стопками лежали распечатанные из Интернета картины Вильгельма Котарбинского. Некоторые из них были разложены на ковре в виде длинных «змей».

– Вот этот мне больше всех нравится, – показала Даша на самую длинную «змеюку». – Готический комикс «Русалка». Точнее, он называл ее «Гоплана» – это типа русалка польски. Смотри, – рука Чуб легла на первую картинку, – вот на первой картине девушка тонет в море и всплывает утопленницей. На второй – она превращается в русалку, на третьей – резвится с другими русалками в море, на четвертой – влюбляется в живого парня и ластится к нему волной, а вот – волна уже захватила его, убила, и теперь она ласкает утопленника... Гоплана получила любимого. Котарбинский написал целую сказку! – А ты на что смотришь? – спросила Чуб.

– На «Войну».

Акнир положила рядом две открытки с двумя разными девами. Обе с мечами в руках, но одна – еще молодая, а вторая – усталая, темнокрылая, с темными кругами вокруг глаз.

– Он нарисовал войну два раза. Но разной... И в XX веке было две мировые войны. Причем вторую он не застал: умер на двадцать лет раньше. Но предсказал ее. Он предсказал

даже холокост, – Акнир показала на зависшую над головой страшной дамы-войны черную шестиконечную звезду Давида.

– Ну и могильно-поминальная тема в его творчестве развита очень, – указала Даша на разложенную в виде пасьянса коллекцию изображений могильных памятников, прекрасных покойников и покойниц.

«Могила самоубийцы» – кладбищенский камень, помещенный одиноким белым цветком, из корня которого течет черно-красная кровь. «Кончено» – прекрасная дева, испускающая последний вздох на смертном одре. «Дочь Аира» – лежащая на поминальном столе в окружении огней и плакальщиц. «Умиравший воин», «Смерть гладиатора», «Смерть кентавра», «Смерть орла», «Предчувствие смерти», «После смерти»...

– А Катя еще говорила, что он был веселый оптимистичный человек, – буркнула Чуб. – А я вот так погляжу... Либо трупы, либо кладбища, либо поминки, – сказала она, откладывая в сторону все погосты, надгробия, колумбарии и урны с прахом. – Буквально руководство по празднованию Дедов.

– Но ведь Деды – вовсе не грустный праздник, – сказала Акнир. – В этот день ты можешь встретиться со своими близкими душечками, поговорить по душам, вспомнить все лучшее о них... И картинки Котарбинского вовсе не грустные. Интересно, если он видел призрак бывшей жены, возможно, он видел и другие привидения?

– И давно вид привидений стал поводом для оптимизма? – полюбопытствовала Чуб. – Вау! – возопила она. – Я нашла! Разве это не наша девочка? – Землепотрясная вытащила из вороха неразобранных картинок одну, с названием «Чайки». – Взгляни-ка на личико...

В воде, среди водяных лилий, лежала очередная красавица утопленница. Над ней кружили белые птицы.

– Утопленница? – сказала Акнир. – Похожа, похожа. То же лицо! Это она – Ирина Ипатина!

– Но наша Ирина не утопла, – запротестовала Даша. – Или она таки утопилась? Не смогла простить себе, что убила отца? А чё, совершенно реальный вариант. В нее вселился Дух Бездны. А когда она пришла в себя, то пришла в такой ужас, что бросилась в воду. Ты только подумай! Как такое во-още пережить? Вчера у тебя было все прекрасно, все здорово – платье, кольца, фата, торт, лимузин. Ты выходишь замуж... и вдруг – все. Конец! Конец свадьбе. Конец жизни. Всему... Разве можно вообще простить себе, что ты папу убила? И так страшно. Так глупо. Оттого что типа чересчур напилась... Все, я больше вообще никогда пить не буду! И даже ее sms-ка – предсмертная: «Я ухожу навсегда». Смотри, – Даша положила рядом уже детально изученную картинку «В тихую ночь», – мы раньше не придавали значения, но ведь здесь душа девушки выплывает из туманной воды. Из той самой воды, в которой она утопилась! Только тут день, а в «Ночи» – звездная ночь. И вода успела покрыться туманом.

Акнир посмотрела в окно – солнце давно и окончательно сгнуло. Туман уже начал пеленать Город белым прозрачным саваном.

– Если она утонула, – сказала юная ведьма, – это объясняет, почему Город не видит ее. Зато ее должна видеть Водяница. Боюсь, она как раз засыпает... Но мы успеем. Бежим.

– Куда? А-а... все равно, – Даша возмущенно покосилась на ломящийся от запретной еды праздничный стол. Поняла: еще немного, и вкусные запахи доведут ее до спазмов в горле, истерики и революционного бунта! – Лишь бы подальше от вашего издевательства. – Землепотрясная быстро схватила со стола свой черный нашейный платок и обнаружила под ним другой предмет: – Ой, Катина... то есть уже Машина брошь... красивая, кто бы мне такую подарил! А камень в ней, кстати, не такой уж и маленький. Надо же... утром мне казалось, что этот бриллиант совсем крохотный... А он скорее большой.

– Странно... Но нам нужно спешить, – Акнир увлекла Дашу к выходу.

Дверь в Башню Киевиц затворилась.

Огонь присмирел, словно без зрителей рыжим языкам пламени стало скучно плясать. Пол скрипнул, как суставы человека, сбросившего груз и лениво расправившего затекшие члены.

Уснувшее красное варево в трехногом горшке пробудилось ото сна, принялось бурлить и бурчать, предупреждая на

своём, красно-речивом языке о неизвестной опасности. Пар над варевом вновь покраснел, устремился к окну. А лежащая на столе бриллиантовая брошь-бабочка в магическом стиле модерн испустила тонкий луч света.

Луч неуверенно коснулся пола, сделал осторожный «шаг» по ковру и вдруг стремительно разросся в высоту, в ширину, становясь густым, обретая контуры прозрачной женской фигуры – высокой, как сама башня, с длинными волосами, округлым лицом и трагической складкой рта.

Белая женщина огляделась вокруг и медленно разошлась по комнате сотней рассеянных бликов.

Глава седьмая
Провалля

Проезжая в последнем вагоне мост Метро, Даша оглянулась. Дом-монстр маячил рядом с Мариинским парком и портил вид даже отсюда... туман еще не успел откусить голову проклятой крепости.

Зато макушка колокольни Печерской Лавры на Правом берегу Днепра уже утонула в тумане – казалось, купол ушел в небо, как в зыбучие пески.

Отсюда, с Левого берега, было видно, как туман наступает на Город со стороны Выдубичей – обволакивает его пеленой.

– Ох, Мамки туманят... – поощрительно сказала Акнир.

– Мамки? – отреагировала Даша. – Они имеют отношение к туману?

– Про круговорот воды в природе слышала?

– Ну да...

– Помнишь, почему наши предки поклонялись родникам, рекам, колодцам как богам? Потому что вода – один из переходов в мир мертвых. Ну а туман, как ты знаешь, тоже вода. Он возникает из нее и возвращается туда же.

– Туман – это души умерших? Мертвые приходят к нам в виде тумана?

– Часть из них. Иные – в виде дождя. Иные – иначе... Но в этом году тумана будет особенно много. Водяница согласилась отпереть все свои воды, чтобы душки могли поприветствовать новых Киевиц.

– А почему они не приветствовали нас в прошлом году?

– Ты разве не помнишь? Вас не было в Городе, вы занимались делом «Алмазного кубка»... я думаю, Киев специально удалил вас.

– Зачем?

– Те Деды были посвящены прощанию с моей мамой. Эти посвящены уже вам, – сказала Акнир, корректно опуская тот факт, что прощаться с погибшей Киевицей было лучше в отсутствие новых Киевиц, косвенно виновных в ее гибели.

– Понятно.

Остаток дороги Даша молча прислушивалась к стуку колес.

Вынырнув из недр Печерских холмов, поезд метро мчался через холодный и серый Днепр, и вагон пронзили невидимые стрелы сквозняков. Стоявшая напротив Даши девушка в легком белом плаще тряслась как хрестоматийный осиновый лист, обнимая себя обеими руками. Парень в бейсболке тщетно попытался подтянуть воротник ветровки до самых ушей. Деды оказалось одним из тех обманных осенних дней, когда утром еще почти лето, а вечером уже почти что зима...

Поезд замедлил ход, простужено чихнул и остановился на станции «Гидропарк».

Даша и Акнир вышли из вагона метро на открытый безлюдный перрон, и Чуб безрадостно огляделась. Донельзя оживленный в летнее время, сейчас пляжно-развлекательный остров меж Правобережным и Левобережным Киевом был почти мертв. По перрону гулял ледяной днепровский

ветер. И Землепотрясная плотнее замотала вокруг шеи свой черный платок с веселыми черепушками и впервые пожалела, что надела сегодня не брюки, а короткую юбку. Она с завистью посмотрела на черное пальто-свитку Акнир, вышитое по краям магическим узором от холода – дочь Киевицы не замерзла бы в ней даже в лютый мороз. Нужно вышить так же и подол ее мини!

Пройдя через подземный переход, они миновали уже закрытое на зиму кафе «Русалочка» с хвостатой девой на вывеске. Слева, в гуще полураздетых деревьев, виднелись законченные на зиму аттракционы: качели и карусели с потускневшей, успевшей облупиться краской. Большинство касс, киосков, ресторанов, кафешек и прочих развлекательных заведений были пусты и заколочены. Но откуда-то все еще слышалась музыка. По центральной аллее прогуливались немногочисленные любовные парочки и семейные пары с детьми.

– А почему Водяница засыпает в Гидропарке? – спросила Чуб.

– Я точно не знаю, так девочки на Лыске болтают. Они теперь с русалками шепчутся, у нас же официально объявлена дружба народов. И если они ошибаются, то плохо – придется рыскать по Киевскому морю, – уныло сказала ведьма.

– Но почему Гидропарк?

– Любимая кукла. Помнишь, я говорила, что он не всегда был островом. Всего лет сто пятьдесят назад он был частью Левобережного Киева. Но после одного из наводнений вода

отделила от берега этот кусок. То был официальный подарок одной из Киевиц – Водянице. С тех пор вы никогда не дарили ей землю в центре Города. И водные ею до сих пор дорожат.

Чем дальше они уходили от центра парка, тем глуше были голоса немногих гуляющих, тем иллюзорней казались слабые звуки и слова заезженной попсовой песни «Remember, Remember...». Свернув налево, они дошли по дорожке к запертой за голубым решетчатым забором уснувшей лодочной станции и вновь повернули. Асфальт закончился. Минут шесть-семь спустя бездорожье привело к небольшому, прорезающему остров рукаву Днепра. На пустынном берегу росло живописное дерево из четырех сросшихся вместе стволов – один из них склонился над водой.

Судя по всему, здесь недавно прошел дождь – ослепительно желтые листья лежали на мокрой земле, похожей на сверкающее серое зеркало, и Даша поймала себя на том, что не может понять, где заканчивается земля и начинается вода... А желто-красные листья с прожилками на мокрой земле до смешного похожи на золотых аквариумных рыбок с огненными, разделенными прожилками хвостиками.

Акнир подошла к дереву, достала из кармана небольшой пузырек, раскупорила и с приговором вылила в воду. Чуб ощутила ужасающий запах рыбы и еще другой – незнакомый ей, но тоже неприятный и резкий.

Из воды внезапно повалил густой пар, точно рукав превратился в громадный котел. Но полминуты спустя белая ки-

сея развеялась, юная ведьма подозвала спутницу движением руки, и, облокотившись на почти горизонтальный ствол дерева, как на перила, Даша Чуб увидела в темной воде Водяницу.

Высокая обнаженная женщина лежала на дне. Ее глаза были закрыты, руки сложены на груди – она походила бы на спящую, а еще больше – на мертвую, если бы не волосы... Длинные, во всю длину ее роста, кажущиеся сейчас серо-голубыми, они непрерывно двигались, скользили по телу, обнимая и пеленая его. Похожие на длинных и тонких змей, локоны то выпрямлялись, то извивались, ощупывая дно, как хищные щупальца, – волосы водной царицы никак не могли успокоиться.

– Светлая Водяница, от имени Трех ясных Киевиц приветствую тебя, – сказала Акнир.

– По что вы пришли? – Водяница не пошевелила губами. Глухой замогильный голос исходил из глубин ее тела – из-под слоя воды. Ее веки не дрогнули. Но волосы, вмиг ставшие темно-синими, задвигались, заколебались, их кончики стали походить на грозящие им строгие пальцы, недовольные тем, что пришедшие потревожили их.

– Мы пришли по душу новопреставленной Ирины, – сказала Акнир. – Она у тебя?

– Я отворила воды... Я открыла проход... И закрою его перед смертью... Смерть ждет всех. – Волосы Водяницы улеглись на дно с видом послушной собаки, свернувшейся у

ног хозяина.

– О чем она? – шепнула Даша. – Какая смерть?

– Все нормально, – ответила ведьма. – Она имеет в виду зимний сон. Смерть воды подо льдом. Это мы, городские и порченые, а она – часть природы. А для природы жизнь, смерть – бытовые понятия. Эх, делать нечего, иначе не скажет.

С видимым сожалением дочь Киевицы бросила на мокрую землю свою небольшую лаковую сумочку, встала на нее коленями и приняла позу просительницы, согнувшейся в глубоком поклоне:

– Светлая Водяница, прости, что тревожим тебя в час Макошья, в канун Кратуна. Но нам надобно знать, есть ли среди твоихвил новая, по имени Ирина Ипатина?

– Я не знаю такой новой вилы...

– Вода знает ее. Посмотри, – Акнирам достала из кармана ксерокопию «Чаек», аккуратно опустила бумагу на водную гладь и утопила ее, приближая к лицу Водяницы.

Волосы Водяной девы зашевелились – они злились, били, как кошка хвостом. Водяница не желала поднимать веки.

– Оставьте, я хочу спать!.. Мои глаза на той стороне, они незрячи... вода холодна, мне не понять ваших чувств. Зачем вы пришли?

– Прости нас, Светлая Водяница, – покаянно повторила Акнир. – Прости, что побеспокоили тебя. Пусть твоя смерть будет светлой.

– Ирина? – Внезапно вода помутнела. На краткий миг царица приоткрыла глаза.

– Да, – быстро отозвалась Акнир. – Так звать ту, что посмела нарушить покой Вечного Города.

– Туман знает ее! Идите в конец Провалля. Ступайте вслед за Туманом... И передайте моей Ясной Пани: сегодня она узнает то, что желает узнать!

Водяница ударила рукой по воде, и водная гладь стала мутной, совершенно непроглядной, а когда ил снова осел, днепровская дева исчезла. У их ног лежали холодные темные воды Днепра.

– Ясной Пани – это кому же из нас? – не поняла Чуб.

– Русалки сплетничают, что Водяница почитает лишь Катю. И это плохо.

– Плохо?

Акнир поднялась со своей лаковой сумочки и недовольно оглядела ее подмокший бочок.

– Конечно, плохо, что в Городе раскол. Демон влюблен в Машу, Вася предана исключительно Кате...

– А ты?

– Моя мама верила в Трех. И я верю. Жаль, вы никак не научитесь работать вместе.

Все это не было особой тайной для Чуб.

– А что значит в Провалле? Куда она посылает нас? В бездну?

– Дух Бездны находится в бездне. Красиво! – Акнир на-

скоро прочитала над сумкой заклятие восстановления. – Проваллем, – пояснила она, – в Киеве издавна называют несколько мест. И конец Провалля – аллея к Зеленому театру. Ты вроде говорила: при жизни Ирина часто гуляла там...

Около получаса спустя Даша и Акнир вышли из перехода на Европейской площади.

Возле металлической радуги за филармонией они свернули направо – но пошли не вверх, по ступеням, к бывшему Царскому саду и мосту Влюбленных, а вниз – на неведомую, не изведенную большинством киевлян нижнюю террасу горы и дорогу, выющуюся в сторону Зеленого театра.

Пройдя метров двадцать, они и впрямь точно угодили в Провал – даже сейчас, в середине дня, людей на тропе не было вовсе. И не только людей, но и примет их пребывания здесь. Лишь в самом начале пути им встретила яркая пара: на дороге у каменного парапета стояли две девушки: одна с макияжем и черными ногтями типичного гота в ослепительно белом длинноволосом парике и широкой бархатной юбке до пят, вторая – с большим длинноносым фотоаппаратом в руках.

– Фотосессия, – присвистнула Землепотрясная Даша. – К Хэллоину девки готовятся... Самое место!

Место действительно было колдовское, в «двух шагах» – в двадцати метрах вниз от самого сердца Киева – Парламентской библиотеки, Верховной рады, администрации президента – Город вдруг превращался в лес, в безлюдную чашу.

Языческая красота отчаянно-желтой колдовской киевской осени навалилась на них со всех сторон.

Солнца не было, но желтизна заменяла лучи.

Мир вокруг неприлично походил на страшно-прекрасную сказку

Мир вокруг был желт – снизу доверху. Желтая гора поднималась вверх – к общественному парку, желтая гора падала вниз, дорогу им усыпало яично-желтое золото. Небо почти полностью перекрывали склон горы и кроны деревьев, лишь прямо над головой можно было увидеть небольшой просвет, но и его уже заволок туман. И они словно угодили в середину громадного яйца – с туманным белком и желтком из янтарных листьев.

Тотальная, всеобъемлющая желтизна действовала странно: настроение поднималось, становилось бравурным, точно тебе вкололи дозу витаминов. Или наркотиков! Безлюдность пленяла; ты ощущал себя владельцем бесконечно-туманной оранжевой тайны, спрятанной под самым носом у центрального – официального, президентского, депутатского – Киева.

И было трудно поверить, что в каких-то двух шагах от

этой безлюдной тропы начинается центральный Крещатик, улица Грушевского, стоит Кабинет Министров и очередные демонстранты с плакатами, и депутаты привычно жмут пятью пальцами пять кнопок сразу, дерутся и самозабвенно бросают друг в друга дымовые шашки...

– А ты знаешь, что горожане считают Лысой Горой это место? И у них есть доказательство, – шутливо сказала Акнир. – На ее вершине стоит наша Рада, где собирается главная нечисть.

– А внизу, пока в Зеленом театре не открыли клуб, тусовались студенты и сатанисты, – показала осведомленность Чуб. – Хотя я слышала, клуб недавно снова закрыли...

Колдовская тропа не чуждалась людей – пару раз на обочине встречались семейства пеньков. Старший из них был столом, меньшие – стульями. Тропа ждала и привечала гостей, но лишь избранных и самых бесстрашных – любое преступление, случившееся здесь даже в самый разгар дня, наверняка бы прошло незамеченным. Как и встреча любовников...

Из-за поворота показалась еще одна парочка – он и она – девочка в красном вязаном шарфике и забавной шапочке с двумя помпонами-ушками, парень, приобнимавший ее так, словно ведет по дорожке самую ценную вещь на земле. Влюбленные – особые звери, водятся в самых непригодных для жизни местах, ибо сама любовь – непригодна для большого официального мира и нуждается в нычках и тайнах.

И Даша невольно вздохнула «Где ты, моя настоящая любовь?»

И спросила:

– А как по-твоему, Маша и Мир счастливы?

– Считаешь, что нет? – растолковала ее вопрос Акнирам.

– Ну, вроде бы да... такая сладкая пара, да еще и с дитем.

Но иногда мне кажется, Маша его просто использует – прямо как некромант души мертвых. Хоть сама Маша этого не понимает, наверное. Думает, что любит его.

– Не любит?

– Не знаю... но что-то в их отношениях не так – слишком они сладкие! Будто они все свои проблемы глазурию сверху залили, чтобы их не видеть во-още!

Чуб подождала ответа. Она не сомневалась: Акнир есть что сказать. Но дочь Киевицы и Помощница Главы Киевских ведьм великомудро промолчала. И Даше пришлось сказать это самой:

– Ты не думай, мне плевать что он – привидение. Я вообще за все формы любви – голубую, розовую, призрачную. Но ведь Мир не влюбился в Машу. Однажды он выпил моей Присухи. Это я случайно приворожила его к ней... потом он умер и оказалось, что это, типа, уже навсегда. Но что будет, если кто-то все же его расколдует? Он будет любить ее?

Парень и девушка исчезли... Акнир остановилась, вздохнула.

– Любые отношения, замешанные на сильной Присухе,

опасны. И у каждой привязанности есть два конца. Душа Мира привязана к Маше. Но и Маша привязана к Миру, и еще неизвестно, чья связь сильнее – слишком у них все намешано: и Присуха, и смерть, и любовь. Лучше не лезь туда... И нам лучше не отвлекаться сейчас. Мы не на прогулку пришли. Мы ищем Ирину Ипатину. Или ее следы. Иначе, зачем Водяница послала нас в это Провалля?..

Дочь Киевицы достала из кармана дизайнерского пошитого а-ля украинская свитка пальто небольшой зеленый мешочек, а из него – маленькую костяную женскую трубочку, уже заправленную травяной смесью. Осторожно взяла тонкий мундштук двумя губами, чиркнула спичкой... и секунду спустя из трубки выполз тонкой красной змейкой дымок, и по необычному запаху Чуб поняла: это отнюдь не табак и не банальная травка.

Багряная змейка затанцевала, как кобра, исполняющая змеиный вальс под дудку факира. И, сделав несколько «па», вырвалась на свободу – оторвалась от трубки и полетела вперед, указывая им направление пути.

Некоторое время они шли молча.

Неровная горбатая дорога то подбрасывала их вверх, то круто опускала вниз. Порой казалось, что Провалля штормит и у волшебной тропы – качка.

Огненная змевица оказалась не лишней. Преодолев еще метров двести, они оказались в огромном коконе туманной ваты – в отдельном маленьком мире, оторванном от всех. Те-

перь их единственной путеводной звездой стала розоватая змейка.

Но Даша Чуб никогда не боялась стрёмных городских нычек и лазов. В том числе и тропы, ведущей к овейанному городскими страшилками Зеленому театру, именуемому в простонародье «зеленкой».

Чем дальше они шли за змеей, тем бравурней был Дашин настрой, тем чаще Чуб радостно пинала ногами ворох листьев, подпрыгивала, напевала, тем лучше понимала, за что Ирина Ипатина любила эту дорогу. Тем больше верила, что убийство приемного отца было страшной, дикой ошибкой! Делом рук неизвестного Ангела зла.

Не может человек, влюбленный в эту колдовскую тропу, – быть таким уж плохим!

Тропа словно с каждым шагом заряжала ее первозданной природной силой.

– Здесь на самом деле есть точка силы, – прочла ее мысли Акнир. – Если Ирина была некромантом, понятно, почему ей нравилось здесь. Место давало ей энергию, – в отличие от Даши, пристрастие Ирины к тропе юная ведьма оценила отнюдь не в пользу последней.

– Я бы тоже любила гулять здесь, если бы рядом жила, – защитила девушку Чуб. – Это значит, что я – некромантка?

– Это значит, что ты – ведьма, – сказала Акнир. – Потому тебе здесь так хорошо. И мне хорошо. А поскольку каждая третья киевлянка обычно потомственная ведь...

– Про потомство расскажешь потом, – сказала Чуб и быстро показала пальцем куда-то вперед.

Огненная змейка тоже метнулась в указанном направлении – вперед и направо, вспыхнула и исчезла прямо над головой пятого человека, встреченного ими на этой бесконечной тропе.

Но в отличие от девушек-готовок и вездесущих влюбленных, этот человек казался тут вопиюще неуместным. Он словно только что вышел из Кабинета Министров – темно-синее пальто, дорогой серый костюм, галстук и уже испачканные влажной грязью туфли из тонкой кожи не подходили для прогулок по тайным тропинкам. Зато поза его объясняла многое: он пристроился чуть в стороне от дороги, согнувшись и держась обеими руками за ствол дерева, рядом валялась пустая бутылка водки. Если он выпил ее в одиночку, не удивительно, что он едва стоял на ногах.

– Это же Егор! – нетерпеливо толкнула спутницу Даша. – Жених Ирины. Помнишь, вдова говорила, что он как-то держится. Она ошибалась... Он сейчас упадет. Вот!..

Не удержавшись на своих двоих, Егор рухнул во влажную перину из желтой листвы. Даша бросилась было ему на помощь... но замерла в позе бегуны с выставленной вперед правой рукой.

Ибо случилось нечто странное... невозможное!

Белый туман ожил.

Даша почувствовала это раньше, чем увидела.

Туман, обволакивающий тропу мистическим коконом, вдруг превратился из колдовского пейзажа в портрет. Подобно Афродите, появившейся на свет из белой пены, в тумане рождалось нечто – и это нечто билось в тумане, как кот в мешке, вырываясь наружу, желая обрести свою жизнь.

А затем лежащая на кронах деревьев полупрозрачная перина сместилась, потянулась к мужчине десятками тонких и длинных пальцев.

Множеством человеческих рук!

«Туман – это души умерших?..»

«Мертвые приходят к нам в виде тумана?»

Полупрозрачные руки коснулись мужчины в пальто, упавший на землю забился, как эпилептик, суча ногами, издавая хрипящий и мучительный звук.

«Туман знает ее!»

«Ступайте вслед за Туманом».

Туман, подобрался, поджал живот, слившись в огромный густой ком, и пал камнем вниз. Егор исчез в белой мгле, став размытым пятном. Пятно заорало – невыносимо, истошно:

– Помогите!

Словно холодный туман жег его адским огнем.

– Помогите мне!

Выйдя из ступора, Даша слепо побежала на звук.

– Стой, стой, – вцепилась в ее одежду Акнир. – Не подходи к нему!

– Почему? – рассерженно крикнула Чуб, отталкивая спут-

ницу.

– Быстро рисуй над ним Круг Киевиц.

– Я плохо рисую...

– Хоть как-то!

– Я во-оше не вижу его...

– Рисуй наугад!!!

– Помогите!!!..

Крик несчастного сбивал Дашу, мешая сосредоточиться. Неуверенной рукой она принялась описывать в воздухе Круг и почувствовала, как указательный палец наткнулся на непонятную преграду. И преграда эта была леденисто-холодной – как сама смерть, как треклятый мертвецкий туман. Кто-то словно схватил ее за палец мокрой ладонью. Она взвизгнула и отпрянула.

– Помо... ги... те! – выл в тумане невидимый Даше Егор.

Сделав усилие, Даша все же преодолела невидимое сопротивление и закончила Круг Киевиц. И едва она завершила окружность – отчаянный душераздирающий вопль прекратился, перешел в тихий стон.

Туман рассеялся – сбежал, будто его сдуло ветром.

Неподвижное тело Егора, утопая в листве, лежало чуть в стороне от дороги.

– Теперь ты дашь мне позволение к нему подойти? – бурчливо спросила Даша Чуб и, не дожидаясь ответа на риторически-вредный вопрос, подбежала к лежащему, не раздумывая, рухнула перед ним на колени, склонилась...

Светлоглазый, верный и преданный («в тюрьму из-за нее сядет, но поможет») красавец жених понравился ей еще там, на фото в гостиной!

И на первый взгляд «эпилептик» был жив и здоров – лишь дышал тяжело и глядел в небо бездумными глазами человека, пережившего тяжелый мучительный приступ и еще не успевшего поверить, что страдание ушло. Погруженный в свою боль, он, кажется, только сейчас заметил их появление – посмотрел на Землепотрясную так, будто впервые увидел ее, не спросил ее ни про Круг, ни про Киевиц.

– Как вы себя чувствуете? Вы меня слышите? – сердобольно спросила Даша.

– Кто вы?

– Мы мимо шли... Вам нужна помощь?

– Не знаю, – Егор сел на землю, втянул голову в плечи, нервозно огляделся вокруг. Его пальто и серый костюм были безнадежно испорчены, но он не обращал внимания на влажные грязные пятна.

– Вам плохо? Может, вызвать вам скорую? – подошла к ним Акнир.

– Нет смысла. Мне уже лучше, – в его словах было лишь неприкрытое желание избавиться от них.

– Вы ведь Егор, – утвердительно сказала Даша Чуб.

– Мы знакомы? – осведомился он не слишком дружелюбно, но без раздражения и впервые посмотрел на нее внимательно.

– Мы утром звонили вам. Мы должны были встретиться в пять часов. Ваш телефон нам дала мать Ирины, чтобы мы могли помочь вам с похоронами.

– Спасибо. Но мне не нужна помощь, – он сразу потерял к ним интерес. Осторожно потрогал свое горло.

– Это ваша? – Акнир указала на лежащую неподалеку пустую бутылку.

– Нет, я не пил... она не моя, лежала тут... здесь много такого добра... я просто пришел сюда. Мы раньше часто гуляли с ней здесь... Ирина всегда назначала мне свидания рядом с «зеленкой».

– И сейчас назначила? – невинным голосом задала вопрос Чуб.

Он скривился, как от внезапного спазма:

– Что-что?

– Она ведь вам пишет? Ира прислала вам sms и назначила свидание? Здесь?

– Нет. Я не знаю, где сейчас находится Ира, – сказал он быстро заученно-нейтральным голосом. – Я просто пришел сюда, потому что думал о ней... и мне стало плохо.

– Мы видели. У вас раньше были такие припадки?

Егор не стал отвечать:

– Прошу простить меня, мне нужно идти. У меня очень много дел. Завтра похороны.

Он встал, пошатнулся на нетвердых ногах, огляделся, скользнув по ним взглядом, уже не отличая их от неодуше-

ленных предметов – стволов, пеньков, дороги, столбов... Рефлекторно, словно стараясь защититься, обнял себя одной рукой за плечо и с неподдельным, нескрываемым страхом посмотрел на туман, прятавшийся сейчас высоко в листьях деревьев, – лишь туман казался Егору реальным собеседником, живым, одушевленным и вызывающим ужас.

– Спасибо, что не прошли мимо, – почти скороговоркой сказал он. – Мне действительно не нужна помощь с похоронами. Пусть Ада Антоновна ни о чем не беспокоится. Помогите лучше ей, поддержите ее. Прошу прощения. – Он двинулся прочь быстрым шагом. Но через десяток шагов не сдержался, припустил, почти побежал прочь – стараясь поскорей унести ноги из туманного Провалля.

С минуту Даша и Акнир смотрели, как он удаляется от них по желтой дороге и скрывается в белом сумраке.

Затем Чуб недовольно оглядела свои грязные коленки.

– Тю!.. Чулки порвала! – она придиричиво изучила хэллоуинскую расцветку в виде кровоподтеков и ран и не расстроилась. – А вообще, так даже лучше – креативней. Дырки однозначно вписались в дизайн... еще бы настоящей крови добавить...

– Лучше обойдемся без крови, – мрачно сказала Акнир.

– Но ведь Егору теперь ничто не угрожает? – уточнила Даша, подтягивая чулки.

– Нет. Круг Киевиц защищает его. Теперь она до него не доберется.

– Думаешь, это она? Ирина заманила его сюда, чтоб убить? Она прислала ему sms с того света? Она сейчас здесь? – вмиг потеряла оправдательную версию Чуб. – Ты вообще видела эти белые руки? А на нас туман тоже может напасть? – она поежилась, на туманной аллее стало сыро и холодно. Тропа перестала быть радостно-желтой – туман опускался вниз, окрасив деревья в пегую марь, заключив их в белую клеть, окончательно отрезав от мира.

– Вот и Мамки пришли, – устало сообщила Акнир.

– Что же нам делать теперь?

– Ничего, – резковато ответила ведьма. – Для Егора мы сделали все, что могли. А нам туман ничем не грозит. Для того Киевицы и чествуют душечек, чтобы Мамки с Дедами служили не только некромантам, но и нам – помогали и защищали. Пора возвращаться в Башню, пригубить рябиновку, разделить с ними хлеб. А то душики обидятся... Да и у Маши как-никак день рожденья.

– Ну нашу Машу и угораздило родиться вообще, – Чуб присела на влажный от тумана пенек и принялась чепурить свои креативные дырки.

– И это объясняет в ее характере многое. Точнее, все, – сказала ведьма. – Акнир снова достала свою белую трубочку из кости с тонкой резьбой, распалила ее, вызывая к жизни путеводную змейку. – Все мы похожи на дни, в которые мы родились.

– Типа знака зодиака?

– Катя, например, родилась в ноябре, почти в полной тьме... И тьма в ней сильна. Тьма идет из нее. И еще неизвестно, победит ее тьма или она победит свою тьму и станет ее повелительницей.

– А я?

– Ты родилась в дни Перунового лета, в дни всеильного огня.

– Только что-то мой огонь не особо горит.

– Он-то горит. И не его вина, что ты до сих пор не поставила на него даже кастрюльку, чтобы сварить себе хотя бы завалящую кашку, – хихикнула ведьма. – Но Маша... – Акнир покачала головой. – Она появилась на свет в тот день, когда целый мир оборачивается назад и всматривается в Прошлое. Потому она и стала историком, потому видит Прошлое так ясно и так далеко. Так любит его... И еще потому она, единственная из вас, не боится смерти.

– А я что, боюсь? – оскорбилась Даша.

– Ты не боишься рисковать, а она – умирать. Ведь она родилась в Дни Смерти, в Дни окончания времен, когда заканчивается свет и начинается тьма. Вот кто мог бы познать настоящее Провалля, дойти до любой его глубины, даже до Ада. И вернуться обратно. Смерть – часть ее «я». Как и возрождение. Потому из вас Трех лишь она способна воскрешать мертвецов. Потому что в день, когда она родилась, жизнь и смерть сплетаются в единое кольцо Уробороса, вчера и сегодня становятся неразделимыми, и то, что было, –

существует всегда.

– Угу, – не вняла ее патетике Чуб. – Умирать она не боится, а сказать мужику, что у них есть ребенок, так трясця от страха. Уй, класс! – хлопнула себя по креативным коленкам она. – У меня землетрясная мысль!

Глава восьмая

Асенька

Сумерки сгущались, но серость приближающейся ночи разбавлял странный белый туман. И прежде чем Маша повернула выключатель и зажгла в гостиничном номере электричество, ей показалось, что вокруг неподвижного окаменевшего в своем страдании художника собрался размытый белый нимб.

Ковалева подошла, положила руки на плечи Вильгельму Котарбинскому:

– Когда умерла Ася? – спросила она.

– Вчера. Завтра похороны, – бесцветно ответил он.

– Знаете, я недавно читала газету. Там описывали удивительный случай. Умершая дама ожила на столе в прозекторской. У нее был летаргический сон. Такое случается.

– Да, чудеса случаются, – безнадежно сказал он. – Но очень редко.

– Неправда, в такие дни вы видите чудеса каждый день, – с нажимом сказала Маша. – Взгляните на меня, – он послушно поднял глаза. – Я не могу сказать вам, кто я такая, но... Я обещаю вам, это случится. Ася воскреснет.

– Воскреснет?

– В прозекторской. Одевайтесь. Идемте... Она воскреснет прямо сейчас!

Котарбинский вздрогнул, крепко и жадно обнял свою собеседницу взглядом, схватил за руки и повернул их ладонями вверх. С полминуты он смотрел на них – смотрел так, будто на каждой из Машиных ладошек лежали пригоршни драгоценных камней, видимых ему одному. Затем снова посмотрел ей в лицо – потрясенно, озаренно.

– Вы умеете воскрешать умерших? – вымолвил он полупшепотом, и его похожее на скрученный осенней смертью листок, сведенное болью лицо разгладилось, засветилось утраченной верой в совершенство и бесконечность этого мира. –

Вы, верно, ангел?

– Нет, – сказала она. – Но разве к вам приходят лишь ангелы?

– Нет, – улыбнулся он светло и сладко, будто заранее радуясь приходу новых чудесных гостей и смакуя память о старых.

– Я обещаю вам, слышите, обещаю, – сказала она, – ваша Ася будет жива. Идемте к ней!

– Подождите! Вы слышите это? – спросил Котарбинский.

– Нет.

– Прошу, помолчите!..

Не отпуская Машиных рук, Котарбинский повернулся, посмотрел через правое плечо.

– Ася? – его возглас был необъяснимо радостным. – Асенька!

Последовав взглядом за ним, Ковалева не увидела там ничего, никого, но он продолжал глядеть, приоткрыв рот, то кивая, то неуверенно улыбаясь.

Сухими горячими губами художник поцеловал Машину ладонь, встал и отошел в дальний угол, поднял руку, нежно касаясь чего-то или кого-то невидимого. Его лицо расцвело, губы растянулись в блаженно-счастливой улыбке.

– Я благодарю вас, благодарю за участие, – энергично вымолвил он, – но я ошибался... Я не видел. Боль сделала мое сердце слепым. Я не замечал... Она ведь здесь. Моя Асенька здесь, в этой комнате! Она пришла ко мне! Она говорит:

теперь ни мой глупый брак, ни разница в возрасте, ни ее болезнь не помешают нам вечно быть вместе. Говорит, что ее смерть была неизбежна, так ей сказал доктор. Она старалась прожить подольше лишь ради меня. Но теперь, когда она знает, что может остаться со мной навсегда, она не желает возвращаться обратно. Возможно, вам покажется странной идея жить с призраком...

– Возможно, кому-то, – усмехнулась Маша, – но точно не мне.

Она вновь посмотрела туда, где еще недавно стоял Мир Красиавицкий, и, помедлив, переместила взгляд на кажущийся совершенно пустым угол, улыбнулась в туманную пустоту, в неизвестность – туда, где стояла незримая восемнадцатилетняя девушка. Маша не могла видеть ее, но знала, как часто теперь ее лицо будет появляться на новых сепиях Вильгельма Котарбинского. Знала, что вскоре в ином XXI веке снова найдут невиданные раньше картины... И странный, невозможный, казалось бы, хеппи-энд их истории помог ей решиться:

– Простите, у меня есть одна просьба. Вы ведь знаете Михаила Александровича Врубеля? Мне известно: его давно нет в Киеве. Но если вы все же встретитесь с ним, передайте ему, пожалуйста, что у него есть сын...

Светлое лицо Котарбинского потемнело, угасло. Он с видимой жалостью посмотрел на нее.

– Вы, видно, не знали, – покачал он головой. – Мне жаль,

что именно я должен сообщить вам столь печальную весть. Его больше нет с нами.

– Он... умер?

Киев снова привел Машу не в то время, не в то место! Точно сам Город не желал этой встречи – известного отца и неизвестного сына.

Конечно же, как она могла позабыть? Если гостиница «Прага» вымахала до 6 этажей и обзавелась буйной головой-рестораном, значит...

Ее Миши больше нет на земле.

«...ее Миши», – она давно не называла Врубеля так, но боль выскочила исподтишка, а вместе с ней – и забытая любовь.

– Вы, видимо, долго были за границей? – предположил Котарбинский. – Увы, разум покинул Михаила Александровича намного раньше, чем отлетела душа. Последние годы жизни он не помнил уже никого, не узнавал даже близких. Даже если бы я передал ему ваше послание... увы и увы... – испустив горький вздох, он подошел к столу, принялся перебирать лежащие в беспорядке эскизы и книги, фотокарточки, открытки, деловые бумаги. – Помнитесь, я оставил эту богомерзкую статью где-то здесь, – сказал он.

И Маша внутренне сжалась в комок, как перед ударом.

– Взгляните, – Котарбинский протягивал ей старую измятую и выцветшую газету «Новое время», открыл заложенную статью:

«Декадент, художник Врубель, совсем как отец декадентов Бодлер, спятил с ума...» —

прочла она.

И вздрогнула.

– Подобные вещи случались давно, когда Михаил Александрович еще обитал в Киеве, – сказал Котарбинский. – Друг Праховых, профессор психиатрии Сикорский первым предсказал нам беду. Он сразу узнал печальные признаки надвигающегося безумия... Он сказал, чтоб мы не бередили Михаила Александровича зряшными расспросами о его многочисленных странностях. Взять, к примеру, его случай с отцом...

– Не надо, не надо... я все это знаю! – Маша сама не знала, почему испытала столь резкую боль от до боли знакомых ей фактов, почему импульсивно заткнула уши.

(«Нет, нет, Мише не нужен такой отец!.. не нужен!»)

И все же, с тех пор как она приняла решение закрыть тему Врубеля – тема точно вернулась из небытия и упрямо ходила за ней по пятам, как безумный преследователь. И никакое заявление в полицию с требованием не подходить ближе чем на 200 метров ей не поможет...

Там, во Владимирском соборе, Город не закрыл – он словно открыл перед Машей невидимую дверь нараспашку и ждал: зайдет она в нее или не зайдет?

– Последний вопрос, – голос младшей из Киевиц был сухим и жестким – она не подпустила к глазам закипающих

слез. – Вы сказали, что здесь находится призрак убийцы.

– Да. Второй день подряд убийца приходит ко мне.

– И вы написали с убийцы «Дух Бездны»?

– Так и есть...

– Значит, вы знаете Ирину Ипатину, она представилась вам?

– Да, разумеется! Но в данный момент ее нет в моей мастерской. Отныне она совершенно в другом недоступном мне месте.

– Где же?

– Видимо, там, где ее портрет. И боюсь, эта картина таит в себе опасность...

– Опасность? Вашей работой опасно владеть?

– Мне трудно ответить. Но, полагаю, беда случилась с ее бессмертной душой, – произнес художник.

Вильгельм Котарбинский придвинул к себе зеленую папку и показал Маше седьмой, возможно, последний эпизод «Тихой ночи»: туманная дева прижималась к темнокудрому ангелу, оба они летели ввысь по звездному небу.

– Не могу объяснить, – сказал он. – Но ничего подобного уже не случится. Она изменилась. Быть может, сделала что-то ужасное... Но ее душа уже никогда не достигнет небес!

– Екатерина Дображанская? – открывшая дверь рыжеволосая художница застыла на месте и так тщательно прописала взгляд Катерину и Мира Красиавицкого, будто решила написать в воздухе их портрет. – Простите, – извинилась за заминку она. – Я еще никогда не встречала такой красивой пары.

– Мы не пара, – равнодушно прояснила ситуацию Катя. – Мир помог мне донести картину. Позвольте нам войти?

– Прошу вас... Не пара? – Взгляд «человека мира» Виктории Сюрской вцепился в Красиавицкого, как спущенный с поводка питбультерьер. – Молодой человек, вы позволите мне нарисовать ваш портрет? – спросила она Мира, едва они прошли внутрь.

Несмотря на то, что, по утверждению Вадима Вадимовича, известная художница редко бывала в Киеве, она оказалась обладательницей обширной мастерской, переделанной из чердака в старом киевском доме со стеклянной крышей. Других источников света в помещении не было. И на квадратных стеклах громадного окна в небо уже разлёгся непроглядный туман.

– Простите, мне это не интересно, – отказался от предло-

жения Мир.

Виктория оправдала свое победительное имя – она и не подумала отступить:

– О, я понимаю, с такой внешностью вас постоянно донимают предложениями... особенно женщины. Но меня действительно интересует только портрет. И я не прошу о бесплатной услуге. Я готова предложить достойную сумму за работу натурщика. Любую сумму. Просто назовите ее. Вы – превосходная модель. У вас невероятные брови. И глаза... и линия рта. А подбородок...

– Простите, я могу пока взглянуть на «Тайну» Вильгельма Котарбинского? – напомнила о себе Катерина. – Очень хотелось бы...

Она лгала: с того мгновения, как Катя перешагнула порог мастерской, она не могла думать ни о каком Котарбинском – ее сердце колотилось, дыхание участилось, кожу обьял сухой жар, будто она была девчонкой, пришедшей на самое первое в жизни свидание с... алмазными серьгами огненноволосой художницы, встреченными ею на аукционе.

Сейчас уши Виктории были лишены украшений. Сияние исходило от груди, на которой покоился красный бриллиант, относительно небольшой в сравнении с другими, уже знакомыми Катерине камнями из коллекции Сюрской.

– Прошу вас, вот так выглядит «Тайна», – художница рассеянно махнула рукой куда-то вправо. Викторию Котарбинский интересовал столь же мало – она смотрела только на

Мира.

подавив в себе жгучее желание немедля заговорить о серьгах, Дображанская подошла к очередной сепии.

«*Магическая, ирреальная вещь*», – описал третью картину Вадим Вадимович.

В ней поистине было нечто притягательное или, скорее, затягивающее, заставляющее пристально всматриваться в полотно, вдумываться в каждую мелочь.

Ночь. Озеро или река. В воде на высоких сваях стояла избушка-часовенка с крестом на крыше и деревянной лестницей, уходящей прямо в воду. Из часовни лился умиротворяющий тихий свет. А из вечерней воды выступало почти неразличимое в темной ряби чистое и прекрасное лицо утопленницы... Лицо Ирины Ипатиной.

– Мир, – позвала Катерина, – пожалуйста, распакуй мою «Тихую ночь».

Мирослав быстро и ловко снял бумагу и бечевку с картины, прихваченной Катей из Аукционного Дома, и поставил «В тихую ночь» рядом с «Тайной».

И только теперь Катерина заметила, что в «Тихой ночи» на дальнем плане горит огонек. Огонь той самой часовенки!

«Это и правда комикс – графический роман! Девушка тонет, тело всплывает, а душа улетает вместе с туманом... Но где же в этой истории место Ангелу Бездны? И где она утонула? Много ли в Киеве часовен в воде?.. Много ли Виктория попросит за серьги? Я готова отдать за них... все. Все,

что угодно!» – осознание настолько потрясло Катерину, что она замерла.

– Они прекрасно смотрятся вместе, – отметила Сюрская, разглядывая обе работы. – Хотите, я уступлю вам «Тайну»?

– Вы же только час назад купили ее, – удивилась Дображанская.

– Такой уж я человек, – самоиронично сказала художница. – Не выношу, когда кого-то или что-то уводят у меня из-под носа, – показала она на отвоеванную Катей на аукционе «Тихую ночь». – А стоит получить – сразу остываю. И в личной жизни все так же. – Она снова прилипла взглядом к Миру. – Наверное, у меня всего одна настоящая страсть...

– А почему вы не пожелали купить «Духа Бездны»?

– Не знаю, как вам объяснить, – сказала Виктория. – В нем есть что-то нехорошее... Какое-то неприкрытое обнаженное зло. Неподдельное. Я тоже художник, я знаю, о чем говорю. Дух Бездны – не аллегория, тот, кто писал его, видел то, что он пишет.

– А чем вам тогда не угодила она? – Катя показала на «Тайну». – На вид она сущий ангел.

Художница посмотрела на картину:

– В этом ангеле тоже есть нечто... сомнительное. Я предпочла бы избавиться от нее.

И Катя подумала, что «человек мира» права – сейчас, когда она глядела не на открытки, а на оригиналы работ, лежащая в воде и воспарившая над ней дева смотрелась иначе.

Из-под белизны ее кожи словно проступала какая-то тьма.

И сразу вспомнился Гоголь, игры утопленниц и та из них, что оказалась злой ведьмой: «... тело ее не так светилось, как у прочих: внутри его виделось что-то черное».

– Я подумаю над вашим предложением. А пока вы разрешите мне сфотографировать «Тайну»? – Катя достала из сумки мобильный телефон.

– Только если вы поможете мне уговорить этого красавца позировать мне. Ну, позвольте мне сделать хотя бы эскиз. Хотите, я встану пред вами на колени? – с шутливой мольбой обратилась художница к Мирославу.

– Тогда окажите и мне услугу. Продайте мне ваши серьги. Те, что были на вас во время аукциона. – За всю свою жизнь Катя поступала так прямолинейно и глупо всего раз, когда в десять лет сама призналась в любви однокласснику.

С полминуты Виктория молча изучала Дображанскую.

– Знакомо ли вам выражение «золотая лихорадка»?

– Конечно.

– Есть и бриллиантовая, – удостоверила Сюрская. – Я поздравляю вас, вы ее подцепили. Что вы готовы дать мне за них? – на миг в ее глазах мелькнуло презрение. И знание. – Я угадаю: все, что угодно! Настоящие камни всегда действуют так. Они овладевают человеком. За это я и люблю их... Они и есть моя настоящая страсть. И вы должны понимать меня как никто. Давайте проверим. Я не готова продать вам серьги, но могу поменять их на брошь или одно из колец, в

которых вы были на аукционе!

Катерина рефлекторно прикрыла рукой лацкан пиджака, где еще недавно висела модерновая брошка.

– Я уже подарила брошь.

– А кольца? Вы молчите?.. Вот видите! – Виктория засмеялась. – Я слышала про вас и про вашу коллекцию. Ваша бабочка – прекрасная вещь. Но все же не такая прекрасная, как мои серьги. Простите, но я обманула вас. Я не отдам их никому, ни за что, – выговорила она по слогам. И засмеялась.

– Но ведь в них есть дефект, – сказала Катя. – Одна из них меньше другой.

Лицо Виктории Сюрской стало злым, в глазах мелькнула неприкрытая ненависть.

– Я знаю! И заметьте, не вынуждаю вас их покупать. С дефектом или без, это самые прекрасные камни на свете. Мне надоедают люди, города, страны, дома, вещи... Но еще ни один из камней мне не удалось разлюбить. Их нельзя разлюбить. Невозможно. Полюбуйтесь, и вы убедитесь в том сами...

Художница подошла к стоящему на столе большому бывалому дорожному кейсу для драгоценностей, открыла дверцы, выдвинула один из обитых бархатом маленьких ящичков, и Катя едва не получила удар от блеска драгоценных камней – отборные, неприлично огромные бриллианты нежились на красном бархате с видом полноправных хозяев мира. Голубые и желтые, синие, фиолетовые и изумрудные – с про-

стейшей оправой и великолепной огранкой!.. В сравнении с некоторыми из них мог померкнуть даже Куллинан королевы английской.

Сюрская потянула за ручку нижнего ящичка и с видимым удовольствием достала оттуда крохотный мешочек, а из него – одну из вымаливаемых Катей сережек. В жесте, которым она обнажила прозрачную серьгу, было нечто вызывающее и одновременно бесстыдное – эротическое, словно сверкающий камень был тайным и сокровенным человеческим естеством.

– Взгляните на эту чистоту, игру света!

Катерина уставилась на 15-каратный бриллиант так, будто это был глаз самого Бога.

А может, так и было?

Не дьявола – Бога! Иначе как объяснить, что весь смысл Катинной жизни вдруг уместился в сверкающий прозрачный шарик, лежащий на ладони художницы.

Нежданно Виктория сжала кулак – и Катя ощутила боль от исчезновения камня, совершенно реальную, физическую.

– Да, – убежденно резюмировала рыжая дама. – Вы больны, как и я.

А Катя почувствовала себя совершенно больной, усталой и выхолощенной. Она поняла: существует лишь два способа забрать у Виктории вожаделенные камни – убить ее или подчинить ее силой кольца Киевицы. Варианта просто забыть о серьгах больше не существовало. От принципов не осталось

следа. Вот только кольцо с одолень-травой осталось в Башне.

– Пожалуй, я снова вас обманула, – Виктория сняла с груди красный бриллиант. – С одним камнем у меня любовь не сложилась. С красными бриллиантами вечно что-то не так. В них нет той чистоты, которую я ценю превыше всего. Я так долго желала его... Но оказалось: он слишком мутный, слишком кровавый. Не мой цвет. Хотите, я продам вам его? В нем есть своя прелесть... Но то ли дело вот этот! – она выдвинула еще один ящик, разделенный на ячейки для колец, и приподняла двумя пальцами перстень с алмазом цвета зари размером в сотню карат. – Чистейший, прекрасный... Подобные розовые бриллианты очень редки. Но ни один из них не сравнится по чистоте цвета с моим, – художница жарко поцеловала массивный камень.

И внезапно показалась Катерине невыносимо противной – она ощутила неконтролируемое желание ударить ее. Или...

Попросту проверить на ней свою силу!

После встречи с Котарбинским Катя успела забыть о своем новом даре, но сейчас вновь ощутила, как ее глаза наливаются гневом и ядом.

Катя почти увидела, как белые стены мастерской становятся красными от человеческой крови. Кровь ударила в голову. Алая злость ослепила глаза.

Невероятным усилием воли Дображанская взяла себя в руки.

– Мирослав, мы уходим, – сухо сказала она. – Так я могу

сфотографировать картину?

– Я назвала свое условие. Фото в обмен на набросок. – Теперь художница поцеловала взглядом Мира. Она явно любила лишь очень красивые вещи.

– Он согласен, – решила за него Катерина. – Мир, подождешь меня здесь? Через час я вернусь и принесу пару любопытных вещиц на обмен. У меня тоже есть одно интересное колечко... – Смертельная казнь для художницы была заменена принуждением с помощью кольца-одолень-травы. – Не сомневаюсь, оно вас переубедит.

– Катя, ты офигела во-о-о-о-о-о? Куда ты опять убегаешь? Так нельзя! Уже Мамки пришли! Где Маша? Где Мир? Присядь на минуту... – Дашины щеки раздулись, но не от возмущения – она как раз дорвалась до остывших вареников и лопала их теперь за обе щеки.

Готовила Глава Киевских ведьм так же хорошо, как и колдовала, любила повторять, что умение варить годное зелье начинается с умения приготовить борщ, а настоящий украинский борщ нужно готовить как приворотное зелье – в том и состоит его особый рецепт.

И, похоже, вареники Василиса лепила по тому же приворотному принципу.

– Акнил, хот ты ей скажи... – громко проворчала Чуб сквозь последний наспех дожевываемый вареник, – Катя, ты в окно хоть смотрела? У нас гости уже на пороге балкона!

И Катерина Михайловна понимала, что в данном случае Даша Чуб совершенно права: Башню Киевиц накрыло шерстяным колпаком, стекла балконной двери стали совершенно белыми, туман окончательно съел Город...

Но Дображанская ничего не могла поделать с собой – ее лихорадило:

– Я должна... ненадолго... Я успею вернуться на посиделки с Мамками. Ведь ко мне пришла мама. Приходила... Или она до сих пор здесь, не знаю. Я не могу пропустить встречу с ней!..

– Но бриллианты важней? – зафиналила Чуб. – Да сядь ты! – наконец прикончила вареник она. – Наша некромантка пыталась напасть на своего жениха. Точней, ее дух, поскольку она умерла. – Даша отставила пустую тарелку и с неподдельной любовью взглянула на продолговатое блюдо с жареной уткой. Любви суждено было стать взаимной. Но не сейчас. Чуть позже.

– Как умерла? – моргнула Катя. – Как именно? Когда она успела?

– Пока неизвестно...

– Известно одно: после смерти она не перестала убивать, –

сказала Акнир. – Как я уже говорила, мертвые некроманты порой страшнее живых. Ирина продолжает нападать на тех, кто любил ее, – сначала на отца, теперь на Егора...

– И все-таки странно, – Катя нервно затопталась на месте, поглядывая то на дверь, то на часы в телефоне, – если она так плоха, почему Котарбинский поначалу рисовал ее суть такой ангельской? Что он желал этим сказать? Он видел мою маму, он верно видит сущность людей. У мамы были крылья... бабочки, – Катерина взяла со стола уже подаренную Маше бабочку-брошь, внимательно взгляделась в нее и изумленно прищурилась. – И почему Ирина – утопленница, если она не утопла? Вы говорите, Водяница не знает ее.

– Ее нет среди вил, – признала Акнир.

– И что тогда значит церковь над темной водой? – спросила Катя.

– Не знаю, – ведьма смотрела на экран ноутбука, уже демонстрировавшего сделанный Катей снимок «Тайны». – В Киеве нет такой церкви. И никогда не было. Похоже на полный тупик.

– Но мы видели сами: Ирина обернулась туманом, – сказала Даша. – Что, если она все же утонула? У этой церкви, – ткнула пальцем в картинку она. – Просто эта церковь не в Киеве. И, отлетев накануне Дедов, ее душа сразу стала туманом... И еще не прошла круговорот и не стала водой. Не успела вернуться в царство воды? Ты, вообще, в курсе, – спросила она Катю, – что вода – переход в мир мертвых?

– Так же, как зеркало, – добавила Акнир. – Как любая отражающая поверхность.

– Как зеркало? – Катя подошла к зеркалу в полный рост, приколола брошку на лацкан пиджака, проверяя свою засомневавшуюся память.

Да, больше не было никаких сомнений: в течение дня осколок бриллианта в брошке увеличился! Втрое! Если не вчетверо...

Но как?

Почему?

Киевицы умеют выращивать бриллианты на собственной груди?

Эта новость поможет ей в моральной схватке с Викторией?

Нужно спросить у Акнир...

Но спросить и даже озвучить необъяснимую и наверняка весьма важную новость Катерина не успела.

– Я поняла! – громко вскрикнула Чуб. – Вода – мир мертвых! Ирина плавает не в воде, а в мире мертвых. Вот что нарисовал Котарбинский... Это метафора. И в ее загробном мире стоит церковь... Значит, ее душа чиста. Потому из туманного озера ее и забирает на небо ангел!

– Ее душа чиста? – изумилась столь фантастически алогичному заявлению Катя. – Мы с тобой говорим об одном человеке? Об Ирине Ипатиной – малолетке, зарезавшей на пьяную голову собственного папу?..

– Она убила своего отца, – вздохнула Маша, – полагаю, после такого поступка трудно вато попасть на небо.

– Простите, о ком вы сейчас говорите? – вдруг совершенно перестал понимать ее Вильгельм Котарбинский.

– Мы с вами говорили об Ирине Ипатиной, – напомнила ему Ковалева, – убийце!

– Нет-нет, – мягко поправил ее художник, – мы с вами говорили об Ирине Ипатиной и ее убийце.

– Но вы нарисовали с Ирины «Дух Бездны».

– Вовсе нет, – твердо сказал Вильгельм Александрович. – «Дух Бездны» – не ее портрет.

– А чей же тогда? – опешила Маша.

– Ее отца. Мужчины, который приходил вместе с ней. Я сразу увидел: его душа летит в бездну... Его тащит дева с лицом Горгоны. Она – его ад. Его страх. Его боль. Но это его боль. Его чувства... Это он видит ее такой.

– Он считал свою дочь неким исчадием ада? А она им не была? Она – была ангелом? Она – не убивала его?

– Нет. Это он – убийца своей дочери. Ее губитель.

– Убитый отец Ирины убил свою дочь? – не смогла уразу-

меть Ковалева. – А кто же тогда убил его? Ее жених? Он защищал свою невесту?.. Погодите, но слуги ведь видели, как Ирина, живая, выбежала из дома уже после смерти отца!

– Не знаю, – сказал художник, – я лишь рисую то, что я вижу. Ее душа пришла ко мне чистой. Но теперь ей не сыскать покоя. Ей не спастись. Она попала в беду.

– Попала... – повторила Маша за ним. – Или попалась?

И вдруг закричала, согнулась пополам, от ужасающей боли, пронзившей ее, как крюк рыбака, и закричала опять, словно некто невидимый выдернул крюк обратно, вместе с мясом и кровью...

– Ясные Пани, – Василиса Андреевна выкатила из смежной комнаты-спальни коляску с Мишей-младшим. – Он плачет все громче, и я никак не могу успокоить его.

Зареванный мальчик сидел на лоскутном одеяльце, глядя на них круглыми глазами. Его светлые, почти белые волосы были взъерошены, маленькие ручки испуганно сжимали любимую игрушку-жирафку.

– Па... – громко выкрикнул он, и слезы двумя косыми струйками побежали по круглым фарфорово-румяным ще-

кам.

– Что ты сказал, Мишенька? – Катерина с сомнением склонилась к синей коляске, не слишком веря, что ребенок понимает ее.

– Па... – повторил он пружинисто. – Па!..

– Па-па? – неуверенно перевела Даша.

– Па... па!.. – голос мальчика сорвался на крик.

– Он переживает за папу? Но кого он имеет в виду? – спросила Катя.

– Уж точно не Врубеля, – фыркнула Чуб. – Где вообще сейчас Мир? Да успокойся же, масик, – принялась покачивать коляску она.

В ответ мальчик только заплакал еще отчаянней:

– Па-а-а-а-а-а-а-а...

– Мир остался в гостях у художницы. Она рисует его портрет, – сказала Катя.

– Портрет? – схватилась за щеки Акнир. – Портрет – то же зеркало! Отражение. Если портрет хорош, если во время создания прочитать заклятие, можно украсть с его помощью душу!!!

– Па-а-а-а-а-а-а... – заревел мальчик.

– Мы едем к Виктории, – всполошилась Катя. – Немедленно!

– Нет времени ездить... летим! Говорите адрес, – распорядилась Акнир.

– На метлы! – заголосила Чуб и первой бросилась к стен-

ному шкафу в коридоре, заполненному помянутыми летными средствами.

Глава девятая
Черный бриллиант

Непроглядный туман скрыл от них Город и скрыл их от Города – никто не видел трех ведьм, летящих сквозь белую мглу.

Мгла не была безмолвной; она шептала, густой влажный туман хватал их за плечи рыхлыми ладонями, мятежные, неуспокоенные, пробужденные праздником души желали удержать их, пытались сказать, размечая полет над Киевом обрывками фраз:

– Мое почтение...

– Дайте... прошу...

– Нет... не могу забыть...

– Я умоляю...

– Помолись, помолись за меня...

– Мы в опасности... в Киев пришел некромант!

Дашина верная подруга с двумя велосипедными седлами на древке взяла в попутчицы Катю, уже секунду спустя потерявшую где-то над Бессарабкой свою левую туфельку, правую Катя обронила уже над Ботаническим садом.

Мокрый туман лип к Дашиным ногам, и Чуб, задрывшая при посадке мини-юбку на бедра, невольно задумалась: сколько покойников видят сейчас ее красные в черные черепушки трусы? Как вообще мертвые воспринимают дизайн с черепами? Как издевательство или как приветственный жест?

– О, прелестница! Озорница!.. – немедля получила она

ответ на вопрос.

– Ясные Пани, попросите ваш Город...

– Мы все в опасности!!!..

– Сударыня, вы просто милашка...

Акнир вихрем неслась впереди.

– Стекло! – издала предупреждающий крик дочь Киевицы, и, готовясь к удару, слегка поджала ноги, обутые в крепкие ботинки с широкими каблуками.

Но идти на abordаж со стеклом не пришлось. Дображанская лишь глянула вниз, увидела стремительно проступающую из тумана стеклянную крышу над чердаком-мастерской Виктории Сюрской – и крыша лопнула, со звоном рухнула вниз.

Троица приземлилась на ощерившийся осколками пол.

Акнир с подозрением посмотрела на Катю.

– А отчего все развалилось? Заклятие? – не поняла Даша Чуб.

И тут же забыла свой вопрос:

– Мать моя женщина!.. Вот он! – Землепотрясная бросилась к мольберту с портретом Мирослава Красавицкого. – А здорово она его...

Набросок углем был необычайно хорош – вся сущность Мира: и глубина его глаз, и горделивая линия носа, и неумолимость рта, и лежащая на самом дне естества огромность любви, вернувшая его из небытия, победившая саму смерть, сотворившая его заново, – отразилась в этой работе.

Отразилась!

«Портрет – то же зеркало. Если портрет хорош...»

Катя поняла, почему Вадим Вадимович назвал Викторию гением. И еще поняла...

– Поздно, – сказала Акнир. – Она знала, что мы придем сюда, и ждала нас! – юная ведьма указала на висевший в центре белой стены большой плоский телевизор. Он был включен. Акнир взяла пульт, усилила звук.

На экране горел значок известного канала, а рядом с телеведущей сидела «человек мира» Виктория Сюрская.

– Черный бриллиант... – говорила художница, показывая висевший у нее на груди ирреальный камень блондинке-ведущей, неприкрыто раззявившей рот при виде подобного дива. – Мое последнее приобретение!

– Такой огромный? – искренне поразилась блондинка и невольно протянула руку к сверкающей цаце, но побоялась дотронуться – будто даже прикосновение к алмазу было ей не по карману.

– Ему нет цены! «Орлов», «Алмаз Шейха», «Тиффани» меркнут в сравнении с ним. Когда я увидела его, я сразу поняла: вот моя настоящая любовь! Моя истинная любовь. Я искала его всю свою жизнь... Как же долго я тебя искала, любимый! Мой самый, самый, самый красивый... Я сама дала ему имя – «Мир»!

– Мир? – зачарованно повторила ведущая.

– Это Мир... – хрипло сказала Акнир.

– Это Мир? – попыталась поверить Катерина.

– Черный бриллиант – душа Мира? – моргнула Чуб. – Наш Мир Красавицкий висит у нее на шее? – она тряхнула белыми волосами, стараясь уложить в голове невозможное.

– Золотоискательница! – хрипло произнесла Акнирам, и ее васильковые глаза изумленно расширились.

– Ты знаешь Викторию? – подобралась Дображанская.

– Не знаю, – ответила дочь Киевицы. – Я не знала, что она существует на самом деле. Она – легенда! Ей больше сотни лет. Ее называют золотоискательницей. Хотя это неверное название. Она равнодушна к золоту. Больше всего она обожает драгоценные камни. Но не обычные. Она обращает в камни человеческие души. И лишь самые чистые, светлые, очищенные жертвой, духовным подвигом, бессмертной любовью. С помощью зеркал она крадет души из могил...

– Так это она раскопала могилу монаха... или монашки? – возгласила Даша. – Она – некромант?!

Акнир показала на телеэкран:

– Видите кольцо с розовым бриллиантом у нее на руке? Мама говорила, что души истинно верующих она превращает в алмазы цвета зари. Души страстотерпцев – в голубые бриллианты. Она, как Дьявол, влюбившийся в чистоту человеческих душ, но влюбившийся именно по-дьявольски. Ибо ни один бриллиант мира не сравнится с истинно чистой человеческой душой... Ведь в каждой просветленной душе живет частица вашего Бога. Такие души редки. Она ищет их

годами, десятилетиями. Говорят, она может жить вечно за счет бессмертия душ, которыми владеет. Закономерно, что она стала художницей-портретисткой. И портрет Ирины она купила не случайно. Наверняка с ее помощью она хотела получить душу умершей девушки. И, думаю, она получила ее.

– Значит, я права? – сделала лестный для себя вывод Землепотрясная Даша. – Ирина – невиновна?

– Золотоискательница – лучший оправдательный приговор для нее. Она чует чистоту на нюх. Могу поспорить, она сразу почуяла Мира: удивительную чистоту его любви, превратившую убийцу в ангела.

– Но почему она не купила «Тихую ночь» на аукционе? – не заметила логики Катя. – У нее было достаточно денег, чтоб перебить мою ставку.

– Она просто узнала вас, – сказала Акнир. – Узнала Киевицу. Она не была в Киеве много лет, столько, сколько правила тут моя мама. Она приехала сюда на разведку. И не стала вступать в поединок с вами. Она уступила вам лот и пошла обходным путем...

– Почему же теперь она рискнула перейти мне дорогу?

– Потому что Виктория уже получила все, что хотела!

– Вы верите, что камни имеют душу? – вещала тем временем с экрана Виктория, и взгляд ее был жарким и влажным от неподдельной, неистовой порабощающей страсти.

Она смотрела с экрана телевизора прямо на них – она словно видела их. Нет, она видела их – их растерянные взгля-

ды, их бессильную злобу, видела поражение своих давних врагов – Киевиц!

– Возможно, – сдержанно сказала блондинка-ведущая, не сводя ошалевшего поработанного взгляда с невероятного камня.

– И я уверяю вас: нет на свете души прекрасней, чем та, что заключена в этот камень! Черные бриллианты почти никогда не бывают прозрачны, не бывают чисты. Но этот... О, мой любимый, мой Мир, я клянусь, ты главная любовь моей жизни!

– Красный пар над горшком предупреждал нас о гибели Мира! – самобичующе сказала Акнир.

– Значит, Маша все же думала о нем, – отметила Чуб.

– Но почему о нем не подумали мы?! – взвилась ведьма. Она была неприкрыто зла на саму себя. – Ведь Мир – и есть душа! Возможно, единственная в мире душа, победившая смерть силой любви... Победившая тьму своей собственной души!..

– Видимо, потому что мы все как-то перестали считать его привидением. – вздохнула Землепотрясная. – Ой, как же Машка разозлится... – протянула она.

– Машка? – грозиво сказала Катя. – Как разозлилась я!!! Я отдала ей Мира... своими руками! Но это стервь не поняла, с кем связалась. Она смеет дразнить меня?.. Она не боится сидеть тут, на экране, и раздавать нам щелчки по носам?

От гнева у Катерины Михайловны потемнело в глазах.

Чуб закричала. Акнир отскочила в угол как ошпаренный кот.

Большой плоский экран телевизора внезапно разлетелся на множество неровных кусков, подобно зеркалу Снежной королевы. Дображанской показалось: она видит в замедленной съемке, как темные осколки летят по комнате, кружатся в воздухе, а на месте экрана остается большой и глубокий след в стене, словно от взрыва гранаты.

– Я достану тебя!

Взгляд Кати оставил длинный и узкий ров на стене, вырывая куски штукатурки, взрезая стену до кирпичей и бетона, и пыльное крошиво летело надо «рвом»...

– Я уничтожу ее!

Катерина Михайловна испытала немислимое облегчение от того, что может, наконец, выпустить силу – выпустить в свет свой секрет. И дать силу своему темному гневу.

Массивный угловой диван в мастерской Виктории с грохотом рухнул на пол, перерезанный пополам Катиным взглядом, лежавшие на нем подушки взорвались клочьями, синтепон разнесло по комнате искусственным снегом.

На низком столике одна за другой лопались большие и маленькие баночки с краской, светлый паркет окрасили разноцветные пятна, будто мастерская решила сама с собой сразиться в Пейнтбол.

– Что происходит во-още? – истошно заорала Землепотрясная Чуб.

– Она в прямом эфире! Я знаю адрес канала, он на Нагорной, летим туда. Я разорву эту суку на части!..

– Даша, беги на кухню, ложись на пол!.. – крикнула подруге Акнир.

Катерина Михайловна не почувствовала миг, когда гнев стал сильнее нее. Не сразу поняла, что, выпустив силу, уже не может смотреть на мир иначе... Ее рука полезла было в карман, где лежал футляр с очками, но, видимо, она обронила его над Городом вместе с туфлями.

Взгляд Кати заметался по комнате.

Скопление сплетенных меж собой полочек с сувенирами, ракушками, глиняными вазами и стаканами, полными кисточек, глиняными – разлетелось в куски.

Зеленая драпировка слетела со стены, превращаясь на лету в лоскуты.

Прикрывая голову руками, Даша Чуб бросилась из комнаты прочь.

Катя быстро опустила глаза... И увидела, как под ее босыми ногами паркет раздваивается, словно под бензопилой, как летят в стороны перерезанные доски, дымятся стружки...

Холодея от ужаса, она резко запрокинула голову, устремив взгляд вверх, сквозь разбитый стеклянный потолок, надеясь, что не уничтожит единым махом пролетающую прямо над ними стаю птиц, а заодно и самолет, парящий в небе где-то на высоте 8300 метров. И еще она вдруг подумала, что,

зажмурив глаза, может разрезать и собственные веки.

– Мамочки, что же мне делать, мамочки?!.. – испуганно, жалобно всплакнула она.

– Я здесь...

– ...мамочки...

– Я здесь, моя доченька... посмотри на меня!

Слова, похожие на неуловимый шорох осенней листвы, раздались одновременно со стуком брошки-бабочки, упавшей на пол.

И прежде чем Катя признала родной голос из детства, ее запрокинутый к небу взгляд залило слезами – теплой соленой водой, и она почувствовала, что острота ее взора гаснет, слабеет. Безбрежный, непобедимый и неуправляемый гнев присмирел, потесненный иным чувством.

– Не бойся, доченька... Катюша, посмотри на меня!

– ...мама?

Катерина опустила полные слез глаза, и не поверила им.

Белая Дама стояла посреди мастерской – высокая, намного выше человеческого роста, сияющая лучезарным светом. Свет струился вокруг ее тела как длинные одежды, свет струился вместе с распущенными по плечам длинными светлыми волосами.

А в чудесной эмалевой брошке-бабочке больше не было блестящего камня.

Сияние исходило от Дамы... Хотя трудно было признать в этой прекрасной женщине Катину мать – невысокую, тем-

новолосую и большеберотую с неправильными чертами лица.

Но Катерина Михайловная Дображанская не заметила никаких перемен. Она никогда не воспринимала мать некрасивой. В детстве, как и каждая девочка, она считала маму самой прекрасной на всем белом свете, а позже, потеряв обоих родителей, лелеяла мамин образ – ставший лишь еще более недостижимо-прелестным.

– Мама, – охнула Катя. – Мамочка... – Дображанская неуверенно протянула ладони вперед. – Ты все же пришла... – ее голос стал тонким. – А у меня там, в Башне, для тебя угощение.

– Спасибо, доченька, я насытилась его запахом. – Женщина протянула к Кате обе руки, прикоснулась к ее лицу.

Но Катя не ощутила ее прикосновения.

Мать наклонилась и поцеловала ее...

И на мгновение Катя погрузилась в чистейший свет – чудный умиротворяющий свет, от которого не нужно жмурить глаза.

– Какая же ты у меня красивая!

– Мама...

– Времени мало, Катюша. Слушай меня. Она привезла нас в Киев...

– Виктория?

– Но утром, на Бабы5, ты заглянула в зеркало – в мир иной – и потянула меня за собой. А вторая Киевица позвала меня...

– Кто позвал тебя?

– Она, – Белая Дама указала на Дашу.

«Ау, привидения! Белая Дама, ты где? Выходи! Тебе повелевает твоя Киевица!»

Никогда еще Екатерина Михайловна Дображанская не испытывала такого раскаяния и такой бесконечной благодарности по отношению к Чуб! В этот момент она могла провозгласить Дашу своей кровной сестрой, удочерить и завещать ей все свое состояние!

– Силой двух Киевиц вы потянули меня... потянули к себе... Ты нашла сильный талисман.

Катя посмотрела на бабочку-брошь в магическом стиле модерн. Вспомнила: бабочка – символ женской души.

Душа притянула душу!

– Бриллиант в брошке! – осмыслила Катя. – Он увеличился... Им была ты? Виктория украла твою душу?

– И душу твоего отца.

– Вы и есть бриллианты в ее серьгах! – окончательно осознала невероятное Катя. – И один из них стал меньше, потому что...

– Ты тянула меня к себе, – сказала мама. – Но бóльшая часть меня, как и прежде, принадлежит ей. У меня меньше минуты, чтоб сказать тебе правду. Ты из Великого рода. Ты – веда чистой воды. Но три столетья подряд, а потом еще триста лет ведьмы в нашем роду были лишены красоты и силы. Мы пошли на самоотречение сами. Мы копили наши силы,

нашу красоту для тебя. Для той, что должна изменить этот мир. Ею станешь ты, моя девочка. Ты так прекрасна, что, когда смотришь на тебя, больно глазам. Ты так сильна...

– Она убила вас с папой? Виктория?! – прохрипела Катя.

Непреодолимая жажда бриллиантовых сережек, неконтролируемое желание перерезать горло рыжей твари... все объяснилось!

– Подумайте, Катерина Михайловна, какой чистотой души нужно обладать, чтоб самим отказаться от власти и красоты ради будущего, ради величия Киева – сказала Акнир. – Какой силой души нужно обладать, чтоб шестьсот лет хранить ваш секрет. По-видимому, он передавался лишь от матери к дочери.

– Не думай о мести, доченька, – улыбнулась Белая Дама. – Не думай о тьме. Думай о свете. У тебя отныне есть все. Красота, сила, власть Киевиц и наше наследство. Твоя сила будет безмерной. Она поможет тебе победить, если ты не позволишь собственной силе победить тебя... Прими же наш дар.

Мама протянула обе руки, положила их дочке на грудь, и на этот раз Катя ощутила влажное нежное тепло вокруг тела.

– Катюша, Тюшенька, моя девочка... помни, в огромной силе есть и огромная слабость... а ты никого не любишь... даже себя. Ты так и не купила себе золотую рыбку... помнишь, как ты мечтала о ней в детстве? И позавтракать ты постоянно забываешь...

– Рыбку? Позавтракать?.. Мама, кого я должна победить?

Когда?

– В тот день, когда наступит твой час, у тебя не будет вопросов – только ответы.

– Мамочка... Что с тобой?!

Призрак матери таял: контур фигуры размылся, вытянутые руки превратились в два угасающих тонких луча, остались только глаза, – глаза, не успевшие наглядеться на дочь, все еще были живыми и яркими.

– Она улетает... – голос Белой Дамы стал слабым. – Ее метла как стрела... Я больше не могу противиться ей...

– Мама, останься!..

– Прощай, доченька... Больше не свидимся...

Глаза Белой Дамы погасли. Светлый призрак исчез.

– Мама! – крикнула Катя, бессильно хватая воздух руками.

– Боюсь, что передача закончилась. – Акнир посмотрела на осколки экрана. – И дела Виктории в Киеве окончились тоже. Она вряд ли вернется в Город при вашей жизни.

– Нет! – топнула босой ногой Катерина. – Думайте, и быстро... что делать? Это же душа моей мамы! Душа папы. Душа Мира! Мы не можем их отдать... никому! Акнир, ты – чароплетка...

– Я могу переплести чары этого мира. Но не мира мертвых...

– Не нужно подробностей. Времени нет! Она улетает...

– Я смогу догнать ее на метле! – вскинулась Даша. – Мы

пошлем за ней в погоню всех наших ведьм!

– И все они не справятся с ней, – мотнула головой Акнирам. – Вы даже не отыщете ее в этом тумане, она повелевает им.

– Если так, Маша нас никогда не простит. Если прямо сейчас мы не вернем Мирослава... – запаниковала Землепотрясная. – Ты хоть понимаешь, что тогда будет вообще?! Весь союз Трех распадется!

– Маша сейчас с Котарбинским, – вспомнила Катя. – Нам нужно идти в Прошлое. Ведь пока мы там, здесь время стоит. Виктория не успеет улететь, пока мы ведем дискуссии о собственном бессилии, – приняла лучшее из возможных решений она.

– А ничего, что я в мини-юбке? – уточнила Даша.

– Хоть в римских латах, – махнула рукой Дображанская. – По-моему, Котарбинскому давно все равно. В такие дни на Деды к нему ходят и не такие гости... и без юбок, и без платьев, и без шляпок, и даже без головы.

Глава десятая

Преступление и наказание

– Душу Мира украли? – еле слышно повторила Маша.

Она опустилась на лавку, приложив два пальца к груди, будто проверяла свои чувства.

Вильгельм Котарбинский с интересом изучал новых гостей – Катя оказалась права: ни Дашино мини, ни леггинсы Акнир, ни метла с двумя седлами не вызвали у него удив-

ления, – лишь живое любопытство, как и сам их рассказ о некромантах и закабалении душ (кто знает, о чем беседовали обычно его осенние гости без платьев «и даже без головы»?).

Рука художника сама потянулась к бумаге...

Маша сцепила пальцы в замок, пыталась связать воедино свои разрозненные и мятущиеся мысли.

– Ты, главное, не истери, помни: в Прошлом время стоит, – подбодрила ее Даша Чуб. – У нас есть сколько хочешь времени, чтобы сочинить план спасения. И нас трое, даже четверо – мы в таком суперсоставе не только Мира, мы весь мир спасем, если надо!

Но Маша и без того проявила предивное самообладание. Лишь насупилась, молча закусил губу и задумчиво приспустила веки, поспешно пытаюсь сочинить помянутый спасительный план.

Катя развернула скрученный в рулон рисунок Виктории.

– Вот его портрет. Тот самый. Некромантка украли душу Мира с его помощью. Может, есть способ перетянуть через него душу обратно? У меня почти получилось – я, сама не зная того, потянула душу своей матери...

– Как? – деловито спросила Маша. Судя по морщинам, проявившимся на ее бледном пергаментном лбу, план спасения не сочинялся.

– С помощью зеркала, броши-модерн и призыва, который случайно произнесла Даша...

– Хоть ты меня за это ругала, – сочла нужным напомнить

Землепотрясная Чуб.

– Интересно, – приняла информацию Ковалева. – Но картина некромантки нам вряд ли поможет. Это ее магия, а не наша. Если бы картина имела обратный эффект, она бы не оставила ее нам на память.

– А если мы попросим Вильгельма Александровича написать портрет Мира? – предложила Катя. – У тебя должны быть его фотографии.

– Нет, – судя по убежденности в голосе, Маша успела продумать и такой вариант. – Вы так и не прочли главу о некромантах? Украсть душу через портрет можно лишь в тот момент, когда его пишут с оригинала. Выкрасть душу своей матери через зеркало ты смогла лишь потому, что у вас кровная связь, любая дочь – своеобразный портрет своей матери. Да и то ты перетянула ее только на время...

– Так и есть, – подтвердила Акнир. – Зато силы истинного некроманта безмерны. Он может украсть душу через старое полотно, через фото, через могилу на кладбище, через спиритический сеанс, через след ноги, через отпечаток руки... возможностей тысячи. Даже если мы вчетвером попытаемся перетянуть душу Мира – мы не сможем победить одного урожденного некроманта.

– Но ведь есть и другой способ, – не пошла на попятную Катя. – Маша может попросту воскресить Мирослава по портрету. Могу поспорить, ее дар воскрешения сильнее любой некромантии!

знала, что ты его на самом деле не любишь! И не ценишь... все лишь слова «я – это ты, ты – это я...» Ерундень! Притворство! Блуждание ежика в словесном тумане!

Сама Чуб не притворствовалась – дав волю чувствам, она точно пыталась компенсировать неестественную Машину сдержанность. Мир Красавицкий заслужил беспокойство, сочувствие, и, пожалуй, лишь сейчас Землепотрясная поняла, что давно считает его другом, соратником, неотъемлемой частью их общего мира. Но шанс на его спасение выскользнул у них прямо из рук! Хоть, судя выражению, мелькнувшему на лице Акнирам, брачная связь и впрямь была не хуже кровной!

– Но это правда, правда! – Маша утратила вдруг всю свою сдержанность. – Мир – часть моей души, я чувствую это. И я не виновата, что моя душа порой словно двоится, рвется пополам... Но это не просто слова! Он – это я. Когда Мира нет рядом, мне кажется, что у меня нет души... Когда некромантка украла душу Мира, я это почувствовала... даже здесь, в Прошлом... точно она не его, а мою душу украла!

– Почувствовала? – Акнирам стала похожа на кошку, стремительно наострившую уши при шорохе мыши. – Что ты почувствовала? Пустоту, боль? Удар под дых?

– Наоборот... из меня точно вырвали кусок... вместе с мясом.

– Присуха! – ведьма подпрыгнула и захлопала в ладоши от радости, как маленький ребенок. – Их души связаны Прису-

хой, приворотным зельем! Навечно! Вот чего не учла некромантка... У них есть магическая, нерасторжимая связь. Нам нужен не портрет Мира – нам нужен Машин портрет. Портрет перетянет его, как Катя притянула свою маму.

Маша мигом утерла еще не проступившие слезы:

– Мы должны приковать мою душу заклятием к портрету!..

– И, если твоя душа присушена к душе Мира, портрет закабалит их обеих, – поддакнула ей Акнирам.

– Вильгельм Александрович, – встрепенулась Ковалева. – Сколько вам нужно времени, чтоб набросать мой портрет?

– Он почти готов... – послышался мягкий обволакивающий успокоением голос Вильгельма Котарбинского.

Как оказалась, потянувшись к своему карандашу, художник не терял времени даром, пока они спорили, его грифель тихо шуршал по бумаге, и теперь с белого листа на них смотрел облик Марии Ковалевой.

Художник с улыбкой поставил рисунок на один из мольбертов и слегка поклонился, словно принимая их благодарные аплодисменты.

Маша отошла на пару шагов, неторопливо потеряла ладонью о ладонь, собирая в ком свою силу, и зашептала громко и четко, наказав:

– Повторяйте за мной!..

Заклятие загремело:

– Я, дочь Отца моего, повелеваю всем, что растет из зем-

ли, всем, что лежит в его земле, всем, кто ступает по его земле, всем, что парит над его землей, живым и мертвым. Таков наш закон! Я, дочь Отца моего, выйду, из избы не дверями, из ворот не воротами, выйду подвальным бревном и дымным окном. Я, дочь Отца моего, стану на Городе Кияне...

И Катя, и Даша, и Акнир послушно повторяли за младшей Киевицей. Вильгельм Котарбинский склонился над мольбертом, поспешно завершая Машин образ.

И сейчас образ младшей Киевицы был грозен и мрачен:

– Я, дочь Отца моего, позову, семьдесят буйных ветров и семьдесят вихров, и семьдесят ветровичей, и семьдесят вихоровичей, и семьдесят змей и змеиц, и семьдесят милых душек, и семьдесят вещих птиц, помогите мне, душу изымите. Достаньте душу Киевицы Марии из белого тела, из горячей крови, из черной печени, из жил и костей, из ретивого сердца. Заберите душу Киевицы Марии, в свиток сверните, печатью запечатайте, замком закройте, дверью закройте, доской подоприте, – спрячьте душу мою в парсуну!

Обе старшие Киевицы не слышали раньше заклятие некроманта. Но Даша помнила, что парсуна – это портрет. И невольно нахмурилась. И Катя нахмурилась тоже. Нечто стремное, темное было в закабаляющем заклятии-заговоре, – опасность тихо заползала в комнату, сворачивалась в углу кольцо за кольцом. Каждая из них по-своему почувствовала это, каждая – как могла, отмахнулась. Никто не был готов отдать залетной некромантке душу Мира и Машину ду-

шу в придачу, никто не знал иного способа ее покорить.

– ...Ключ и замок к словам моим!

Заклятие завершилось.

Несколько секунд все в молчаливом ожидании смотрели на Машин портрет работы Вильгельма Котарбинского.

Ничего не происходило.

– Вильгельм Александрович, – с мольбой сказала Ковалева, обращаясь к художнику. – Помните, вы говорили, что рисуете души своих гостей... и их любимых!

«Их историю... их душу... или же тех, кто живет в их душе после смерти. Кто был и остался частью этой души».

– Прошу, взгляните на меня еще раз! Может, хоть вы видите Мира?

– Кажется... да...

Художник не слишком уверенно перевернул лист с Машиним портретом другой стороной, бросил взор на дальний угол рядом с балконом, где слились воедино самые темные тени, – на миг он стал похожим на сокола, высматривающего дичь в километре от них, прищурился, лихо крутанул светлый ус и начал водить карандашом по бумаге.

Сначала на белой стороне листа проявились темные глаза Красавицкого, затем хищные крылья бровей, рот, нос, абрис фигуры... Мир приходил постепенно, как постепенно перетекал бриллиант в Катину бабочку-брошь – магический символ женской души.

Ныне магическим талисманом стал портрет Маши и его

отражение на обратной стороне – портрет Мирослава.

Порой пальцы художника приостанавливались, выжидали, но с каждым новым штрихом его руки становились все более уверенными, властными, движения молниеносными – точно он не писал, не творил, а подобно верховному Творцу заново рождал Мира на свет.

А затем Маша не выдержала.

– Ты здесь... Ты ведь здесь? – закричала она, глядя в пустой угол рядом с балконом.

– Еще минуточку! – карандаш Котарбинского добавил трагический штрих в уголки рта, сгустил тьму вокруг глаз, прорисовал неувлимые для простых смертных точки в зрачках, сделав взгляд Мирослава Красавицкого почти демоническим.

«Вон он какой...» – Маша, стоявшая у правого плеча Котарбинского, словно впервые увидела Мира со стороны.

«Неужели Маша не видит, как он страдает?..» – печально думала Чуб, заглядывавшая через левое плечо живописца.

«Да! Теперь портрет лучше работы Виктории... – восклицательно подумала Катя, когда карандаш добавил теней на подбородок, сделав его непримиримым, когда два глаза Мира стали подобны пропастям. – Потому он победит... Победит!»

Но Котарбинский не останавливался – и взор Мира стал еще печальнее, скулы показались обугленными от темных теней, а тьма за его плечами стала напоминать черные кры-

лья...

И Катерина осознала: знакомый им, уравновешенный, умный, удобный, повседневный Мир, с которым они вели дела столько лет, – верхушка невидимого и неведомого айсберга... и интуитивно почувствовала, за что невзлюбил его Киевский Демон. Мир силен.

Сильнее их Трех?

И опасен.

Но для кого?..

Ей показалось: еще пару штрихов – и она прочтет по портрету всю будущую судьбу Мирослава Красавицкого, и узнает, что судьба эта...

– Мир... Мир!!! – радостно закричала Маша.

Мир Красавицкий материализовался в темном углу у балконной двери.

– Я здесь... – тихо, придушенно сказал он. – Я думал, я уже никогда не вернусь. – Сейчас его лицо было изможденным, усталым. – Как вы сделали это?

– Я вернула не тебя – я вернула себя! – на круглом лице Маши прописалось такое счастье, что даже Даша Чуб отогнала свои сомнения и уверовала в их хеппи-энд. (Уж я-то позабочусь, – пообещала себе Землепотрясная, – раз уж я виновата в Присухе, я их и разрулю! Все будет о'кей.) – Мы – неотделимы. Ты сам сказал это сегодня утром!

– Это действительно так? – спросил Мирослав.

– Вот сейчас и узнаем, – удовлетворенно сказала Акнир.

Худое вострое личико дочери Киевицы стало хищным, теперь она походила на самодовольную кошку, меж лап которой уже билась толстая и жирная мышь:

– Маша, можешь перенести нас сейчас в Настоящее? Нужно проверить...

Младшая из Киевиц кивнула и щелкнула пальцами, возвращая их в XXI век.

Вместо мастерской Котарбинского их окружила холодная пыльная гулкая пустота комнаты в старом заброшенном отеле «Прага».

Дверь, сорванная с петель, сломанный стул, стены с наполовину оборванными старыми обоями советских времен, грязные стекла балконных дверей, пустые картонные коробки и строительный мусор.

Но у них не было времени рассматривать сей скорбный дизайн – все пятеро мгновенно закрыли уши от рева, зажмурились от невыносимо ярких цветов.

Нестерпимый истошный женский стон, перерастающий в мучительный отчаянный крик, накрыл Город... Казалось, легче умереть самим, чем услышать его! И Три Киевицы сра-

зу вспомнили: именно так, невысказанно, дико, ужасно, кричала когда-то умирающая ведьма Кылына, передавая им свою силу!

– Что это? – выдохнула Даша.

– Помните договор с некромантами, заключенный моей матерью, Киевицей Кылыной? – сказала Акнир. – Мать поклялась не преследовать некромантов за пределами нашей земли, а они, в свою очередь, дали клятву никогда не покушаться на душу Киевицы... Конечно, Виктория не подозревала, что душа одной из Трех Киевиц привязана к Миру...

«Возможно, она даже не знала, что Киевиц нынче Трое, – подумала Катя, Но...»

– ...кто ей теперь доктор?! – подытожила Чуб. – Сама виновата! Но почему цветомузыка? – спросила она, непроизвольно щурясь и прикрывая лоб ладошкой, как козырьком.

Белый туман за окнами разорвала невиданная ослепительно-яркая радуга. Чуб выскочила на черный ажурный балкон. В небе над Киевом переливалось многоцветное северное сияние.

– Что это?!

– Самые светлые, самые чистые души на свете, закабаленные Викторией за сотню лет. Она утратила силу... Теперь они снова свободны, – сказала Акнир.

– И мои родители тоже? – спросила Катя.

– Не знаю... Лишь надеюсь, что вся ее бриллиантовая шкатулка пуста.

Широкая Владимирская улица окрасилась нежным цветом зари.

Маленький желтый кубик дома Грушевского на другой стороне дороги порозовел, как обитель богини зари Авроры.

Огромная серая сталинская махина – «Служба безопасности Украины» – стала похожа на сверкающе-розовый кукольный домик.

Весь Город озарился светом души неизвестной монахини с забытого кладбища на Лысой Горе.

А секунду спустя розовый Киев стал лазоревым... Город точно упал на морское дно. Все дома были сделаны из бирюзы. Лишь бордовый барочный дом на углу с Прорезной стал фиолетовым от смешения цветов.

Несколько минут все пятеро восхищенно взирали на невероятное зрелище: Город, непрерывно менявший цвета, свет, разогнавший туман.

Мгновение – и Киев засиял как солнце, стал золотым, превратившись в отлитое из чистейшего золота заветное Эльдо-радо. Банк напротив сиял золотыми стенами, барочная лепнина на углу с Прорезной слепила глаза, а ужасающий своими размерами золотой сталинский кирпич СБУ мог бы покрыть собой весь государственный долг Украины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.